

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

93

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

93

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов и секретари секторов Института археологии АН СССР

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

А. А. ИЕССЕН

КАВКАЗ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК
В IV И III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

I

До недавнего времени вопрос о культурных связях и о соотношении древних культур Кавказа и стран Передней Азии мог быть поставлен и ставился только на основании изучения памятников III тысячелетия до н. э. и более поздних¹.

Прошло уже почти 20 лет после выделения Б. А. Куфтиным так называемой «культуры куро-аракского энеолита» и опубликования первой сводки известных тогда о ней сведений². Эта культура характеризуется оседлыми поселениями с круглыми или прямоугольными в плане жилищами, черной или серой лощеной керамикой, во многих случаях украшенной желобчатым и рельефным или же тонкорезным орнаментом. За истекшее время на Кавказе накоплен очень большой новый материал по этой культуре; в значительной мере выяснен ее ареал, установлены длительность ее бытования и — в самом первом приближении — возможность выделения ряда локальных групп и хронологических подразделений. Оказалось, что зона распространения «куро-аракского энеолита» охватывает все между-речье Куры и Аракса, переходя на левый берег Куры; памятники его проникают в Дагестан, Чечню и Северную Осетию, где встречаются с другой энеолитической культурой Северного Кавказа³.

За последние десятилетия памятники этой же культуры выявлены и частично изучены на обширной территории за рубежами Советского Союза — в Иране и Турции, в бассейнах озер Резайе (б. Урмия) и Ван, в районах Эрзерума, Муша, Эляиза (б. Харпут)⁴. Дальше на юг и юго-запад керамика и некоторые другие элементы этой культуры проникают в районы Антиохии, Сирии и Палестины, где они стали известными под именем кирбет-керакской керамики, датируемой в Палестине серединой или третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Создается впечатление, что эта культура длительно держалась в Закавказье и в районах Эрзеру-

¹ Мы здесь не касаемся памятников палеолита и мезолита, предшествующих времени сложения древневосточных оседлоземледельческих культур.

² Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ, т. XIII-B, 1943.

³ Последние работы: Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961; О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961; Л. И. Глonti и А. И. Джавахишвили. Результаты археологических работ 1954—1959 гг. на поселении Квацхелби (Тулепия кожи). Тбилиси, 1962.

⁴ С. А. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. AS. v. VIII, 1958, стр. 157—209.

ма, Вана и Урмии, тогда как на юго-западе, в Сирии и Палестине, она была менее продолжительна и выражена не в столь чистом виде. Что же касается основной ее территории, то там она, по-видимому, распространилась еще в конце IV тысячелетия до н. э. и держалась долго, может быть, почти до последней четверти III тысячелетия до н. э. Окончательно вопросы абсолютной датировки еще не решены, но за длительное существование этой культуры говорят мощные отложения, вскрытые при раскопках холмов Кюль-тепе около Нахичевани (мощность соответствующих слоев достигает здесь свыше 8 м)⁵, Геой-тепе около Урмии (г. Резайе, мощность слоя К — 6,65 м)⁶ и в Каразе близ Эрзерума (несколько нижних строительных периодов)⁷. Вместе с этим вероятно, что ни на Кюль-тепе, ни на Геой-тепе не представлены все этапы существования данной культуры, так как на обоих поселениях почти отсутствует характерная для других памятников керамика с рельефным и желобчатым орнаментом.

Для абсолютной датировки «куро-аракского энеолита» существенное значение имеют также первые определения возраста радиоуглеродным методом. В ленинградской лаборатории Института археологии АН СССР пока исследованы два образца⁸.

1. Уголь из раскопок Кюль-тепе около Нахичевани, взятый на глубине 8,5 м от вершины холма, что приходится примерно на середину толщи «куро-аракских» слоев. Результат определения: ЛЕ—163—4880 ± 90 лет, т. е. 2920 ± 90 лет до н. э.

2. Обгорелое зерно из слоя пожарища на поселении Квацхелеби около Урбниси в Грузии (горизонт С1): ЛЕ — 157—4760 ± 90 лет, т. е. 2800 ± ± 90 лет до н. э. Сравнение с другими памятниками и наличие на Кюль-тепе (ниже уровня, где взяты образцы) еще более чем четырехметровой толщи «кура-аракских» слоев (включающих двенадцать строительных горизонтов), бесспорно, свидетельствует о том, что исследованные образцы относятся не к начальным периодам изучаемой культуры.

Несмотря на единичность этих анализов, они все же должны быть приняты во внимание при определении возраста «куро-аракского энеолита», начало которого, как уже сказано, вероятно, относится еще к концу IV тысячелетия до н. э.

Одним из важнейших выводов, полученных на основании работ последних лет, оказывается существенное изменение прежних представлений об уровне технического развития племен-носителей «куро-аракской культуры», особенно в отношении металлургического производства. К ранее известным находкам немногочисленных изделий из меди или ее сплавов теперь добавилось столько новых (на Кюль-тепе около Нахичевани, Амирнис-гора около Ахалцихе, Квацхелеби около Урбниси, а также на других поселениях), что у нас уже не остается оснований для отнесения всей культуры к энеолиту, т. е. к медно-каменному периоду. Особенно важно, что на некоторых из поселений (Кюль-тепе, Квацхелеби, Шенгавит) найдены литейные формы, свидетельствующие о местном изготовлении изделий из металла. На Кюль-тепе часть одной из форм для отливки проушного топора залегала в самом нижнем горизонте «куро-аракских» слоев, на глубине 12, 15 м от вершины.

Целой серией анализов металлических изделий установлено широкое применение медно-мышьяковых сплавов, т. е. мышьяковистой бронзы.

⁵ О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, № 67, 1959, стр. 431—452 (слой III сверху; теперь автор его именуется «слой II снизу»).

⁶ T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1955 (слой К).

⁷ H. Z. Koşay, K. Turfan. Erzurum—Karaz Kazisi raporu. TTK Belleten, XXIII, 1959, N 91, стр. 349—413.

⁸ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C¹⁴). СА, 1961, № 2, стр. 11.

с содержанием мышьяка до 6% (Кюль-тепе)⁹. Следовательно, есть все основания относить памятники «куро-аракского энеолита» к периоду ранней бронзы, приведя, таким образом, нашу номенклатуру этого периода в соответствие с общепринятой для смежных на юге территорий Анатолии и Ирана.

Все сказанное свидетельствует о связях древнего населения территорий Закавказья и Сев.-вост. Кавказа с населением смежных на юге областей иранского Азербайджана и Турции. Эти связи сохранялись в течение длительного времени, — очевидно, с конца IV тысячелетия до н. э., вплоть до времени около рубежа III и II тысячелетий до н. э. Об этом можно судить по близости некоторых позднейших находок в Турции (Караз)¹⁰ и в Иране (Яник-тепе между Тавризом и озером Резайе)¹¹ с закавказскими материалами, в особенности с керамикой периода ранней бронзы по принятой до сих пор терминологии¹² и датируемой временем около конца III тысячелетия до н. э.

Невыясненными остаются вопросы о том, как это культурное единство сложилось и развивалось. Касавшиеся данной проблемы авторы пытались установить район формирования этой культуры и пути ее дальнейшего распространения. Так, Ч. Барней предполагал, что районы Триалети и озера Урмии были периферийными, а основными — районы Восточной Анатолии и среднего течения Аракса¹³. Именуя культуру восточноанатолийской, он правильно указывает, что сейчас установить более точно район ее формирования невозможно. О. М. Джапаридзе в последней работе обоснованно отмечает, что район Элязиза — Малатьи из первичного очага образования интересующей нас культуры следует исключить, так как там ей хронологически предшествует халколит с расписной керамикой, резко отличной от одноцветной лощеной керамики Закавказья. Однако его предположение о распространении племен — носителей этой культуры в Анатолию из Закавказья пока ничем не подтверждено¹⁴.

Можно считать весьма вероятным, что появление кирбет-керакской керамики и сопровождающих ее «куро-аракских» лещеносных очагов на юге, в Сирии и Палестине, связано с временным, но достаточно интенсивным проникновением туда групп населения с северо-востока. Однако характер этого продвижения во многом остается еще неясным. Наиболее трезвую позицию в этом вопросе занимают Р. и Л. Брэдвуд. В большой публикации, посвященной исследованным ими поселениям в районе озера Амул (Амиж на наших картах)¹⁵, севернее Антиохии (Антакьи), они отказываются видеть в появлении красно-черной лощеной керамики в этом районе результат «большого переселения народов» с севера, как это предполагали Л. Вулли и другие авторы¹⁶. Р. и Л. Брэдвуд подчеркивают, что

⁹ И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960, глава V, стр. 130—167; е го же. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, № 2, стр. 89—102. Предложение И. Р. Селимханова ввести термин «медно-мышьяковый период» («Историко-химические и аналитические исследования...», стр. 167) или даже «медно-мышьяковый век» («К исследованию металлических предметов...», стр. 102) не может считаться удачным.

¹⁰ Н. Z. Koşay, K. Turfan. Указ. соч. (верхние слои).

¹¹ С. А. Vigneу. Excavations at Yanik Tepe (North-West Iran). «Iraq», v. XXIII, N 2, 1961, стр. 138—153.

¹² Период «ранней бронзы» (по нашей литературе), которым следует датировать древнюю группу триалетских курганов Б. А. Куфтина, курганы Сачхерского района и ряд других памятников, теперь придется отнести к раннебронзовому периоду III, а памятники «куро-аракского энеолита» — к раннебронзовым периодам I и II. Обоснование этого предложения необходимо будет дать в иной связи.

¹³ С. А. Vigneу. Eastern Anatolia..., стр. 165, 166.

¹⁴ О. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 260, 261 (резюме на русском языке).

¹⁵ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch, I. OIP, LXI, 1960, стр. 518.

¹⁶ L. Woolley. A Forgotten Kingdom. London, 1958, стр. 31, 32.

наряду с этой новой для данного района керамикой, проявляющейся на этапе Н их хронологической и стратиграфической схемы, сохраняются сильные местные традиции, в том числе и в производстве керамики. Это обстоятельство противоречит гипотезе о насильственной смене населения, высказанной Л. Вулли. Пути проникновения этой керамики в Сирию и Палестину для Р. и Л. Брэдвуд остаются неясными. Их предположение о возможности ее происхождения из Юго-Западной Анатолии и продвижении морским путем на восток¹⁷ не может считаться убедительным, так как все аналогии ведут на северо-восток, в Восточную Анатолию и Закавказье. В этой связи сто́ит отметить еще высказываемую многими авторами гипотезу о значительной роли Закавказья и Армении в снабжении района Сирии металлом. Впервые сформулированная А. Гюбером¹⁸, эта гипотеза в измененном виде принята затем такими исследователями, как К. Шеффер¹⁹ и М. Дюнан²⁰. Известные в Сирии находки изделий из металла, позволяющие проследить связи с северо-востоком, относятся ко времени проникновения на юг керамики кирбет-керакского типа и к более позднему периоду, вплоть до первых столетий II тысячелетия до н. э. Нам кажется, что речь должна будет идти о весьма важных древних металлургических центрах в районах меднорудных месторождений южнее Трапезунда и Чороха, с одной стороны, и в Аргана (Эргани — Маден), к юго-востоку от Элязиза, — с другой. Эти центры, соотношение которых в древности нам еще совершенно неизвестно, должны были на ранних этапах развития металлургии играть существенную роль в снабжении металлом как районов Закавказья, так и Северной Сирии и Месопотамии²¹.

Вся сумма наших знаний о памятниках «куро-араксской» культуры Закавказья свидетельствует о том, что она развивалась как самостоятельная часть более широкого культурного единства, охватывавшего обширную территорию на юге, в пределах Ирана и Турции. Однако до самых последних лет мы не могли заглянуть в более глубокое прошлое Закавказья и сказать, была ли «куро-араксская» культура здесь первой культурой оседлоземледельческого и скотоводческого типа, или же ей, как и в смежных на юге странах, предшествовали более ранние этапы в развитии этого хозяйственного уклада.

II

В 1955 г. О. А. Абибуллаев закончил разведочный стратиграфический раскоп на холме Кюль-тепе около Нахичевани, доведя его до материка. Общая мощность культурных отложений составила 21,1 м, причем нижняя толща слоев (мощностью 8,3 м) была отделена от вышележащей «куро-араксской» свиты незначительной стерильной прослойкой на уровне 12,4—12,8 м ниже вершины холма.

Нижняя толща, обозначенная автором раскопок первоначально как слой IV²², а в последующих работах — как слой I снизу²³, характеризу-

¹⁷ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 519.

¹⁸ H. Hubert. Des quelques objets de bronze trouvés à Byblos. «Syria», VI, 1925, стр. 16—29.

¹⁹ Cl. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, стр. 545, 546; его же. Les porteurs des torques. «Ugaritica», II, 1949, стр. 109, 119. Автор считает, что металлургия из Малой Азии, а не с Кавказа, распространилась на юг, в Сирию, Финикию и, может быть, в Палестину.

²⁰ M. Dunand. Fouilles de Byblos, II. Paris, 1954, стр. 397—399. Ссылаясь на А. Гюбера, автор признает для Сирии влияние металлургических центров Армении и Кавказа.

²¹ О причорохском районе см. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 44—48. О древних рудниках района Эргани — Маден см. S. E. Birgi. Notes on the Influence of the Ergani Copper Mine on the Development of the Metal Industry in the Ancient Near East. Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, I, Bd. Heidelberg, 1951, стр. 445—451.

²² О. А. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 445—451.

²³ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-тепе. Баку, 1959

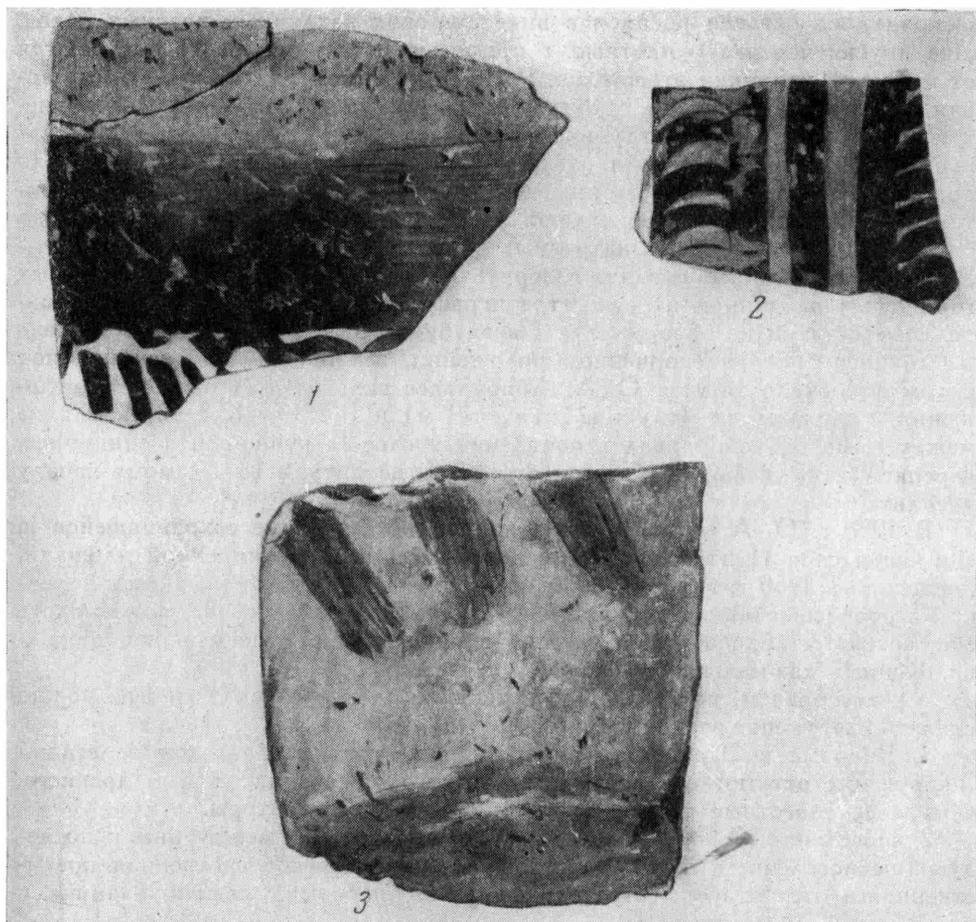

Рис. 1. Расписная керамика из слоя Кюль-тепе I.
1 — с глубины 16,85 м; 2 — с глубины 18,8 м; 3 — с глубины 17,35 м.

лась на всем протяжении весьма однородным каменным материалом. Зато керамика слоя I резко отличается от более поздней из слоя II. За исключением трех черепков с росписью, совершенно отсутствующей в слое II, вся остальная керамика изготовлена из глины с растительной примесью (соломы, травы или половы), неравномерно и часто неполно обожжена. Широко применялись ангобирование поверхности и лощение. Цвет наружной поверхности преимущественно красный разных оттенков, серый и бурый. Поверхность, несмотря на ангобирование и лощение, часто неровная вследствие выгорания растительных примесей при обжиге.

Формы сосудов отличаются простотой — это миски и глубокие чаши с плоским дном, баночные и бочонковидные сосуды и «кувшины», т. е. сосуды с суженным горлом и расширенным выпуклым туловом. Эта последняя форма не встречается в самых глубоких слоях. Во всех случаях отсутствуют ручки, заменяемые иногда выступами различного вида. Таким образом, керамика слоя I явно отличается примитивизмом, уступая по всем показателям более поздней «куро-араксской» высококачественной посуде. Из трех черепков с росписью один, найденный на глубине 17,35 м, относится к лощеной чаше из глины с примесью соломы (рис. 1—3).

(на азерб. яз.); его же. Археологические раскопки холма Кюль-тепе. Автореферат диссертации. Баку, 1959.

Сохранились остатки росписи в виде широких наклонных красных полос. Два других черепка — плотные, с примесью песка; они резко отличаются от массовой керамики этого слоя. Роспись на одном из них красная и черная (рис. 1—1; найден на глубине 16,85 м), а на другом — темно-коричневая (рис. 1—2; найден на глубине 18,8 м).

При небольшой площади раскопа (до уровня 16,75 м она достигала приблизительно 65 кв. м, а ниже, до материка, — около 30 кв. м) строительные остатки обнаружены лишь в незначительном числе, но все же до глубины 16,3 м выявлены на разных уровнях остатки пяти каменных кладок; это, очевидно, позволяет говорить не менее чем о пяти строительных горизонтах на данном отрезке стратиграфической колонки. Глубже строительные остатки не обнаружены. На глубинах от 14,5 до 18,5 м встречено шесть погребений в скорченном положении, захороненных, очевидно, под полом или около жилищ. О. А. Абибуллаев склонен был разделить отложения I слоя на Ia (глубина ниже 19 м) и Ib (19—12,8 м). Различие между ними он усматривал в появлении в слое Ia кувшинов и единичных черепков с росписью. Слой Ia он относил к неолиту, а Ib к самому началу энеолита.

В 1958 г. О. А. Абибуллаев закончил исследование сохранившейся *in situ* части слоя II и перешел к раскопке слоя I на расширенной площади, достигнув в 1960 г. глубины 17 м от вершины. За это время к трем черепкам с росписью, обнаруженным в стратиграфическом раскопе, прибавилось еще восемь. Найдено также четыре медных предмета: небольшая проколка, бусина и два малых обломка²⁴.

Таким образом, уже сейчас на основании раскопок на Кюль-тепе можно сделать следующие заключения:

1. Впервые в Закавказье в бесспорном стратиграфическом залегании обнаружены остатки оседлоземледельческого поселения, более древнего, чем ранее известные поселения «куро-араксской» культуры.

2. Поселение это существовало длительное время; между ним и последующим поселением «куро-араксской» культуры непосредственная преемственность отсутствует (стратиграфический перерыв; резкая разница в керамике).

3. Население поселка (слой I), по меньшей мере в течение более поздней половины времени его существования, уже пользовалось металлом.

Исключительное значение материалов слоя I на Кюль-тепе для понимания древней истории Закавказья станет особенно ясным, если мы учтем, что уже сейчас этот памятник не единственный в пределах края и относится к культуре, оставившей следы на довольно обширной территории.

III

Памятники, относящиеся к той же культуре, что и нижний (первый) слой Нахичеванского Кюль-тепе, за последние годы обнаружены в Мильско-Карабахской степи совместной экспедицией Института археологии АН СССР и Института истории АН Аз. ССР. Раскопки на этих памятниках еще не проведены, однако значение самого факта открытия настолько велико, что необходимо сообщить все данные, которыми мы располагаем. Сейчас известно восемь пунктов с остатками поселений. На всех в подъемном материале встречена керамика, характерная для слоя I Кюль-тепе, т. е. содержащая в тесте значительное количество растительной примеси. Обломки в основном относятся к толстостенным сосудам. Поверхности обычно густо ангобированы светлым ангобом и залощены. Наружная поверхность чаще всего светлая — от почти белого и розового, иногда зеленоватого цвета до красного и коричневого. Изредка среди подъемного

²⁴ Устное сообщение О. А. Абибуллаева.

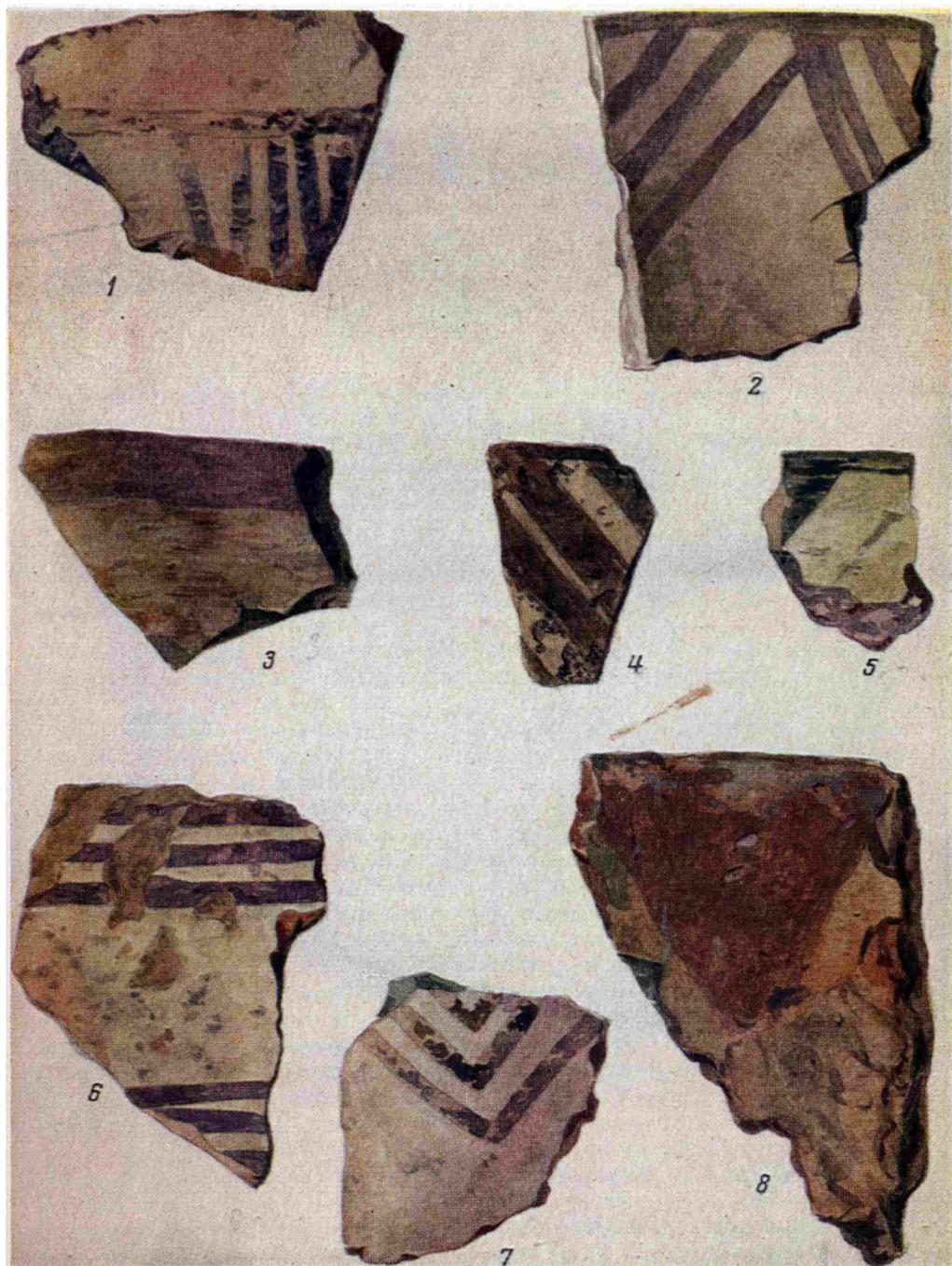

Рис. 2. Расписная керамика из Мильской степи.

1, 3, 5—7 — из Кямил-тепе; 2 — у сухого русла Шапарты; 4 — из малого безымянного тепе;
8 — холм близ Кямил-тепе.

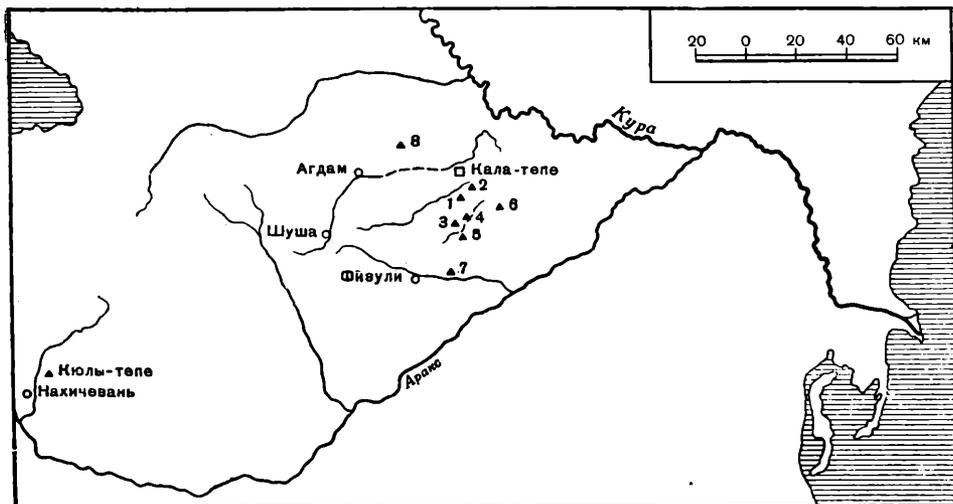

Рис. 3. Карта памятников культуры Кюль-тепе в Азербайджане.

1 — холм Шах-тепе; 2 — малое безымянное тепе; 3 — Кямил-тепе; 4 — у сухого русла Шапарты; 5 — безымянный холм в 5 км от Кямил-тепе; 6 — канал имени Орджоникидзе, 5-й распределитель; 7 — сел. Караханбейли; 8 — сел. Бала-Багарам (район Агдама).

материала встречаются черепки с росписью, более плотные и тонкостенные, чем нерасписные. Расписные черепки известны с пяти поселений (рис. 2).

Обнаруженные поселения расположены в западной, повышенной части Мильской степи (семь пунктов) и один пункт — Карабахской степи (рис. 3).

1. Холм Шах-тепе находится в Мильской степи, в 34 км к востоку-юго-востоку, от города Агдама и в 13 км к юго-западу от городища Кала-тепе, расположенного на правом берегу р. Каркарчай. Хорошо выраженный искусственный холм достигает высоты около 6 м. Верхняя площадка почти круглая, диаметром несколько больше 20 м; нижний диаметр — около 70 м. Холм окружен остатками широкого рва. Обильный подъемный материал в основной массе относится к описанной керамике (с примесью соломы в тесте). Встречались единичные плотные толстостенные черепки с росписью. Полностью отсутствует средневековый материал.

2. Малое безымянное тепе расположено в 5 км к северо-востоку от Шах-тепе и примерно в таком же расстоянии к юго-западу от среднего (самого высокого) кургана в группе Уч-тепе. Высота холма — около 3 м, диаметр — 70 м. На поверхности холма и вокруг него собран почти исключительно ранний подъемный материал того же характера, что и на Шах-тепе. Встречено несколько черепков с росписью (рис. 2—4) и немного средневековой керамики.

3. Холм Кямил-тепе находится в 3 км к юго-юго-западу от канала имени Орджоникидзе, от пересечения его пересыхающим руслом Шапарты или Карасу, и в 1 км от левого берега этого русла. Высота холма — около 4 м. Вокруг холма и на нем собран подъемный материал. Преобладает древняя керамика описываемого нами типа, в том числе отдельные черепки с росписью (рис. 2—1, 3, 5, 6, 7); много обсидиана.

4. В 0,7 км к юго-востоку от предыдущего расположено обширное поселение на слегка всхолмленной местности, прилегающей с запада к небольшому ложку, за которым находится узкий и глубокий овраг — русло Шапарты. На южной половине площади среди обильного разновременно-

го (вплоть до средневекового) подъемного материала встречено много черепков описываемой ранней керамики, в том числе — несколько расписных (рис. 2—2). На северной половине площади материал относится почти исключительно к периоду поздней бронзы и раннего железа.

5. Безымянный естественный отдельно стоящий холм находится в 5 км выше Кямил-тепе на правом берегу Карасу и в 3 км выше слияния Карасу с руслом Шапарты. Холм не запахан. На обширной площади (около 300×100 м) собран обильный подъемный материал ранней группы; найден один черепок с росписью (рис. 2—8). Более поздняя керамика немногочисленна.

6. Обильный керамический материал ранней группы (в том числе — черепки с росписью) обнаружен в 1960 г. в выкидах экскаватора и в обрезах 5-го распределителя, выведенного из канала имени Орджоникидзе на северо-восток в сторону сел. Кеберли. Залегают находки на глубине около 1 м.

7. На восточной окраине сел. Караханбейли, в 12 км к востоку от города Физули (б. Карягино), находится небольшой холмик, выступающий слева в пойму Кенделянчая. На нем и в прилегающем с востока овражке собран разновременный подъемный материал, среди которого — несколько обломков сосудов интересующей нас группы.

8. Последнее из установленных до сих пор местонахождений керамики типа находок из слоя I Кюль-тепе находится значительно севернее, в Карабахской степи, на восточной окраине сел. Бала-Багарлы, в 18 км к северо-востоку от Агдама. В немногочисленном подъемном материале, собранном здесь на небольшом тепе, оказался и один древний красный черепок с соломой в глиняной массе.

Таким образом, сейчас можно считать установленным, что древняя культура, представленная в нижних горизонтах Нахичеванского Кюль-тепе, была распространена и в Мильско-Карабахской степи, в районе, удаленном на 160—200 км по прямой от Нахичевани. Мы пока не можем определить, как далеко в пределы Закавказья проникала эта культура, где проходила северная и северо-западная границы ее ареала. Что же касается юга, то можно уверенно считать, что закавказские местонахождения — периферийные в обширной переднеазиатской культурной области, но иного, более восточного, нежели у последующей «куро-аракской» культуры, ареала. К такому заключению нас неизбежно приводит распространение в Передней Азии керамики, представленной на поселениях Азербайджанской ССР, и в массовом и в расписном ее вариантах.

Рассмотрим теперь стратиграфию второго и последнего из известных сейчас памятников, где слои, относящиеся к культуре «куро-аракского» облика, подстилаются более древними отложениями. Речь идет об упомянутом выше холме Геюй-тепе, исследованном в 1948 г. английской экспедицией Т. Бертон-Броуна²⁵. На Геюй-тепе мощные отложения слоя К, родственного слою II Нахичеванского Кюль-тепе, непосредственно подстилаются более древними слоями М и N. К сожалению, раскоп не был доведен до материка. Слой М мощностью 0,95 м вскрыт на площади около 40 кв. м. Ниже его залегал слой N, снятый лишь на 0,15 м. В слое М сохранились остатки прямоугольных построек, обнаружена светлоглиняная керамика из теста с примесью травы или соломы, судя по описанию, технически вполне сопоставимая с соответствующей керамикой Кюль-тепе I и Мильской степи. Отличается материал Геюй-тепе от закавказского широким распространением росписи²⁶, по рисунку иной, непохожей на немногочисленные пока образцы росписи керамики из Мильской степи и Кюль-тепе. Более развиты и разнообразны и формы сосудов. Наряду с этой

²⁵ В старой литературе — Гек-тепе.

²⁶ T. Burton-Brown. Указ. соч., табл. I и II; табл. III, № 43 и 97; рис. 4 и 5.

керамикой, встречены обломки краснолощенных и — очень редко — серых сосудов. В слое N, едва затронутом раскопками, встречено немного краснолощенной керамики и серой, нелощенной, которой совершенно недостаточно для характеристики этого комплекса. В слое M обнаружены три обломка изделий из металла; анализ двух из них показал, что они изготовлены из практически чистой меди лишь с ничтожными примесями других металлов, в том числе — мышьяка (0,02 и 0,005 %) ²⁷.

Сопоставление слоя M с Кюль-тепе I приводит к заключению, что слой M либо относится к более позднему времени, чем Кюль-тепе I, либо принадлежит другой, более развитой локальной группе, что при расстоянии между обоими пунктами около 200 км вполне возможно. Предложенная автором раскопок датировка слоя M около 3250—3150 гг. до н. э. ²⁸ основывается на сопоставлении росписи на керамике Геой-тепе с северной группой расписной месопотамской керамики обейдского времени. В свете сказанного выше о датировке «куро-араксской» культуры такую дату слоя M можно считать, скорее всего, слишком поздней.

Ближкий керамике слоя M комплекс обнаружен в 1957 г. американской экспедицией на холме Пиждели-тепе, южнее озера Резайе, на Солдузской равнине. Здесь вся керамика была со следами примеси рубленой соломы в глине; часть сосудов украшена матовой монокромной росписью. Сопоставление с керамикой Геой-тепе M показывает, что в Геой-тепе формы сосудов другие и более разнообразные, а роспись более бедная. По росписи керамика Пиждели-тепе ближе северообейдскому варианту; в Тепе-Гавра аналогии ей дают слои XIX—XVII, а к росписи посуды слоя M — вышедшие слои Тепе-Гавра — XIII—XII. Отсюда делается вывод, что Геой-тепе M может принадлежать к комплексу Пиждели-тепе ²⁹. Несомненно, однако, что оба они относятся к позднеобейдскому периоду.

Весьма существенно сопоставить стратиграфию Кюль-тепе и Геой-тепе с наслоениями холма Тилки-тепе, ранее называвшегося Шамирамалти, около Вана. Этот интереснейший памятник впервые был обследован и дилетантски раскопан В. Белком в 1899 г. Собранные им материалы в 1928 г. опубликованы А. Йенни ³⁰. Стратиграфия поселения установлена небольшими раскопками, выполненными в 1937 г. Э. Б. Рейли ³¹. Результаты более значительных раскопок американской экспедиции проф. Лэка в 1939 г. за смертью автора остались неопубликованными ³². Э. Б. Рейли установил на Тилки-тепе три слоя: верхний (первый) характеризуется керамикой с примесью соломы в глине, часто с красной росписью вертикальными волнистыми или прямыми линиями, нанесенными широкой кистью ³³; в среднем (втором) слое расписная керамика отсутствовала, встречена лишь лощеная, из глины с примесью песка или дресвы ³⁴; в нижнем (третьем) слое представлена расписная керамика халафского типа (рис. 4) ³⁵. Мощность слоя I была около 1,5 м, слоя II — почти 5 м, слоя III—2 м, всего до материка — свыше 8 м.

²⁷ Там же, стр. 179, № 1209 и 1210.

²⁸ T. Burton-Grown. Указ. соч., стр. 264, синхронистическая таблица.

²⁹ R. H. Dyson and T. C. Young. The Solduz Valley, Iran: Pisdeli Tepe. «Antiquity», 1960, N 133, стр. 19—28.

³⁰ A. Jenney. Schamiramalti. Praehistorische Zeitschrift, XIX, N 3/4, Berlin, 1928, стр. 280—304.

³¹ E. B. Reilly. Tilkitepedeki ilk Kazilar 1937 (Test excavations at Tilkitepe 1937). Türk Tarih, Arkeologiya ve Etnografya Dergisi, IV, 1940, стр. 145—178 (на турецк. и англ. яз.); K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei, 1934—1938. AA, 1939, столбцы 108, 109.

³² Имеются только упоминания об этих работах, например, — AA, 1940, столбец 584.

³³ A. Jenney. Указ. соч., рис. 3, 6 и табл. 33, B; E. B. Reilly: Указ. соч., рис. 8, 9, 16.

³⁴ E. B. Reilly. Указ. соч., рис. 10.

³⁵ A. Jenney. Указ. соч., рис. 1, 5; E. B. Reilly. Указ. соч., рис. 11—13 и 18

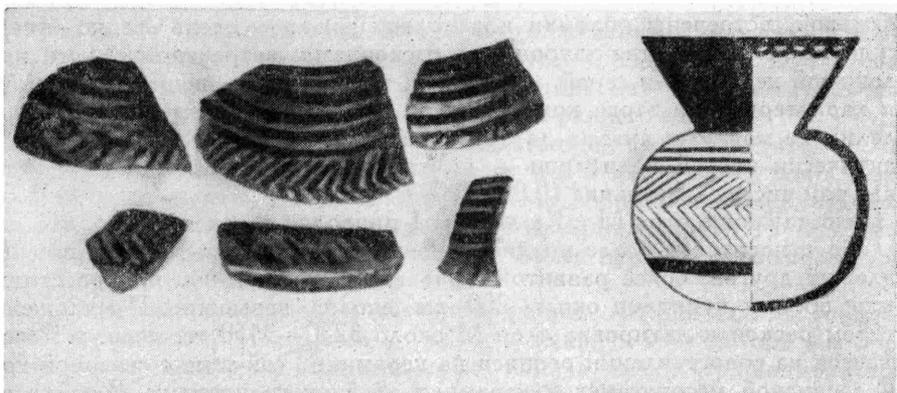

Рис. 4. Халафская керамика Тилки-тепе III (по К. Биттелю).

Синхронизация Тилки-тепе с Геой-тепе и Кюль-тепе представляет значительные трудности. Небольшое количество опубликованных стратиграфически фиксированных образцов керамики приводит к заключению, что слой I Тилки-тепе с Геой-тепе M связывается единством техники, но совершенно различается по элементам росписи, а также, по-видимому, и по формам сосудов. Ч. Барней все же сопоставляет эти слои³⁶. Керамика Тилки-тепе II не находит аналогий в рассмотренных выше памятниках и вместе с тем совершенно отлична от хорошо представленной в районе Вана керамики «куро-аракского» типа³⁷.

Керамика нижнего слоя Тилки-тепе всеми видевшими материалы авторами (Рейли, Биттель, Барней) совершенно уверенно связывается с культурой Халафа и, следовательно, оказывается более древней, чем Геой-тепе M. Вместе с тем в росписи встречаются отдельные элементы, общие для халафской и обейдской керамики, в том числе и на Геой-тепе M³⁸.

С Нахичеванским Кюль-тепе I слой Тилки-тепе I может быть связан общностью техники выделки керамики (примесь соломы к глине), а также находкой расписного черепка на Кюль-тепе (рис. 1—3). К нижнему слою Тилки-тепе близок и другой плотный расписной черепок с Кюль-тепе (рис. 1—2), найденный на глубине 18,8 м, принадлежность которого к халафской группе нам представляется весьма вероятной.

Насколько можно судить, Тилки-тепе I — одно из самых западных местонахождений керамики с примесью соломы. Ч. Барней подобную керамику без росписи знает западнее Вана лишь в небольшом количестве из долины Муш³⁹. Что же касается халафской керамики, то Тилки-тепе сейчас известен как крайний северо-восточный предел ее распространения⁴⁰. Если это так, то напрашивается вывод о принадлежности Тилки-тепе II и

³⁶ С. А. Burney. *Eastern Anatolia...*, стр. 160.

³⁷ Там же, рис. 77—122 (находки в Эрнисе у северо-восточной оконечности Ванского озера). «Куро-аракская» керамика экспедицией 1939 г., по-видимому, найдена в 5 км к северо-западу от Вана — в Каладжике; об этом см. упоминание в АА, 1940, столбец 583.

³⁸ Совсем иначе соотношение стратиграфических колонок Тилки-тепе и Геой-тепе трактуется в книге: В. Нгоуда. *Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien. Istanbul Forschungen*, 19, Berlin, 1957, табл. 12. Тилки-тепе I синхронизируется с Геой-тепе D и каппадокийской расписной керамикой конца III — начала II тысячелетий до н. э., а Тилки-тепе II — со слоями G и K Геой-тепе. В свете сказанного выше такую позднюю датировку Тилки-тепе принять невозможно.

³⁹ С. А. Burney. *Eastern Anatolia...*, стр. 160 и 164.

⁴⁰ A. L. Perkins. *The Comparative Archeology of Early Mesopotamia*. Chicago, 1959, стр. 31 и 45.

III к западному, анатолийскому и халафскому культурному единству, тогда как в Тилки-тепе I нашло отражение восточное, иранское влияние.

В самом деле, распространение керамики со значительной примесью в глине растительных материалов (straw-tempered ware, Häckselkeramik) в IV тысячелетии до н. э. очень характерно для восточных областей Передней Азии, а появление ее на западе в чужеродной среде трактуется как результат влияний с востока (Амук⁴¹, фаза F; Тепе-Гавра⁴², слой XI-A и вышележащие; Рас ал-Амия в Южной Месопотамии⁴³ и др.). К этой группе можно отнести и приведенные выше находки из Мильской степи. Собранные там на поселения образцы расписной керамики в числе нескольких десятков также принадлежат к этой группе и относятся к восточно-переднеазиатскому («иранскому») кругу.

Изложенное выше позволяет предложить предварительную схему синхронизации в соответствии с состоянием известных нам сейчас источников (см. таблицу).

Схема синхронизации памятников

Западный круг				Восточный круг	
Период	Тилки-тепе	Кюль-тепе	Геой-тепе	Пиждели-тепе	Период
«Куро - араксский» (ранняя бронза). Около 3200 до н. э.	—	II (~ 8 м)	K3 K2 K1 (6,65 м)	—	Сиалк { IV Конец III
Поздний энеолит	I (1,5 м)	Перерыв	M (0,95 м)	—	Около 3200 до н. э. Позднеобейдский
	II (~ 5 м)	I6 (6,2 м) ¹	N . ? ?	Северо-обейдская керамика	
Халафский	III (~ 2 м)	Ia (2,1 м)	—	—	Обейдский Халафский

¹ На глубине 6 м от верха слоя I6 — один халафский черепок.

Абсолютный возраст рассматриваемых нами памятников пока не может быть определен достаточно точно. Для Кюль-тепе I радиоуглеродные определения еще не получены. Одно определение недавно опубликовано для Пиждели-тепе: 3500 ± 160 лет до н. э.⁴⁴, а сопоставленный с ним по расписной керамике обейдского времени комплекс Тепе-Гавра XVIII—XVII датирован 3446 ± 325 лет до н. э.⁴⁵, т. е. также около середины

⁴¹ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 513, 514.

⁴² A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 166.

⁴³ D. Stronach. Excavations at Ras al-Amiya. «Iraq», XXIII, 1961, № 2, стр. 121, 122, табл. XLVI, 8 и LI, 7.

⁴⁴ R. H. Dyson and T. C. Young. Указ. соч., стр. 26. Лаборатория, произведившая определение, не упомянута. Эта же дата приведена в статье R. H. Dyson. Hasanlu and Early Iran. «Archaeology», v. 13, № 2, 1960, стр. 129.

⁴⁵ Определение Чикагской лаборатории, С-817. Для древнейшего обейдского слоя в Уркуе опубликовано определение возраста: H-138/123, 6070 ± 160 лет, т. е. 4115 ± 160 лет до н. э.

IV тысячелетия до н. э. Этим же временем мы пока должны датировать и рассмотренные нами памятники Азербайджана, причем следует иметь в виду, что свыше 8 м слоя Кюль-тепе I не могло накопиться за одно-два столетия; несомненно, что период этот длился дольше и уходит в первую половину IV тысячелетия до н. э.

Самое существенное значение в нашей схеме имеет разграничение западной и восточной культурных областей. Если в конце периода собственно неолита, к которому следует относить культуру Кюль-тепе I, мы наблюдаем проникновение восточных элементов на запад, в область Вана (и далее в район Муша), то позже, в период формирования «западной» куро-араксской культуры она проникает на восток, в районы Азербайджана и Урмии.

Отсюда вытекает заключение, что из области формирования «куро-араксской» культуры следует исключить, как намечал Ч. Барней⁴⁶, приурмийский район и Азербайджан, а, очевидно, также и район Вана. Что же касается Армении и Грузии, то считать их такими же периферийными районами, как полагал Ч. Барней, у нас нет оснований. Вместе с примыкающими с юга областями Восточной Анатолии они включают в себя и те районы, где сложилась на далеко еще не ясной основе «куро-араксская» культура ранней бронзы.

Открытым остается вопрос о времени возникновения в южных районах Закавказья, — в частности, в области распространения культуры Кюль-тепе I, — оседлоземледельческого уклада. Нужны дальнейшие интенсивные поиски более ранних памятников, так как не только возможно, но и вполне вероятно, что найденные теперь оседлые поселения в Азербайджане не были самыми ранними на Кавказе. Решение этой проблемы связано с исследованием неолита Кавказа — периода, пока еще почти не изученного⁴⁷.

⁴⁶ С. А. Burney. Eastern Anatolia..., стр. 161, 165, 168.

⁴⁷ При оценке приведенных нами (стр. 4) определений возраста радиоуглеродным методом необходимо учитывать полный диапазон возможных статистических отклонений этих дат от истинных. В частности, для образца ЛЕ-163 мы получим, что он датируется между 3190 и 2650 гг., а образец ЛЕ-157 — между 3070 и 2530 гг. до н. э. Для окончательной оценки этих дат необходимо выждать завершения ведущихся сейчас рядом лабораторий исследований по уточнению периода полураспада углерода 14.

В. М. МАССОН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ИРАН
В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Обширный материал, накопленный археологической наукой, позволяет не только проследить эволюцию культуры и хозяйства на той или иной территории, но в отдельных случаях подойти к изучению конкретных событий дописьменной истории древних племен и народностей. Одним из примеров, этого, как кажется, могут служить взаимоотношения между племенами Средней Азии и Ирана в конце IV — первой половине III тысячелетий до н. э.

В это время по территории Ирана и Средней Азии проходили границы, разделяющие три большие культурно-хозяйственные зоны древнего Востока (рис. 5). На юго-западе Ирана в плодородных долинах рек Каруна и Керхе сложилось раннеклассовое общество Элама, состоявшего из отдельных городов-государств. Весь остальной Иран занимали племена оседлых земледельцев и скотоводов, для культуры которых характерно употребление расписной керамики. Нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что развитие какой-либо из групп этих племен вышло за рамки первобытнообщинного строя. Число племенных групп, вероятно, образовывавших этнографические общности, было сравнительно велико. Накопленные археологические материалы позволяют говорить, по крайней мере, о пяти таких группах, и число их, несомненно, возрастет в ходе дальнейших полевых работ.

Центральный Иран занимали племена, известные по раскопкам таких памятников, как Тепе-Сиялк у Кашана¹, Чешме-Али у Рея², Тепе-Гисар у Дамгана³. Довольно близка культуре этих племен и культура земледельческо-скотоводческих общин Центрального Загроса (Тепе-Гиан у Нехавенда⁴). Свообразными традициями отличалась культура Северо-Западного Ирана, где приурмийский район с III тысячелетия до н. э. входил в восточноанатолийско-закавказскую культурную общность, весьма отличную от распространенной на остальной территории Ирана⁵. На территории Фарса располагались многочисленные поселки древних земледельцев,

¹ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, vv. I—II. Paris, 1938—1939.

² E. F. Schmidt. The Persian expedition to Ray. University Museum Bulletin, V. Philadelphia, 1935; D. E. McCown. Comparative stratigraphy of Early Iran. SAOC, N 23. Chicago, 1942.

³ E. F. Schmidt. Tepe Hissar excavations, 1931. Museum Journal, XXIII, 1933, стр. 313—483; его же. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.

⁴ G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles du Tépé Giyan près de Néhavend. Paris, 1935.

⁵ T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951; C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. AS, v. VIII, 1958; P. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961.

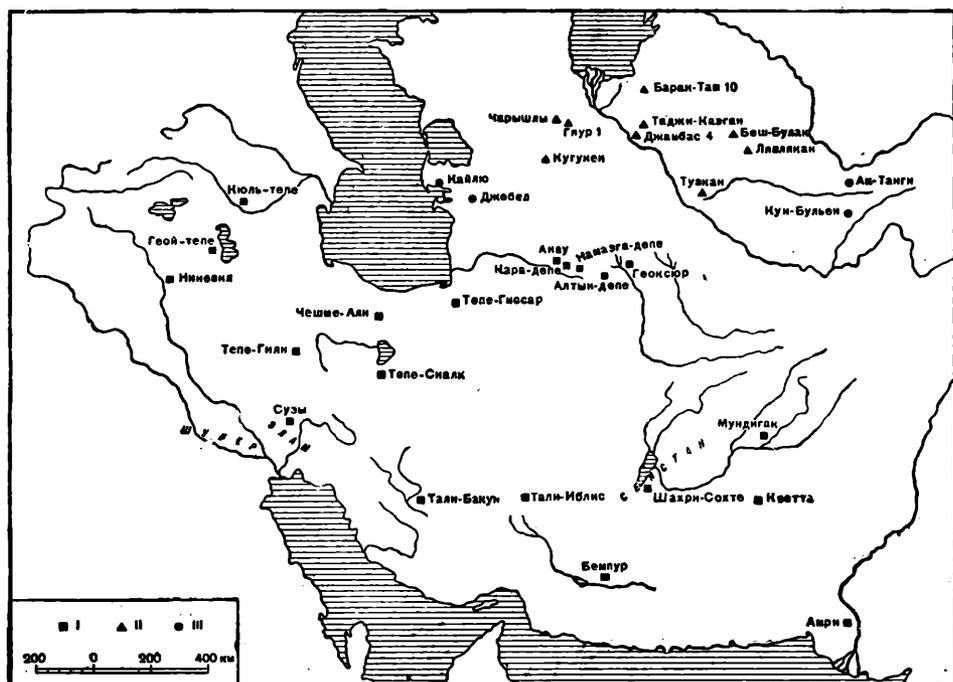

Рис. 5. Иран и Средняя Азия в IV—III тысячелетиях до н. э.

1 — земледельческие поселения; 2 — памятники кельтеминарской культуры; 3 — прочие памятники неолита.

изготавливавших расписную посуду и образовавших как бы земледельческий тыл раннеклассового Элама⁶. Особую группу составляют памятники Бемпура и Кермана в Юго-Восточном Иране⁷, находящие много общего с раннеземледельческой культурой Сеистана⁸. К сожалению, пока совершенно не известны памятники Северо-Восточного Ирана, где, судя по косвенным данным, особая группа племен занимала районы Хорасана.

К зоне земледельческо-скотоводческих племен примыкала и юго-западная часть Средней Азии⁹. Большая часть Средней Азии была занята племенами третьей зоны — охотниками и рыболовами, культура которых длительное время сохраняла весьма архаический неолитический облик (рис. 5). Наиболее значительную территорию занимали племена, образовавшие (с рядом локальных вариантов) кельтеминарскую культурную общность. Памятники этих племен известны по Узбою в правобережном и левобережном Хорезме¹⁰, в Кызыл-Кумах¹¹ и низовьях Зеравшана¹².

⁶ L. Vanden-Berge. *Archéologie de l'Iran ancien*. Leiden, 1959, стр. 41—44.

⁷ A. Stein. *Archaeological reconaissance in North-Western India and South-Eastern Iran*. London, 1937.

⁸ W. A. Fairervis. *Archaeological studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran*. New York, 1961.

⁹ R. Pumpelly. *Explorations in Turkestan*, vv. I—II. Washington, 1908; см. также Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956; т. X, 1960 (1961).

¹⁰ Сводный обзор памятников Хорезма и Узбой см.: «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой». МХЭ, вып. 3, 1960.

¹¹ А. И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана. ВДИ, 1947, № 2; Н. Н. Вакурская. О поездке в южные Кызыл-Кумы в 1955 году. В кн.: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1955—1956 гг. МХЭ, вып. 1, 1959.

¹² Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН УзССР, вып. VIII, 1956; У. Исламов. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1.

Во многих отношениях близка кельтеминарской культуре и культура прикаспийских племен¹³. Значительным своеобразием и архаизмом отличается культура неолитических племен горных областей Западного Таджикистана¹⁴. Таким образом, если территория Ирана уже почти вся была занята оседлоземледельческими племенами, Средняя Азия четко разделялась на две зоны: земледельцев-скотоводов на юго-западе и охотников-рыболовов на севере и востоке. Аналогичное явление мы наблюдаем и в Индии IV—III тысячелетий до н. э. В это время Средняя Азия и Индия были странами, по которым проходила граница между миром оседлого земледелия и обширными пространствами, где продолжалось развитие присвояющего хозяйства.

Мы собираемся остановиться в первую очередь на вопросах взаимоотношений земледельческих племен Средней Азии и Ирана. Обратимся к анализу конкретных материалов. Территория, занятая в конце IV — первой половине III тысячелетий до н. э. среднеазиатскими земледельцами, совершенно четко разделяется на две культурных области, возможно, соответствующие территориям обитания двух племенных союзов. Западная группа, к которой относятся такие памятники, как Анау, Кара-депе у Артыка, Намазга-депе (более западные поселения плохо изучены), по многим особенностям и, главное, по характеру расписной керамики отличается от восточной группы, которая объединяет поселения Геоксюрского оазиса в древней дельте Теджена, Серахское поселение, Илгынлы-депе у Чаача и Алтын-депе у Меана. Несмотря на отличия, в обеих областях в рассматриваемое время происходили существенные изменения в культуре, свидетельствующие о том, что обе они переживали общие исторические судьбы.

На памятниках западной группы в конце IV — начале III тысячелетий до н. э. ранее бытовавшая керамика типа Намазга II сменяется комплексом типа Намазга III¹⁵. При этом наблюдаются новые элементы в расписной орнаментации. В геометрических мотивах, наряду с сохранением старых узоров, распространяются крестовидные фигуры, полукресты, пиловидные линии, ранее почти не встречавшиеся. Но особенно большие изменения происходят в росписи с зооморфными сюжетами. В пору Намазга II известны лишь воспроизведения козлов, тогда как на посуде времени Намазга III мы встречаем уже целый зверинец. Кроме козлов, здесь и коровы, и пятнистые барсы, и изображения идущих птиц, и орлы с распростертыми крыльями. Хотя сам факт наличия рисунков козлов как бы сохраняет традиции времени Намазга II, в облике этих животных происходят существенные изменения. Козлы, изображенные на керамике времени Намазга II, — это линейно-схематические фигурки с четырьмя ногами и обычно загнутым вверх хвостом. На керамике периода Намазга III — фигуры профильные, часто выполненные с незаурядным художественным мастерством. От линейно-схематичной манеры здесь не осталось и следа. В соответствии с требованиями профильного изображения у козлов видны две ноги; хвост обычно опущен вниз.

В расписной керамике Намазга II нет истоков для подобной манеры изображения животных. Барсы, птицы, орлы и коровы в то время вообще не известны в росписи. Между тем и подобная манера рисунков, и сами

¹³ Основной изученный памятник — пещера Джебел. См. А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956.

¹⁴ А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66, 1958; его же. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Труды ИИАЭ, т. СIII, 1959.

¹⁵ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956; его же. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961).

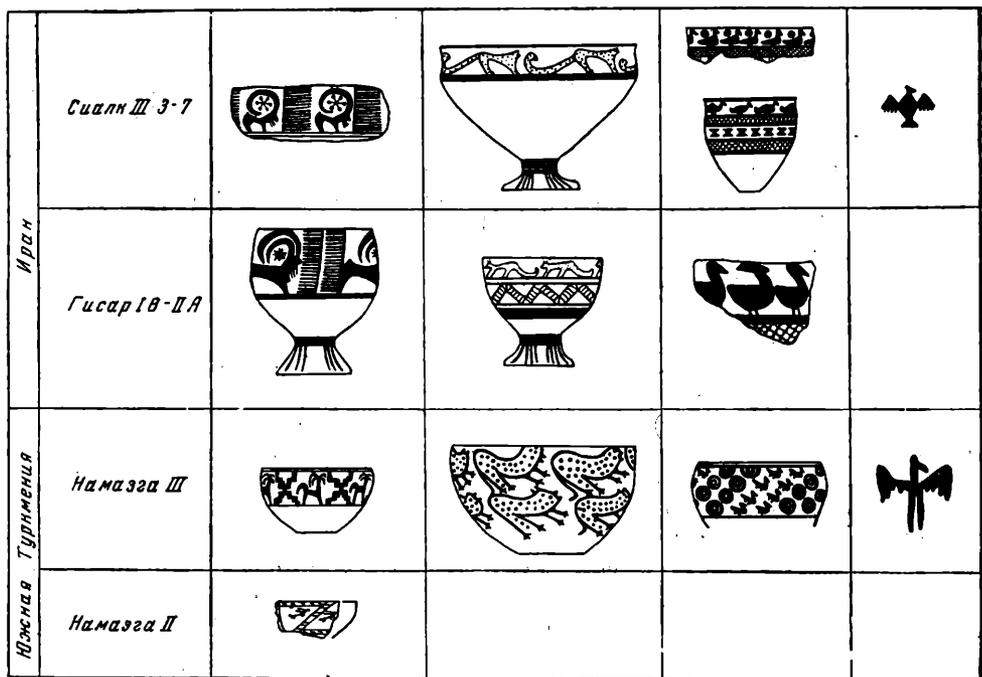

Рис. 6. Расписная керамика Ирана и Средней Азии.

мотивы находят прямые аналогии в росписи на посуде, производившейся земледельцами Центрального Ирана, поселения которых представлены такими памятниками, как Тепе-Сиалк и Тепе-Гисар. Здесь мы встречаем прямые и непосредственные аналогии профильной манере изображения и к самому подбору животных. Наиболее близкие параллели могут быть отмечены в таких иранских комплексах, как Гисар IV-IIA и Сиалк III, 3—7 (рис. 6). Это обстоятельство, естественно, наводило на мысль, что изменения, которые наблюдаются в расписной керамике типа Намазга III, связаны с какими-то воздействиями, идущими со стороны Центрального Ирана. При этом можно отметить, что традиционная для Сиалка и Гисара манера профильного изображения была переосмыслена в Средней Азии. Так, например, фигуры барсов, гораздо более условные, чем в Центральном Иране, изображались с четырьмя ногами, причем точечное заполнение между двумя из них сохранялось. Эти точки были логичны при профильном рисунке, но теряли всякий смысл, когда кара-депинские гончары подчеркивали детализировкой когтей, что на рисунке изображаются не две ноги, а все четыре. Несколько неожиданное усиление влияния со стороны центральноиранских племен казалось странным, и поэтому было выдвинуто предположение, — не имеем ли мы в данном случае дело с передвижением каких-то племенных групп¹⁶. В настоящее время новые данные свидетельствуют о справедливости подобного заключения.

Одновременно со сменой расписной керамики типа Намазга II посудой типа Намазга III происходят изменения и в погребальном обряде¹⁷. Для ранних погребений были характерны положения на левом боку и выдержанная ориентация головой на юго-юго-запад. В слоях Намазга III начинают появляться погребения на правом боку и с иной ориентацией. Наконец,

¹⁶ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1958 № 4, стр. 51, 52.

¹⁷ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 380.

происходят изменения и в антропологическом типе, ясно указывающие на появление нового населения. Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург, исследовавшие довольно обширную коллекцию антропологических материалов, происходящих с Кара-депе, отмечают, что в погребениях времени Намазга III захоронены люди с более массивным черепом. Эти различия противоречат обычной направленности эпохальной изменчивости, и по заключению Т. А. Трофимовой и В. В. Гинзбурга люди, захороненные там, морфологически могут быть сближены с типом погребенных в Сиалке I—IV¹⁸.

Все эти факты не оставляют сомнений в том, что в конце IV — начале III тысячелетий до н. э. произошла инфильтрация племенных групп из Центрального Ирана в западную область среднеазиатских земледельцев. Культурные явления, связанные с этой инфильтрацией, не ограничиваются изменениями в типах расписной керамики. В пору Намазга III отмечаются и иконографические изменения в мелкой глиняной скульптуре; это как бы отзвук южноубейдских (шумерских) влияний¹⁹.

Обратимся к восточной группе среднеазиатских земледельцев. И для этой группы можно указать данные, свидетельствующие если не о проникновении сюда нового населения, то, во всяком случае, о сильных культурных влияниях со стороны Ирана²⁰. Расписная керамика восточных племен конца IV — первой половины III тысячелетий до н. э. значительно отличается от посуды, ранее бытовавшей в этих областях. Новая посуда расписана яркими красками двух цветов и характеризуется богатой геометрической орнаментикой, в которой видное место занимают крупные крестовидные фигуры, полукресты, пиловидные линии. В некоторых случаях мотивы и композиция этой керамики, получившей название геоксюрской, могут быть возведены к посуде типа Намазга II²¹. Однако многие мотивы и, в частности, крупные крестовидные фигуры с внутренним заполнением, так же как и животные на посуде Намазга III, лишены местных прототипов. Было высказано предположение, что частично это объясняется влиянием со стороны таких видов прикладных искусств, как ткани, различные плетеные изделия, аппликации и т. п.²²

В настоящее время удалось найти довольно точный прототип одного из специфических геоксюрских мотивов — фигуру рассеченного креста, внутри которой помещена вторая крестовидная фигура, образованная ромбом и четырьмя треугольниками. И ромб, и треугольники заполнены сеткой. На материалах орнаментации геоксюрской посуды семантика такой фигуры совершенно необъяснима. Между тем в керамике Северной Месопотамии V тысячелетия до н. э. был довольно широко распространен мотив креста, образованного ромбом с четырьмя треугольниками по углам. Однако здесь семантика рисунка довольно ясна: все треугольники изображены с головами козлов и короткими хвостиками (рис. 7). Как полагают исследователи композиция изображает козлов вокруг источника воды. Интересно, что уже в V тысячелетии до н. э. этот мотив претерпевает различные изменения — в основном схематизируется²³. Заполнение геоксюрского креста, вероятно, восходит в конечном итоге к аналогичному мотиву. Возможно, в пору

¹⁸ Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), стр. 514.

¹⁹ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962.

²⁰ Характеристику восточных памятников этого времени см. В. И. Сариниди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961); А. Ф. Ганялин. Илгыны-депе. ТИИАЭ, т. V, 1959.

²¹ Не вполне верен категорический вывод В. И. Сариниди (указ. соч., стр. 280), что геоксюрская керамика по орнаментике и композиции совершенно не связана с более ранней посудой среднеазиатских земледельцев.

²² В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), стр. 22—24.

²³ Такова, например, керамика самарского типа из Баруза: R. du Mensil de Buisson. Baghouz, l'ancienne Corsôte. Leiden, 1948, табл. XXVII.

Бытования геоксюрской посуды подлинная смысловая нагрузка рисунка была забыта, и он сохранял лишь магическое значение вообще.

Правда, этот северомесопотамский прототип отделен от геоксюрской керамики большим промежутком времени и весьма отдален территориально. Однако мотив мальтийского креста, хорошо известный по расписной керамике Суз, Сиалка, Тали-Бакуна и других иранских памятников, по остроумной догадке А. Парро, восходит к той же композиции четырех козлов вокруг источника²⁴. В росписи керамики Тали-Бакуна, например, ясно видно, что

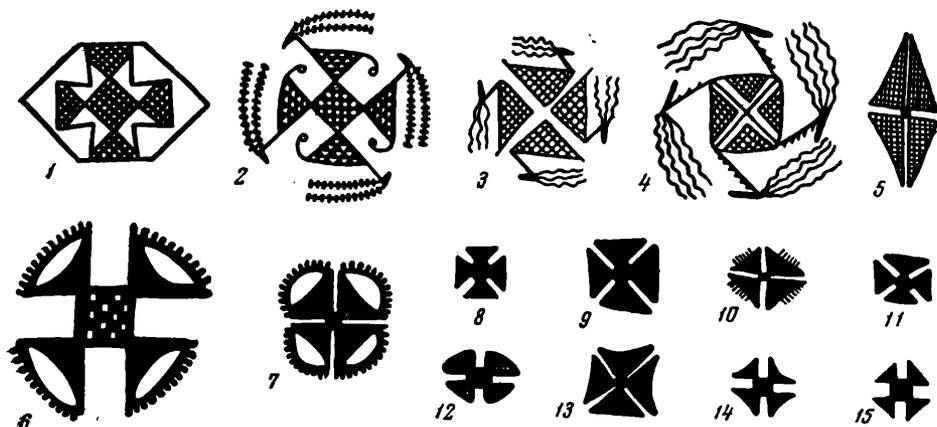

Рис. 7. Мотив креста в расписной керамике древнего Востока.

7 — Геоксюр; 2 — Самарра; 3, 4 — Багуз; 5, 9, 10, 12 — Тали-Бакун; 6—8 — Мусиян; 11, 15 — Тепе-Гиан; 13, 14 — Сузы.

кресты состоят из центрального квадрата и четырех треугольников. При этом треугольники иногда сохраняют сетчатое заполнение²⁵. Эти памятники Центрального и Юго-Западного Ирана относятся к IV тысячелетию до н. э. и, следовательно, ближе к среднеазиатским и хронологически, и территориально.

Однако геоксюрский крест в некоторых отношениях ближе к северомесопотамскому типу, чем мальтийские кресты Сиалка, Тали-Бакуна и Суз. В этих иранских памятниках сетчатое заполнение креста относительно редко; обычно фигура дается сплошной заливкой. В Средней Азии же сплошной заливки нет, и центральный ромб и треугольники сохраняют сетчатое заполнение. Возможно, где-либо в Северо-Восточном Иране, памятники которого, к сожалению, пока не изучены, древний мотив козлов у источника сохранялся именно в такой трактовке и отсюда попал к среднеазиатским племенам. Как бы то ни было, иранско-месопотамский генезис этого мотива несомненен.

Вероятно, появление керамики геоксюрского стиля хотя бы частично обязано воздействию со стороны гончарного искусства иранских племен. Полная аналогия явлениям, отмеченным для посуды типа Намазга III, здесь налицо. Так же как и для Кара-депе, для Геоксура можно отметить убедительное влияние в изготовлении мелкой глиняной скульптуры. В конце IV — начале III тысячелетий до н. э. на поселениях восточной группы появляются погребальные камеры с ложным сводом из сырцового кирпича. Этим камерам нет прототипа в местной архитектуре, но зато они находят довольно близкие эламско-месопотамские аналогии²⁶. Ранее среднеазиатские земле-

²⁴ A. Parrot. *Archéologie mésopotamienne. Technique et problèmes*. Paris, 1953, стр. 206.

²⁵ A. Langsdorf, D. E. McCown. *Tall-i-Bakun A. Season of 1932*. OIP. v. LIX, Chicago, 1942, табл. 40, 5, 6; табл. 44, 10; табл. 45, 5.

²⁶ В. И. Сараниди. *Указ. соч.*, стр. 299.

дельцы хоронили умерших исключительно в одиночных могильных ямах, однако в погребальных камерах совершались уже коллективные захоронения. В Геоксюре камеры сосуществовали с одиночными ямными погребениями, поэтому возникает вопрос, — нет ли в данном случае двух традиций — древней местной и новой приносной.

Во всяком случае, все эти факты свидетельствуют, что и по материалам восточной группы поселений среднеазиатских земледельцев мы наблюдаем волну иранских и более отдаленных влияний, возможно, — так же как и на Кара-депе, — связанную с какими-то передвижениями племен. Черепа из геоксюрских погребений находят некоторые аналогии на юге Месопотамии²⁷, но, к сожалению, остаются неизвестными антропологические материалы восточных поселений более раннего времени, чем конец IV тысячелетия до н. э.

Как нам кажется, не остается сомнений, что в конце IV — первой половине III тысячелетий до н. э. резко усилилось воздействие культуры иранских племен на земледельческие общины юго-запада Средней Азии. Антропологические материалы ясно показывают, что одновременно с этим какие-то группы населения из Центрального Ирана проникали в Среднеазиатские оазисы.

Попытаемся найти историческое объяснение этому явлению. Хорошо известно, что раннеземледельческие племена в результате естественного прироста населения расселялись на территориях, иногда достаточно удаленных от мест первоначального обитания²⁸. Особенно большое значение этот процесс имел на ранних ступенях развития земледельческой культуры, когда невозделанные пространства были весьма велики. Продолжалось расселение племен, обычно путем сегментации, и на последующих этапах развития раннеземледельческих племен в рамках первобытного строя. Вполне вероятно, что с одним из частных проявлений этой общей закономерности мы встретились и в данном случае.

Однако широкое расселение первых земледельческих племен во многом было обусловлено скачкообразным ростом населения в связи с переходом к новым, прогрессивным формам хозяйства, для передвижения же центральноиранской группы, уже почти два тысячелетия занимавшей земледелием и скотоводством, следует искать какие-то иные причины. Нам представляется, что эти причины коренятся в быстром прогрессе хозяйства центральноиранской группы племен, опередившей во второй половине IV тысячелетия до н. э. своих соседей.

Раскопки Тепе-Сиалка и Тепе-Гисара, несмотря на пренебрежение западных археологов к вопросам хозяйства, дают известное представление об этом прогрессе. Широкое развитие здесь получает металлургия — многочисленные медные орудия изготавливаются путем литья в закрытой форме. Еще более заметен прогресс в гончарном деле: начиная со слоя Сиалк III, 4, керамика изготавливается на гончарном круге быстрого вращения. Специальные печи для обжига посуды были известны еще в пору Сиалк III, 1. В это время гончарный круг еще не употреблялся ни одной другой группой земледельческих племен Ирана или Средней Азии, и в этом отношении Сиалк и Гисар ближе всего стоят к культуре раннеклассовых обществ Элама и Шумера.

Кроме того, есть свидетельства, что центральноиранские племена находились в тесной связи с зоной городских цивилизаций древнего Востока. Комплекс Сиалк IV, перекрывающий руины поселков местных земледельцев, по своему происхождению, несомненно, эламский, о чем, в частности,

²⁷ Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург. Указ. соч., стр. 515.

²⁸ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 278, 279; И. Н. Хлопин. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. В кн.: Исследование по археологии СССР. Л., 1961, стр. 52—55.

свидетельствуют таблички с протоэламской пиктографией. Перед нами — бесспорное свидетельство эламского проникновения далеко в глубь мира первобытных земледельцев²⁹. Г. Чайлд высказал предположение, что Сиалк IV — это остатки эламской фактории на торговом пути, по которому шел обмен лазуритом³⁰. Такие фактории хорошо известны в истории древнего Востока. Достаточно упомянуть ассирийские колонии в Малой Азии. Ассирийские купцы везли в Малую Азию продукцию ремесленников месопотамских городов, в особенности ткани, а в обмен получали серебро, свинец, медь, кожу и шерсть³¹.

Из Ирана эламские и шумерские купцы, помимо руд, получали лазурит и другие драгоценные камни. Со второй половины IV тысячелетия до н. э. лазурит распространяется в Шумере и Эламе и даже достигает Египта. Особенное значение имеют сведения о торговле, получившие отражение в шумерском эпосе. В сказании о правителе Урука Энмеркаре сообщается о сношениях с владельцами Арраты, расположенной к востоку от Шумера за семью хребтами, т. е. в районе Загроса или даже еще восточнее. У владельца Арраты урукцы требовали золото, серебро, лазурит, драгоценные камни и камень строительный. В конце концов в Аррату прибыл урукский караван с зерном, а в обмен были получены лазурит и халцедон³². Многие детали этого сказания поражают своей жизненной реалистичностью. Здесь, вероятно, получила отражение меновая торговля между городами Шумера и какими-то иранскими племенами. Весьма важно, что в обмен на драгоценные камни было послано зерно. Таким образом, иранские племена получали часть прибавочного продукта высокоэффективного ирригационного земледелия раннеклассовых обществ. При этом в наиболее выигрышном положении оказывалась группа центральноиранских племен, бывших непосредственными соседями городских цивилизаций.

Вероятно, прогрессивное развитие хозяйства племен Центрального Ирана было связано и с ростом населения. Но возможности расширения обрабатываемых под посевы площадей были лимитированы ограниченными водными ресурсами небольших речек и ручьев Центрального Ирана. К тому же урожайность этих районов в несколько раз уступала урожайности шумерских и эламских полей. Прокормить возросшее население путем интенсификации земледельческих работ не было возможности. Это в конечном счете, надо полагать, и сдвинуло с места некоторых из обитателей поселков, подобных Гисару и Сиалку. Едва ли произошло какое-либо организованное переселение, скажем, целого племенного союза, военная сила которого должна была помочь эмигрантам утвердиться на новых местах. В таком случае на юго-западе Средней Азии остались бы памятники «чистой» сиалкской культуры, чего, однако, не наблюдается. Сиалкско-гисарские орнаменты помещены на сосудах традиционных местных форм, а известный в Гисаре и Сиалке гончарный круг не привился вовсе. Вероятно, была лишь постепенная инфльтрация отдельных родовых и большесемейных коллективов, ассимилировавшихся местным населением.

Эти передвижения принесли на юго-запад Средней Азии ряд новых веяний в области культуры. Возможно, они сыграли и роль толчка для дальнейших перемещений, в которых приняли участие также другие племенные группы. Не случайно во второй половине III тысячелетия до н. э. сосуды типичных гисарских форм появляются на юге Афганистана (Мундигак)³³; орнамент, характерный для геоксюрских традиций, — на севере

²⁹ R. Ghirshman. Fouilles de Siak..., v. I, стр. 86.

³⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 295.

³¹ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 17.

³² S. N. Kramer. Enmerkar and the lord of Arrata. A sumerian epic tale of Iraq and Iran. Philadelphia, 1952.

³³ J. M. Casse. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak, 1951—1954. «Arts Asiatiques», t. I, f. 3. Paris, 1955.

Белуджистана (Кветта)³⁴. «Иранский» облик расписной керамики из слоя Ниневия V, датируемого первой половиной III тысячелетия до н. э., позволяет предполагать, что эти явления могли захватить и Верхнюю Месопотамию³⁵. В тех же случаях, когда обитавшие на территории Ирана племена выступали всей силой пламенного союза, им удавалось устанавливать политическое владычество даже в областях древних цивилизаций. Владычество кутиев в Шумере служит тому наглядным примером. Следует надеяться, что тщательная систематизация археологических материалов позволит в дальнейшем установить новые факты истории взаимодействия раннеземледельческих племен древнего Востока.

³⁴ В. М. Массон. Рец.: W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta valley, West Pakistan. СА, 1960. N 3, стр. 350—352.

³⁵ A. L. Perkins. The comparative archaeology of Early Mesopotamia. SAOC. N 25, Chicago, 1957, стр. 164, 165.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Н. Я. МЕРПЕРТ

ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

Целью совместной Советско-Болгарской экспедиции являются широкие многолетние исследования древнейших земледельческих поселений северо-восточной части Балканского полуострова. Эти поселения, так называемые «жилые холмы» (по-болгарски «селищны могила»), занимают особое место среди археологических памятников балканско-дунайского района и имеют исключительное значение для исследователей древнейшей истории Европы. Значение их определяется прежде всего тем, что «жилые холмы», высота которых часто превышает 10 м, а площадь — 2—3 гектара, включают остатки поселений, последовательно и без существенных перерывов сменявших друг друга на протяжении нескольких тысячелетий.

Мощные культурные наслоения «жилых холмов» отражают многие этапы развития больших групп населения Южной Европы, начиная с глубочайшей древности (с конца V тысячелетия до н. э.). Изучение этих наслоений позволит подойти к решению важнейших исторических вопросов и прежде всего — вопроса о появлении, развитии и распространении земледелия на юге Европы. Оно должно дать новые существенные данные о планировке поселений, домостроительстве, каменной и костяной индустрии, керамическом производстве, появлении металлургии и т. д. Раскопки «жилых домов» помогут решить важнейшие исторические и этногенетические проблемы, касающиеся древнейшего населения Балканского полуострова, его связей с Передней Азией, Центральной Европой и Северным Причерноморьем. Следует еще раз подчеркнуть непрерывность напластований «жилых холмов» и четкую их последовательность, что создает возможность — этап за этапом — восстановить ход исторического процесса. Эти важнейшие для исследователя особенности, типичные для знаменитой Трои и «жилых холмов» Передней и Средней Азии, не характерны (в целом) для памятников первобытной археологии Европы. Многослойные поселения здесь редки и встречаются лишь в Южной и Юго-Восточной Европе — в Греции, Югославии, Румынии и на юго-западе СССР; в Болгарии же памятников этого рода значительно больше.

Поэтому не будет преувеличением считать, что именно «жилые холмы» Болгарии должны стать эталоном для изучения и хронологического определения памятников неолита, энеолита и бронзового века многих областей Европы, в том числе и юго-западных районов нашей страны.

В двух областях Болгарии концентрация «жилых домов» особенно

¹ На основании стенограммы доклада, прочитанного на заседании Ученого совета ИА АН СССР 10 ноября 1961 г.

велика. Первая охватывает южную часть страны — районы городов Стара Загора, Нова Загора, Сливен и южнее; вторая расположена в Северо-Восточной Болгарии у городов Коларовград, Русе и др. Обе области тяготеют к морскому побережью, где в районах Бургаса и Варны сконцентрирована значительная часть «селищных могил», причем они пока почти не исследованы.

До последнего времени в Болгарии производились многочисленные раскопки «жилых холмов»², но изучались, главным образом, культурные наслоения неолитического и энеолитического периодов. Культурных слоев бронзового века на многих исследованных до сих пор памятниках не было: жизнь там кончилась еще в энеолите. А там, где такие слои были, они заметно уступали по мощности более ранним и, естественно, больше последних страдали от позднейших построек, запашки и т. д. Поэтому культуры бронзового века Болгарии исследованы значительно меньше, чем культуры неолита и энеолита.

Памятников бронзового века пока изучено сравнительно немного. Безусловно интересный, но крайне ограниченный материал, относящийся к этой важнейшей эпохе, известен с поселений Михалич³, Юнаците⁴, из пятого слоя в Каранове⁵, соответствующего слоя Деветашской пещеры⁶ и некоторых других. Этот материал был явно недостаточен для общей характеристики культуры бронзового века и для изучения таких важных вопросов, как соотношение этих памятников с предшествующими энеолитическими, а также происхождение культур бронзового века Болгарии, их периодизация, связи их с Малой Азией, Грецией, Центральной и Восточной Европой.

Поэтому естественно, что одной из первых своих задач совместная Советско-Болгарская экспедиция поставила исследование культурных слоев бронзового века⁷. В связи с этим первым объектом изучения был избран «жилой холм» (у г. Нова Загора), на котором еще ранее был зафиксирован значительный слой, относящийся к этой эпохе.

Холм, известный под названием Дипсийской могилы, окружен болотом и стоит на берегу небольшого Дипсийского озера (что по-турецки значит «бездонное»). В плане холм овальный, высота его — свыше 9 м, размеры (по основанию) — 200 × 145 м.

Раскопки этого памятника производились на протяжении семи полевых сезонов (1952—1956 и 1958 гг.) директором Новозагорского музея Н. Койчевым под общим руководством В. Микова. На поверхности поселения вскрыто несколько тысяч квадратных метров культурного слоя; правда, на большинстве участков охвачены только верхние напластования на глубину не свыше 1 м. Лишь в центральной части поселения на небольшой площади была достигнута глубина 3,1 м. Раскопками засвидетельствованы слои поселения XIII—XIV вв. (болгарская деревня), слой римского времени и мощный слой эпохи бронзы, содержащий материалы типа Кара-

² Раскопки производились на поселениях Караново, Криводол, Русе, Хотница, Ясы-Тепе, Капитан Димитриево, Деветашская пещера, Юнаците, Михалич, Кирилло-Мефодиево и др.

³ В. Миков. Предисторическо селище до с. Михалич, Свиленградско. Разкопки и проучвания, I. София, 1948.

⁴ В. Миков. Селищната могила при Юнаците. Годишник на Пловдивската народни библиотека и музей, 1937—1939. София, 1940.

⁵ V. Mikov. The prehistoric mound of Karanovo. «Archaeology», v. 12, Summer, 1959, N 2.

⁶ В. Миков и Н. Джанбазов. Деветашката пещера. София, 1960.

⁷ В 1961 г. экспедиция работала в следующем составе: Васил Миков (заведующий отделом первобытной археологии Института археологии Болгарской академии наук), Румен Катанчаров (Институт археологии Болгарской академии наук), Евгения Христова (Новозагорский народный музей), Елена Бацова (Сливенский народный музей), Н. Я. Мерперт (Институт археологии АН СССР). Руководство экспедицией осуществляли В. Миков и Н. Я. Мерперт.

нова V, а также чрезвычайно важные находки более раннего периода эпохи бронзы, непосредственно следовавшего за энеолитом и в Каранове не представленного. Кроме того, отдельные находки позволяли предполагать существование слоев и более ранних эпох, предшествовавших бронзовому веку. Приступая к новым раскопкам Дипсийского поселения, экспедиция поставила перед собой две основных задачи: 1) выяснение полной стратиграфии памятника (прежде всего определение структуры культурного слоя бронзового века) и 2) широкое вскрытие площади для максимально полного освещения жизни древнего населения. Для выполнения этих задач в юго-западной части холма (наименее затронутой прежними раскопками) были заложены два раскопа. Первый — стратиграфический, площадью около 100 кв. м — располагался на склоне холма и должен был прорезать слой бронзового века, помочь установить отдельные строительные горизонты и решить вопрос о наличии подстилающего регулярного энеолитического слоя. Второй раскоп — основной — был непосредственным продолжением стратиграфического. Площадь его достигла 1125 кв. м. Он был заложен для широкого вскрытия определенных строительных горизонтов, установленных по стратиграфическому раскопу.

Естественно, исследования на основном раскопе начались лишь после выделения соответствующих горизонтов на стратиграфическом. Новым строительным горизонтом считалась отнюдь не каждая перестройка, получившая отражение в культурном слое. Таких перестроек могло быть несколько: дома были легкой конструкции и часто требовали ремонта, иногда весьма существенного. Строительный горизонт выделялся лишь при сочетании значительных следов пожаров и завалов сооружений и нового, отличного от предыдущего, плана сооружений или же явных следов постройки заново.

На основе этих принципов экспедиция разделила культурный слой бронзового века, достигавший в толщину 3,8 м, на девять строительных горизонтов. Большая часть их была отмечена следами больших пожаров.

Девять раз на протяжении бронзового века перестраивалось поселение, изменялась планировка, сооружались заново дома, меняли место хранения зерна, печи, зернотерки и т. п. Материалы исследования каждого горизонта позволили подойти к рассмотрению вопроса о единстве культуры поселения на протяжении девяти намеченных этапов и, с другой стороны, выявить некоторые отличия между верхними и нижними горизонтами, связанные с эволюцией определенных сторон материальной культуры.

Принадлежность исследованных горизонтов различным этапам развития единой культуры представляется безусловной. Об этом свидетельствует общий облик наиболее существенных категорий находок в различных горизонтах. Основные формы сосудов — от огромных «пифосов» и кувшинов для хранения зерна и воды до разнообразных миниатюрных сосудов — встречаются во всех горизонтах, сохраняя специфические приемы производства и оформления. Так, например, во всех горизонтах господствует черное или коричневое лощение поверхности, выполненное костяным лощилом; везде встречаются валиковая орнаментация, одинаковые вертикальные (у кувшинов) и горизонтальные (у чаш и мисок) ручки, оформление сливов у чаш специальными «кнопками» или рядом валиков и др. Не менее важна общность и других категорий находок — керамических («модельки колес», фигурки животных и пр.), каменных (топоры, клинья, булавы), костяных (шила, проколки). Наконец, необходимо отметить полную преемственность строительных приемов, специфических особенностей внутреннего оформления жилищ. Так, во всех горизонтах основу домов составляли прямоугольные конструкции из кольев, оплетенных прутьями; плетень с двух сторон был обмазан глиной. В каждом доме, — вне зависимости от горизонта, — находился один и тот же «комплекс» обязательных сооружений: круглая глиняная печь (или такой же очаг); круглое храни-

лище для зерна — своеобразный глиняный «котел» с толстым обожженным дном; обожженная площадка для сушки зерна и место для зернотерки. Очаги и поды печей очень часто покрывались слоем крупных фрагментов сосудов; этот специфический прием прослежен во многих горизонтах — от нижнего до верхнего.

Также во многих строительных горизонтах открыты следы очень характерного обряда — погребения младенцев под очагами. Погребения совершены либо в больших кувшинах, либо в простых ямках. Обряд этот очень

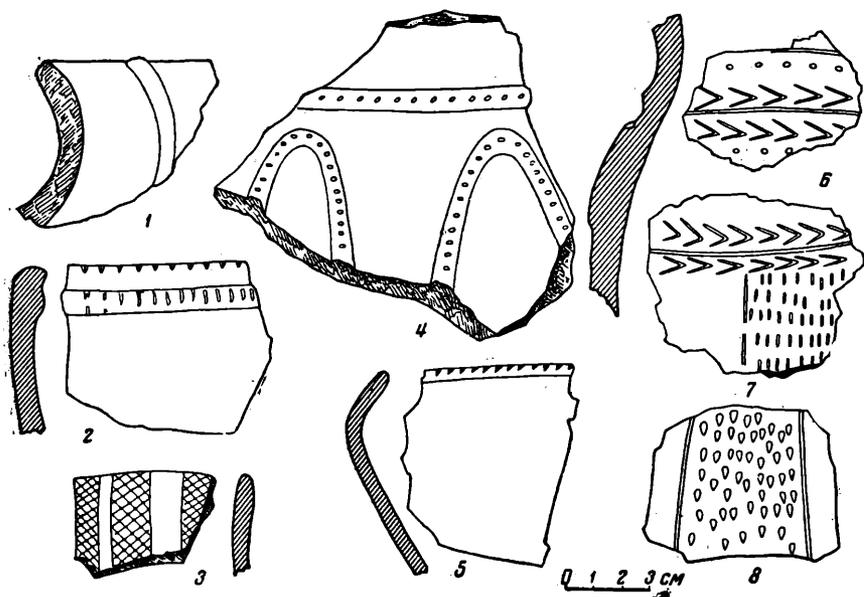

Рис. 8. Дипсийская могила. Керамика из стратиграфического раскопа.
1—3 — горизонт VII; 4—8 — горизонт VIII.

стоек, что служит немаловажным свидетельством преемственности культурного развития на протяжении исследуемого периода.

Отмечая культурное единство слоя бронзового века, мы можем в то же время говорить и о некоторых особенностях отдельных горизонтов. Так, некоторые формы сосудов характерны только для нижних и средних горизонтов, — например, большие сосуды с реповидным туловом, петлевыми ручками и широким цилиндрическим горлом с небольшим раструбом, а также сосуды с петельками для подвешивания. Лишь в средних горизонтах представлены кувшины с высоким горлом, к верхней части которого прилеплены две маленькие вертикальные ручки. Наконец, только в верхних горизонтах обнаружены небольшие кувшинчики с косо срезанным горлом, округлым туловом, круглым дном и высокой петлеобразной ручкой, иногда увенчанной маленькой петлей или перекрестием.

Могут быть намечены и виды орнамента, типичные для определенных горизонтов. В нижних горизонтах найдено большое число фрагментов сосудов с накольчатой, резной и чешуйчатой орнаментацией (рис. 8—3, 6—8). Выше чешуйчатый орнамент исчезает, а резной и накольчатый встречается гораздо реже, и то лишь в средних горизонтах. Орнаментация налепными валиками известна для всех горизонтов, но в нижней части культурного слоя она представлена специфическими узорами. Шнуровой орнамент господствует в средних горизонтах; в нижних его значительно меньше, а в верхних он встречается лишь как исключение.

Естественно, обоснование особенностей каждого горизонта потребует

раскопок на широкой площади, накопления материала и статистического его исследования; но и ограниченные данные нашего стратиграфического раскопа позволяют наметить (пусть в предварительном плане) ориентиры для постановки этого важного вопроса.

Одним из существенных результатов работ 1961 г. было открытие на Дипсийском поселении культурного слоя, относящегося к периоду энеолита. До этого, как уже указывалось, здесь были известны лишь отдельные

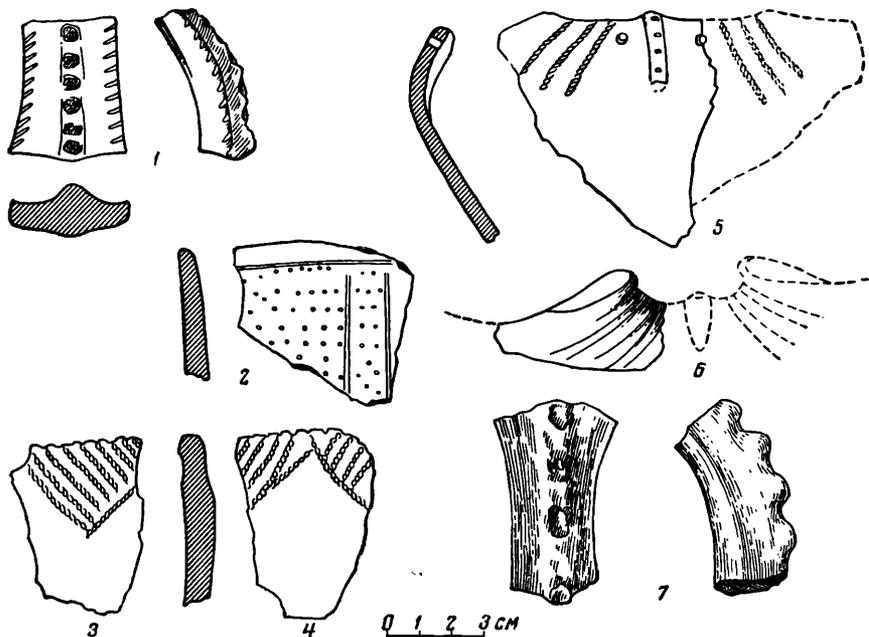

Рис. 9. Дипсийская могила. Керамика из стратиграфического раскопа.

1 — горизонт IV; 2—4 — горизонт V—VI; 5 — горизонт V; 6, 7 — горизонт VI.

фрагменты энеолитических сосудов, случайно встреченные в верхних слоях. Теперь установлено, что девятый строительный горизонт был наидревнейшим для слоя бронзового века, а глубже, без какой-либо стерильной прослойки, залегал весьма насыщенный находками энеолитический слой. В девятом горизонте под печи был устлан крупными фрагментами сосудов, причем здесь, наряду с керамикой бронзового века, для выкладки были использованы и черепки энеолитических чаш. А в следующем — десятом — строительном горизонте уже не попало ни одного фрагмента сосуда бронзового века. Материал здесь только энеолитический. Но интересно, что и здесь сохраняется прием выкладки пода печи крупными фрагментами сосудов: такая выкладка — на этот раз из энеолитической керамики — открыта в десятом горизонте.

Керамика из девяти строительных горизонтов бронзового века чрезвычайно разнообразна по формам и размерам — от громадных сосудов диаметром свыше 1 м со стенками толщиной около 5 см до тонкостенных лощеных чаш и миниатюрных сосудов, во множестве обнаруженных на поселении. Не менее разнообразны и виды орнамента, хотя по технике выполнения они могут быть объединены в четыре группы: накольчатая орнаментация, резная, валиковая (рис. 8—1, 2, 5) и шнуровая, представленная наибольшим числом вариантов (рис. 9—3—5). В некоторых случаях отмечены сложные сочетания различных видов орнамента. Так, например, в средних горизонтах шнуровые узоры сочетаются на одних и тех же сосудах с наклепами, валиками, резными узорами и т. д.

Из каменных орудий,— достаточно многочисленных и свидетельствующих о большой роли камня в жизни населения,— следует отметить сверленные топоры различных типов. Топоры эти, несомненно, производились на месте, что доказывается неоднократными находками незавершенных производством (недосверленных) топоров. Найдены также большие каменные клинья (мотыги?), булавы простой шаровидной формы и более сложной — с перехватом, многочисленные «пули» для пращей, вкладыши для серпов с зубчатым рабочим краем, кремневые резцы, ножи и проколки. Следует отметить, что эти орудия,— особенно в верхних горизонтах,— выполнены довольно небрежно из низкокачественных пород камня. Это резко отличает их от великолепных кремневых орудий энеолитического (десятого) слоя, среди которых — большие кремневые ножи и вкладыши для серпов, столь характерные для северобалканского энеолита. Вместе с ними найдены не менее типичные чаши с графитным орнаментом, энеолитические женские статуэтки, глиняный ящичек со следами красной краски (моделька дома?) и пр.

На основном раскопе в 1961 г. исследовались третий и четвертый строительные горизонты (первые два горизонта вскрыты предшествующими раскопками). Установлена чрезвычайная густота застройки участка. Интервалы между домами были минимальными. Все дома — одинаковой конструкции, уже описанной выше, с обязательным хозяйственным «комплексом» (печь, зернохранилище, зернотерка и т. п.). Однако выделение отдельных домов было очень затруднительным. Дело в том, что легкие жилища даже в пределах одного строительного горизонта подвергались неоднократным ремонтам и перестройкам. Отделить ямки от кольев (единственные следы стен), связанных с перестройками, от основных, первоначальных линий стен,— очень трудно, а иногда практически невозможно. Лишь на северо-восточном участке раскопа удалось наметить — полностью или частично — очертания домов, расположенных правильным рядом с севера на юг. Крайний северный дом в форме правильного прямоугольника, размерами $7,5 \times 4,5$ м, состоял из одного помещения; пол его был частично обмазан глиной, а в северо-западном углу располагался описанный выше стандартный хозяйственный комплекс. В том же ряду некоторые из домов, возможно, были более сложной планировки (сохранность их крайне плохая, поэтому окончательно решить вопрос о числе помещений и их расположении не удалось). У одного из домов с северной стороны была абсида, такая особенность некоторых домов бронзового века отмечена и при прежних раскопках на поселении.

На полах жилищ нередко встречались большие зольно-угольные скопления и завалы многочисленных раздавленных сосудов. Эти завалы и явные следы больших пожаров связаны с событиями, знаменовавшими конец определенного этапа в жизни поселения — этапа, соответствующего выделенному нами третьему строительному горизонту.

Принципы планировки, сооружения и находки четвертого строительного горизонта не отличались существенно от описанной выше картины (вплоть до следов пожара). Но на одной находке надо остановиться особо. В северной части основного раскопа, у очага одного из домов найден комплекс металлических (медных или бронзовых) орудий. Он включал вытянутый пальштабовидный топор, плоское тесло — мотыжку, два прекрасно выполненных долота (большое и малое) и вытянутый нож с отверстием для заклепки у основания рукоятки (рис. 10). Полагаю, что этот интереснейший комплекс был специально спрятан в момент опасности и может рассматриваться как клад, но на сей раз — как клад, связанный не только с определенным памятником и слоем, но и определенным горизонтом.

Можно предполагать, что и производство если не этих, то других категорий металлических вещей осуществлялось на самом поселении. Это подтверждается находкой каменных форм для отливки металлических

стержней. Следует особо отметить, что одна из таких форм найдена в зольно-угольном скоплении, покрывавшем пол того же дома, в котором был открыт «клад». Закономерно возникает вопрос: не находились ли в этой части поселения мастерские литейщиков?

Находка комплекса металлических орудий важна и для характеристики экономического развития племен бронзового века, оставивших Дипсийское поселение, и для решения вопроса о датировке исследуемого культурного слоя.

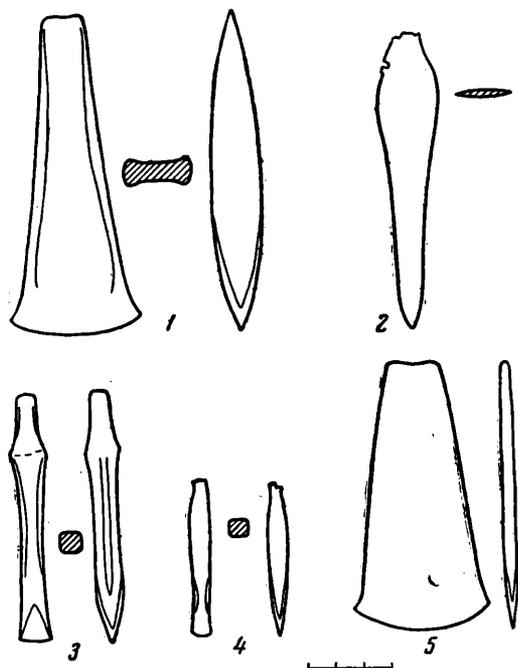

Рис. 10. Дипсийская могила. Основной раскоп.
Клад бронзовых изделий.

1 — пальштабовидный топор; 2 — кинжал; 3, 4 — долота;
5 — плоский топор.

II тысячелетия до н. э. шел слой с серой минийской керамикой (средний бронзовый век) конца 1-й — начала 2-й четверти II тысячелетия до н. э. и лишь под этим слоем начинался слой раннего бронзового века, соответствующий исследованным нами горизонтам Дипсийского поселения. На основе этих стратиграфических данных девять горизонтов Дипсийского «холма», охватывающих ранний период и начало среднего периода бронзового века, должны быть отнесены ко 2-й половине III тысячелетия — первым векам II тысячелетия до н. э. Это подтверждается и системой сопоставлений наших материалов с такими памятниками, как Троя II—IV, Глина, Бубани-Хум II и III, Алишар I-V и т. д.¹⁰ Весьма важно подчеркнуть, что в четвертом горизонте Дипсийского поселения найден клад металлических вещей, характерные формы которых (главным образом, пальштабовидный топор и нож) хорошо датируются в пределах XIX—XVIII вв. до н. э. А ведь этот горизонт относится к верхней половине слоя бронзового века, под ним располагаются еще пять более ранних горизонтов!

⁸ V. Mikov. The prehistoric mound...; см. также СА, 1958, № 1, стр. 54.

⁹ W. Heyrthly. Prehistoric Macedonia. Cambridge (Massach.), 1939, стр. 126.

¹⁰ Общую систему хронологических сопоставлений см. J. Mellaart. Anatolia and Balkans. «Antiquity», v. XXXIV, N 136, 1960, стр. 277.

Долгое время дата начала бронзового века Болгарии рассматривалась ориентировочно, причем отправной точкой здесь был конец энеолитического слоя IV (по В. Микову) Каранова. Конец же этот определялся 1900 г. до н. э.⁸ Правда, в последних исследованиях Г. Георгиева был справедливо поднят вопрос о пересмотре этой даты в свете несомненного сходства болгарских материалов с ранними слоями Трои. Но сам пересмотр произведен еще не был.

Между тем исследования «жилых холмов» Македонии, очень близких по характеру культуры бронзового века болгарским памятникам, привели В. Хэртли к заключению о том, что начало бронзового века этой области следует относить к значительно более раннему времени⁹. Решающим моментом была четкая стратиграфия македонских памятников, где ниже слоя позднего бронзового века с микенским импортом середины

Отсутствие какого-либо перерыва между концом энеолита и началом бронзового века позволяет считать дату *post quem* последнего одновременно и датой *ante quem* для энеолита. Полагаю, что дату эту следует относить к 3-й четверти III тысячелетия до н. э.

Кратко останавлиюсь еще на одном вопросе, связанном с результатами наших исследований. В научной литературе широко распространены теории о смене населения и культуры северо-восточной части Балканского полуострова на грани энеолита и бронзового века. Неоднократно подчеркивалось полное отсутствие связи между этими двумя эпохами. С этим связано возникновение ряда интересных, но спорных миграционных теорий¹¹. При сколько-нибудь заметных культурных изменениях предполагалась своего рода *tabula rasa* — все прежнее стерто, новый народ «очищает территорию» и заново начинает культуротворчество.

Определенную роль миграций для изучаемых территорий и эпохи отрицать нельзя. Но связывать с ними полную смену культуры, а тем более полную смену населения, по меньшей мере, неправомерно. Возможность подобной смены исключается прежде всего таким фактором, как плотность населения в эпоху энеолита. Здесь достаточно вспомнить почти пятьсот «жилых холмов» Болгарии, представляющих лишь одну культуру этой эпохи. Сколько же чингисханов и тимуров понадобилось бы для того, чтобы уничтожить это население?

Что же касается смены культурной, то она представляется отнюдь не полной и гораздо более сложной, чем считают сторонники схематических построений. Утверждения о коренных различиях культур энеолита и бронзового века опирались, как правило, на заметные изменения нескольких категорий находок, произвольно избранных тем или иным исследователем, — например, парадной посуды. Массовый же керамический материал, наиболее важный для поставленного вопроса, никем в должной мере не учитывался. Между тем он содержит очень серьезные свидетельства безусловной преемственности между керамикой энеолита и раннего бронзового века, проявляющейся в сохранении ряда форм, орнаментов, производственных навыков. Не менее важна преемственность в домостроительстве и внутреннем оформлении жилищ вплоть до отмеченного выше приема покрытия полов печей и очагов крупными фрагментами сосудов.

Я полагаю, что при изучении периода перехода от энеолита к бронзовому веку следует говорить не о смене населения и культуры северо-востока Балкан, а о заметном изменении ориентации связей этой области. В бронзовом веке резко усиливаются влияния на нее Центральной и Восточной Европы. Пути этих влияний были различными: не исключена возможность и отдельных миграций, но, безусловно, не им принадлежала основная роль в культурных изменениях. Связи с Малой Азией, господствовавшие в более ранние эпохи и в известной мере определявшие характер северобалканского энеолита, в начале бронзового века несколько ослабли. Воздействие же культур Подунавья (например, бодрокеретурской культуры) заметно возросло. Северобалканская культура этой эпохи приобрела явно материковый характер, хотя связи с Малой Азией, безусловно, сохранялись¹².

Раскопки 1961 г. еще раз подтверждают правильность заключений некоторых исследователей (Вл. Милойич, М. Гарашанин и др.)¹³ о весьма раннем распространении на Балканах шнуrowой орнаментации вне связи

¹¹ J. Mellaart. The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. *Americ. Journ. Arch.*, 1958, N 1; его же. *Anatolia and Balkans...*

¹² V. G. Childe. *Anatolia and Thrace. Some Bronze Age relations.* AS, VI, 1956, стр. 45.

¹³ W. Milojcic. Zur Frage der Schnurkeramik in Griechenland. «*Germania*», 33, 1955, стр. 151; M. V. Garasanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. *Berichte der Römisch-Germanischen Kommission*, N 39, 1958.

с продвижением сюда «племен культуры шнуровой керамики». В настоящее время становится все более ясно, что шнуровая орнаментация, как своего рода «мода», распространилась в раннем бронзовом веке на огромной территории у самых различных племен. Поиски «одного центра» ее несколько не перспективнее поисков единого центра энеолитической расписной керамики, которые предпринимались неоднократно и неизменно доказывали только полную методологическую несостоятельность их авторов.

Основной раскоп 1961 г. доведен лишь до четвертого строительного горизонта. Ниже идут еще пять горизонтов бронзового века, которые позволят проследить эволюцию домостроительства, хозяйства и материальной культуры на одном памятнике, у одной племенной группы. Под ними залегает богатейший энеолитический слой, а еще ниже — слой среднего неолита. Когда основной раскоп будет доведен до материка, материалы Дипсийского поселения сыграют, несомненно, весьма важную роль в разрешении основных вопросов развития неолита, энеолита и бронзового века Юго-Восточной Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ Н. Я. МЕРПЕРТА

Т. С. Пассек подчеркнула необходимость изучения вопроса о характере древнего земледелия в специфических условиях Центральной и Южной Болгарии. Для этого в ходе будущих исследований надо провести специальные поиски остатков древних земледельческих участков вблизи поселения. Раскопки следует планировать и на самом холме, и на участках вне его — там, где могли располагаться древние поля и связанные с ними ирригационные сооружения. Вообще вопрос об ирригации и об использовании характерных для района Марицы низких заболоченных земель теснейшим образом связан с древним земледелием этой области, и освещение его также должно планироваться экспедицией.

Т. С. Пассек остановилась на вопросе о тесных связях территорий Болгарии и Румынии, начиная с позднего неолита. Уже при изучении неолита и энеолита Болгарии необходимо постоянно учитывать не только южные и юго-восточные, но и северные, северо-западные и северо-восточные связи, особенно усилившиеся в бронзовом веке.

В. Д. Блаватский отметил, что сложная задача, поставленная перед Советско-Болгарской экспедицией, методологически решена правильно и успешно. Материалы раскопок заномерно заставляют уделить большое внимание полемике с целым рядом западных археологов, по мнению которых развитие культур Балканского полуострова сводится к нескольким скачкообразным процессам, причем каждый из этих процессов понимается как радикальное изменение в составе населения.

В. Д. Блаватский считает, что представление о развитии культур Балканского полуострова несколькими скачкообразными процессами зиждется на переносе языковой картины современности в очень отдаленное прошлое без каких бы ни было коррективов. Сторонники таких теорий думают, что если непосредственные предшественники греков откуда-то пришли, то никаких индоевропейцев до этого времени на Балканском полуострове не могло быть, а приход греков обязательно должен был обозначать полнейшую смену всей культуры и уничтожение всякой преемственности.

Более вероятным В. Д. Блаватскому представляется иное истолкование. Еще до того периода, когда распалась индоевропейская общность, могли быть и какие-то значительно более ранние движения этнических групп (еще не объединенных такими понятиями, как термины, означающие

металлы); эти волны могли проникать на территорию Балканского полуострова. Последующее внедрение индоевропейских языков второй (основной) формации не обязательно должно было повлечь полную смену всей культуры. Ведь пришельцев могло быть ничтожное меньшинство. Эти небольшие группы смешивались с каким-то более ранним населением. Без этого не могли возникнуть индоевропейский субстрат в балканской фонетике в ряде новых языков, аналогичные фонетические явления в новогреческом, румынском и албанском языках. В этих условиях небольшие новые этнические группы, навязывавшие свои языки, не должны были ни сменить основной массив, ни лишить его технических традиций, получивших яркое отражение в единстве массового археологического материала, которое было показано в докладе.

В заключение прений, председатель Ученого совета Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков подчеркнул большое значение работ, успешно начатых в 1961 г. Советско-Болгарской экспедицией.

А. А. ФОРМОЗОВ

НОВОЕ

О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1958—1961 гг. Кубанский отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР исследовал пять поселений майкопской культуры в бассейне р. Белой выше г. Майкопа. Три поселения — Мешоко, Скала и Хаджох расположены близ поселка Каменноостского¹, одно — в 12 км к востоку от поселка у хутора Веселого и одно — на полпути между этими населенными пунктами, в Каменноостской пещере. Раскопки стоянок позволяют во многом дополнить характеристику майкопской культуры. Впервые получены данные о хозяйстве ее носителей. Существенно при этом, что материалы о животноводстве оказались гораздо более обильными, чем материалы о земледелии.

По раскопкам стоянок впервые удалось составить представление о типе майкопских поселений и жилищ. В Мешоко изучены каменные оборонительные стены, в Хаджохе — остатки глинобитной постройки. После раскопок стоянок мы стали больше знать и о комплексе орудий, неполно представленном в коллекциях из курганов. Оказалось, что на протяжении значительной части майкопской эпохи в Прикубанье широко применялись каменные орудия — клиновидные топоры, скребки, ножи, вкладыши, наконечники стрел. В Мешоко, Скале, Веселом и Каменноостской пещере найдены обломки каменных браслетов, что заставляет подумать над вопросом о взаимоотношении Нальчикского могильника с майкопскими памятниками.

Меньше данных получено по неоднократно обсуждавшейся на материалах погребений проблеме связей майкопской культуры с культурами Передней Азии. Так, все предметы, найденные при раскопках стоянок Скала и Веселый, — местного происхождения. Видимо, сношения с югом захватывали ограниченный круг населения Прикубанья. Относящиеся к этой теме находки в Мешоко, Хаджохе и Каменноостской пещере заслуживают специального рассмотрения.

В Хаджохе и Каменноостской пещере встречены фрагменты керамики, которую еще ранее Л. Н. Соловьев выделил как импортную среди находок в Воронцовской пещере близ Адлера². В Хаджохе черепков импортной керамики — 22 на 3000 местных, в Каменноостской пещере — шесть на 1000 местных. Толщина стенок местной майкопской посуды — 0,7—2 см;

¹ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. Там же.

² Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского института языка, литературы и истории, т. XXIX, 1958, стр. 155.

стенки импортной керамики очень тонки, порой до 0,2 см. Тесто майкопской посуды рыхлое, рассыпающееся, с неровным обжигом; тесто импортной — плотное, идеально обожженное. Черепки импортной посуды звонкие, с желтой или красной поверхностью, всегда лощеной, иногда даже до зеркального блеска. Совершенно необычны для местной керамики и такие особенности, как рифление стенок и вертикальные пластинчатые ручки.

Такие ручки есть на черепках из Хаджоха (рис. 11—3) и Колокольного грота Воронцовской пещеры; стенки с рифленой поверхностью найдены в Хаджохе (рис. 11—4).

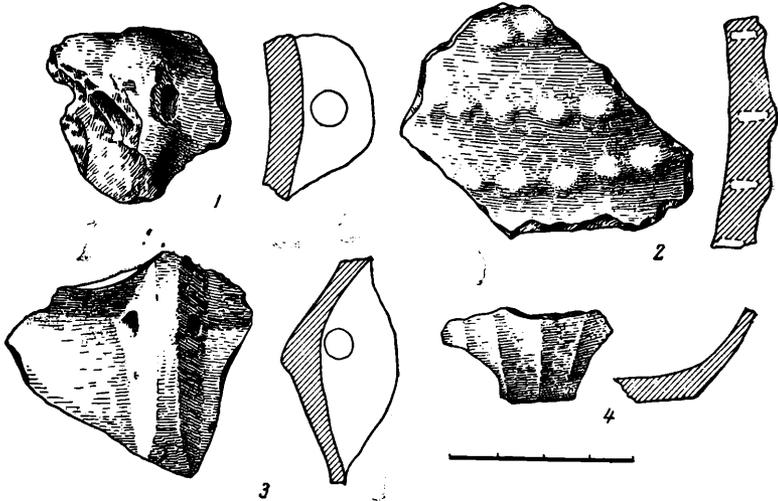

Рис. 11. Фрагменты местной (1, 2) и импортной (3, 4) керамики со стоянки Хаджох.

Откуда же происходит эта керамика? Л. Н. Соловьев приписывал ей критское происхождение. Однако рисунки критских сосудов в книге Шеффера, на которые Л. Н. Соловьев ссылается как на ближайшую аналогию воронцовской керамики, абсолютно на нее непохожи³. Небольшое число черепков и недоступность сравнительных материалов затрудняют решение вопроса о происхождении импортной керамики Воронцовской пещеры и стоянок близ Каменноостовской. Все же на одну аналогию нельзя не указать. Сосуды красного цвета с вертикальными пластинчатыми ручками найдены на поселении Шамирамалти на берегу озера Ван⁴. Интересно, что один из видов орнамента керамики Шамирамалти — пояс из прямоугольников, заштрихованных то параллельно венчику, то перпендикулярно ему⁵, — повторяется на сосудах из Скалы и верхнего слоя Мешоко. Аналогии находкам в майкопских курганах среди материалов из Малой Азии неоднократно отмечались в литературе⁶. Поэтому, хотя полного хронологического соответствия между Шамирамалти и майкопской культурой нет, гораздо вероятнее малоазийское, а не критское происхождение импортной керамики из майкопских стоянок.

В нижней части отложений стоянки Мешоко, которые мы можем синхронизировать с Майкопским курганом (здесь найдены такая же керамика и

³ С. Sshaeffer. *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*. London, 1948, рис. 197, 198.

⁴ W. Jenny. *Schamiramalti*. *Præhistorische Zeitschrift*, Bd. XIX, № 3/4, 1928, рис. 2, 6.

⁵ Там же, табл. 33, 5.

⁶ А. А. Иессен. К хронологии Больших Кубанских курганов. СА, XII, 1956, стр. 189—191.

такие же кремневые сегменты), А. Д. Столяр обнаружил в 1959 г. глиняную статуэтку сидящего человека. На статуэтке не намечены черты лица; голова и руки переданы только в виде треугольных выступов, ноги не разделены. В целом она крайне схематична, но одна деталь была тщательно изображена мастером: через правое плечо идет рельефная наклепная перевязь с поперечными насечками (рис. 12—5). Для скульптора эта деталь была, видимо, гораздо существеннее, чем все остальные. Перевязь через плечо позволяла узнать в фигурке какой-то конкретный образ.

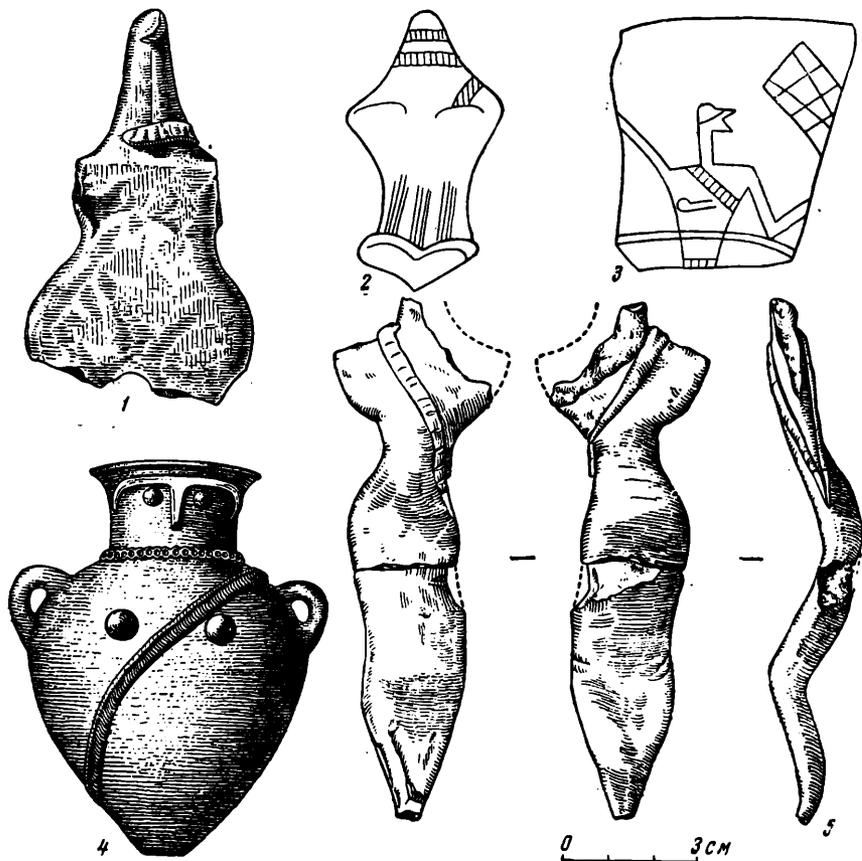

Рис. 12. Изображения человека с перевязью через плечо.

1 — Узерлик-тепе; 2 — Арпачия; 3 — Троя II; 4 — Троя II—V; 5 — нижние слои стоянки Мешко.

Глиняные статуэтки людей с перевязью через плечо встречаются в разных энеолитических культурах. В Месопотамии они найдены уже в памятниках убейдского периода — в Уре и Уруке. Перевязь здесь нанесена краской⁷. Из культур, распространенных на территории СССР, статуэтки с перевязью через плечо известны в трипольской культуре (Шипенцы; перевязи нанесены прочерчиванием⁸) и в культуре Анау (Кара-депе; перевязь передана наклепом⁹).

⁷ V. Christian. *Altertumskunde des Zweistromlandes*, Bd. I (Tafeln). Leipzig, 1940, табл. 54, 6, 7, 9, 10.

⁸ О. Кандуба. *Schipenitz*. Wien und Leipzig, 1937, фото 65, 66.

⁹ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. *Труды ЮТАКЭ*, т. X, 1960 (1961), табл. XII, 6.

Статуэтке из Мешоко есть, однако, и гораздо более близкие аналогии. На поселении Узерлик-тепе в Азербайджане, которое сходно по планировке с Мешоко (дома, пристроенные к оборонительной стене), найдена статуэтка с наклепной перевязью через плечо; на перевязи — поперечные насечки (рис. 12—1)¹⁰. Из Трои происходит антропоморфный сосуд — лицевая урна, на которой рельефными наклепами обозначены не только лицо и груди, но и такая же перевязь с насечками (рис. 12—4)¹¹. Принадлежность сосуда к определенному горизонту Трои неясна. Можно говорить о Трое II—V¹². При новейших раскопках в Трое в слое II найден черепок с прочерченным антропоморфным изображением. Оно очень схематично, но художник и здесь показал перевязь через правое плечо и нанес на ней поперечные насечки (рис. 12—3)¹³. Эта находка может уточнить положение только что упомянутого нами сосуда в стратиграфической колонке Трои. Наконец, еще одна статуэтка с перевязью, на которой сделаны поперечные насечки, встречена в Арпачии, в Месопотамии (рис. 12—2)¹⁴.

Все эти аналогии явно не случайны. Статуэтка из Мешоко передает какой-то образ, оживший на далеком юге. Наиболее древние воплощения его мы находим в Двуречье (Арпачия). В майкопскую культуру этот образ пришел, скорее всего, из Малой Азии, из памятников типа Трои II, синхронных Майкопскому кургану и, следовательно, нижним слоям Мешоко. Аналогии в Трое II майкопскому инвентарю многочисленны. Таковы топор-тесло и долота с четырехгранным насадом вроде найденных в Майкопском кургане; однолезвийные ножи типа ножа Махошевского кургана; черешковые ножи и т. д. Серебряные сосуды с крышечками из Трои напоминают сосуд из Старомышастовской, а рифленые сосуды с ручками для подвешивания — сосуды из Майкопа. В Трое найдены золотые бусы (вспомним Майкопский курган и Старомышастовский клад) и головка хищника, по трактовке близкая головке из Старомышастовской. Трехручные глиняные сосуды из Трои II — реплика сосудам из Долинского¹⁵.

Статуэтка из Узерлик-тепе относится уже ко II тысячелетию до н. э. Это самое позднее из известных нам изображений человека с перевязью через плечо.

Глиняная фигурка, привозная керамика и другие материалы из раскопок в верховьях Белой дают нам, таким образом, новые доказательства связей майкопских племен с племенами Малой Азии.

¹⁰ К. Х. Кушнарера. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе. МИА, № 67, 1959, рис. 23.

¹¹ H. Schliemann. Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Leipzig, 1881, рис. 235

¹² H. Bossert. Altanatolien. 1942, стр. 20.

¹³ C. Blegen. Troy, t. I, part 2, 1950, рис. 371, 33.

¹⁴ M. Mallowan and J. Cruikshank-Rose. Excavations at Tall Arpachyah. «Iraq», v. II, part 1, 1933, рис. 46, 4.

¹⁵ См. А. А. Иессен. Указ. соч.; H. Schmidt. Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin. 1902; C. Blegen. Указ. соч.

И. И. АРТЕМЕНКО

О ПАМЯТНИКАХ РАННЕГО ЭТАПА СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1914 г. В. А. Городцов, перечисляя культуры бронзового века Восточной Европы, впервые упомянул приднепровскую культуру¹, позднее назвав ее среднеднепровской². При выделении этой культуры В. А. Городцов дал очень краткую, но, как уже отмечал А. Я. Брюсов, «не совсем верную ее характеристику»³.

Первой и пока единственной обобщающей работой по среднеднепровской культуре является статья Т. С. Пассек «К вопросу о среднеднепровской культуре», опубликованная в 1947 г.⁴ На основании анализа погребальных комплексов Т. С. Пассек дает классификацию памятников, выделяя на территории Среднего Приднепровья две группы — типа Стретовки и типа Гатного. По ее мнению, «обе группы тесно друг с другом связаны, но хронологически, вероятно, относятся к двум различным периодам: стретовская — к более раннему, а гатнинская — к более позднему»⁵. На территории Верхнего Поднепровья Т. С. Пассек выделила третью группу памятников среднеднепровской культуры — днепро-деснинскую, считая, что среди находок этой группы, безусловно, есть «и более ранние, и более поздние группы памятников, соответствующие курганам типа Стретовки и Гатного...»⁶.

Классификация Т. С. Пассек памятников среднеднепровской культуры в настоящее время может быть уточнена и дополнена. Так, Т. С. Пассек в своей работе лишь упоминает о находках группы курганных захоронений из раскопок Н. Е. Бранденбурга, не останавливаясь на их рассмотрении. Не были привлечены ею также и некоторые погребения из раскопок А. Быдловского⁷.

¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 165.

² В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. Большая советская энциклопедия, т. VII, 1-е изд., 1927, стр. 610—626.

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 215, 216.

⁴ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 31—51.

⁵ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 35.

⁶ Там же, стр. 51.

⁷ Кроме того, при выделении памятников позднего этапа среднеднепровской культуры (типа Гатного) сосуды ямной культуры из погребений в курганах № 41, 55 и 56 у с. Долинка (бывш. с. Яцковицы) описаны как найденные совместно с сосудами среднеднепровской культуры в одних погребениях (см. Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 40, 41). В действительности же сосуды ямной и среднеднепровской культур обнаружены в одних курганах, но в разных погребениях, и поэтому не могут быть отнесены к одному

Для решения вопроса об относительной периодизации памятников среднеднепровской культуры были бы наиболее важны стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях, однако такие раскопки еще не производились. Что же касается стратиграфических наблюдений в курганах эпохи бронзы, то отчеты о раскопках Н. Е. Бранденбурга в Среднем Поднепровье дают некоторые новые сведения о первичных, основных погребениях в том или ином кургане и о впускном характере других. Интересно и стратиграфия погребений в некоторых курганах, раскопанных А. Быдловским у с. Долинка и В. Б. Антоновичем у с. Гатного. Наиболее показательны и заслуживают внимания следующие факты:

1. В курганах № 220 и 310 у с. Зеленки, Старченковского района, № 237 у с. Кагарлык, № 286 у с. Бурты, № 322 и 413⁸ у с. Забара основными были погребения в скорченном положении, на спине, принадлежащие ямной культуре; в насыпи же и на древнем горизонте, главным образом в полах тех же курганов, обнаружены погребения, в которых скелеты лежали на спине вытянуто. В этих погребениях найдены каменные сверленные топоры и глиняные лепные сосуды, в форме и орнаменте которых наблюдаются более ранние черты, чем в керамике типа Стретовки и типа Гатного (по Т. С. Пассек). Так, например, наиболее характерны по форме были сосуды с шаровидным туловом, невысокой прямой, отогнутой наружу шейкой и круглым или уплощенным дном, украшенные только в верхней части отпечатками веревочки и нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды, елочные композиции и опущенные вершиной вниз треугольники (рис. 13—2—4). Этот тип сосудов, видоизменяясь, приобретает те отличительные черты, которыми характеризуется керамика позднего этапа (типа Стретовки, Гатного и днепро-деснинской группы).

Существенное значение в образовании форм керамики позднего этапа среднеднепровской культуры имеет удлинение шейки при сохранении шаровидности тулова. Кроме того, на позднем этапе появляются сосуды колоколовидной формы с высокой прямой, отогнутой наружу, шейкой, низко расположенными угловатыми плечиками и уплощенным дном. Усложняется также и орнамент на сосудах позднего этапа. Он состоит из нарезных линий, образующих елочные композиции, соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники, а также группы нарезных линий, окаймленные мелкими углублениями (рис. 13—6—8). Орнамент из отпечатков веревочки на сосудах позднего этапа (рис. 13—5) встречается реже, чем на керамике из погребений с вытянутыми на спине скелетами; эти погребения мы считаем возможным выделить в ранний этап среднеднепровской культуры.

2. В курганах № 43 и 44 у с. Долинка⁹, а также в кургане № 6 у с. Гатное¹⁰, где основными были погребения выделенного нами раннего этапа, встречены впускные погребения с керамикой типа Гатного, которые мы относим к позднему этапу среднеднепровской культуры.

Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений в курганах и анализа керамики сейчас можно по-новому классифицировать памятники среднеднепровской культуры, разделив их на два этапа — ранний и поздний. Памятники типа Стретовки и типа Гатного, а также днепро-деснинскую группу памятников (по Т. С. Пассек) считаем возможным отнести к позднему этапу среднеднепровской культуры.

комплексу (см. A. I. Bydłowski. *Mogily w Jackowicy. «Swiatowit», t. VI, Warszawa, 1905, стр. 14, 15, 19, 20).*

⁸ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг. СПб., 1908. Курган № 220 — стр. 27—29; курган № 310 — стр. 17—19; курган № 237 — стр. 8, 9; курган № 286 — стр. 74—76; курганы — № 322 и 413 — стр. 51—54.

⁹ A. I. Bydłowski. Указ. соч., стр. 16.

¹⁰ Труды III АС, т. I, 1878, стр. LXXXIII.

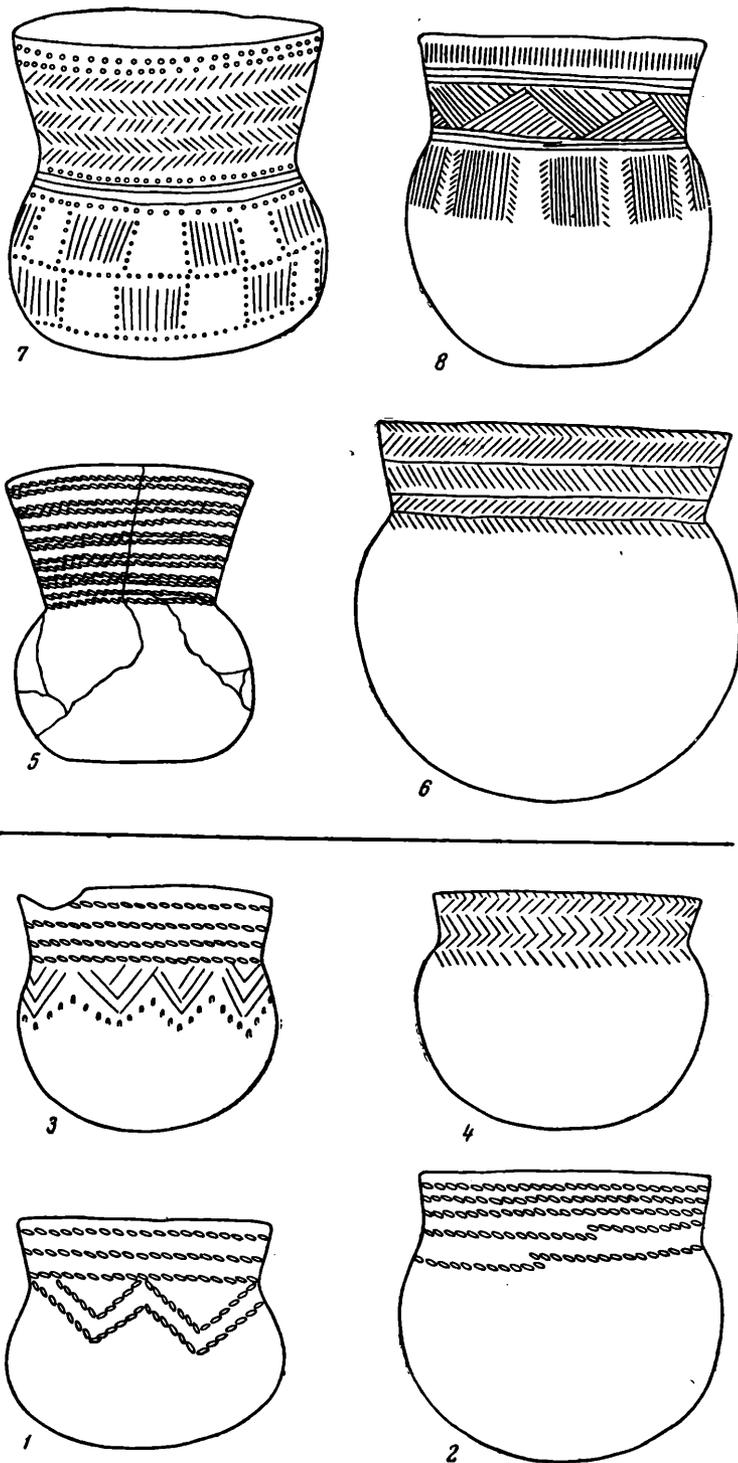

Рис. 13. Керамика раннего (1—4) и позднего (5—8) этапов сред-
неднепровской культуры.

1 — погребение 1 кургана № 380 у с. Беркововка; 2 — погребение 11 кургана № 237 у с. Кагарлык;
 3 — погребение 2 кургана № 322 у с. Забара; 4 — погребение 3 кургана № 413 у с. Забара;
 5 — Стретовка; 6 — курган № 4 у с. Белмиц; 7 — Дубровка; 8 — погребение 1 кургана № 11
 у с. Ходосовичи.

Ранний этап среднеднепровской культуры может быть рассмотрен только по погребальным памятникам. Они известны из раскопок Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича и Л. И. Ивановского в 1874 г. у с. Гатное¹¹, Киевского района, Д. Я. Самоквасова в 1884 г. у с. Рыжановка¹², Звенигородского района, и А. Быдловского в 1901—1903 гг. у с. Долинка¹³, Монастырищенского района, Черкасской области.

Особенно важны для понимания характера раннего этапа среднеднепровской культуры материалы из раскопок, произведенных Н. Е. Бранденбургом в 1888—1902 гг. в курганах у сел Гороховатка, Кагарлык, Бурты и Забара, Кагарлыкского района¹⁴, у сел Зеленки, Яновка, Беркозовка и Липовец, Старченковского района¹⁵, у с. Шандра, Ржищевского района, Киевской области¹⁶, у с. Казаровка, Каневского района¹⁷, и у с. Мокиевка, Смелянского района, Черкасской области¹⁸. В Киевской и Черкасской областях Н. Е. Бранденбург раскопал всего 17 курганов, в которых было обнаружено 38 погребений раннего этапа среднеднепровской культуры. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга издан Н. В. Печенкиным в 1908 г. Однако инвентарь погребений до сих пор не опубликован¹⁹. К раннему этапу среднеднепровской культуры можно отнести также сосуды, происходящие из случайных раскопок курганов местными жителями у сел Шандра²⁰ и Драчи²¹, Ржищевского района, Киевской области, и сосуд из коллекции Б. И. Ханенко²², найденный в пределах Киевской области.

Таким образом, в настоящее время известно 27 курганов, в которых обнаружено 49 погребений раннего этапа среднеднепровской культуры. Эти курганы расположены в 17 пунктах на правом берегу Днепра, на территории Киевского, Кагарлыкского, Старченковского и Ржищевского районов Киевской области, Каневского, Смелянского, Звенигородского и Монастырищенского районов Черкасской области (рис. 14).

Курганы с погребениями, относящимися к раннему этапу среднеднепровской культуры, у с. Долинка расположены по краю высокого берега р. Горный Тикич; у сел Зеленки, Бурты и Забара — на плато в одиночку или небольшими группами, по 2—3 кургана. В плане курганы — круглой формы. Высота их колеблется от 0,5 до 1,5—2 м. Собственно курганов, насыпанных над погребениями раннего этапа среднеднепровской культу-

¹¹ Там же, стр. LXXX—LXXXV, курганы № 1 и 6.

¹² ОАК за 1890 г., стр. 58, курган № 3.

¹³ A. I. Bydłowski. Указ. соч., курган № 28 — стр. 10; курган № 35 — стр. 13; курган № 40 — стр. 14, курганы № 42, 43 и 44 — стр. 16.

¹⁴ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. Курган № 282, погребение 6 (Гороховатка) — стр. 83; курган № 235, погребения 3 и 6 — стр. 5—7; курган № 237, погребения 8, 9 и 11 (Кагарлык) — стр. 8, 9; курган № 286, погребения 5—9 и курган № 29, погребение 6 (Бурты) — стр. 74—76; курган № 322, погребение 2 и курган № 413, погребения 3, 6 и 7 (Забара) — стр. 51.

¹⁵ Там же. Курган № 220, погребения 3, 5, 6 и 7 — стр. 17; курган № 309, погребение 2 — стр. 27; курган № 310, погребения 12 и 14 — стр. 27, 28; курган № 343, погребения 2, 4, 5 и 8 (с. Зеленки) — стр. 35, 36; курган № 361, погребения 2, 4, 5 и 8 (Яновка) — стр. 96, 97; курган № 380, погребения 1, 2 и 4 (Беркозовка) — стр. 99; курган № 266, погребение 5 (Липовец) — стр. 81.

¹⁶ Выписка из журнала Н. Е. Бранденбурга о раскопках курганов со скелетами в скорченном положении. Труды XI АС, 1901, стр. 177, курган № 30.

¹⁷ Там же. Курган № 31 — стр. 177, 178.

¹⁸ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. Курган № 457, погребение 2 — стр. 129. Пользуясь случаем, выражаю Б. А. Латынину благодарность за большую помощь, оказанную мне при изучении материалов по среднеднепровской культуре из раскопок Н. Е. Бранденбурга.

¹⁹ Отделом первобытной культуры Государственного Эрмитажа ведется подготовка к изданию альбома коллекции из раскопок Н. Е. Бранденбурга.

²⁰ Сосуд хранится в Киевском историческом музее, инв. № 673-10972 (Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 10, 1).

²¹ ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 151—153.

²² «Древности Приднепровья. Собрание Б. И. Ханенко», вып. 1, Киев, 1899, стр. 12, табл. V, рис. 12; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 10, 2.

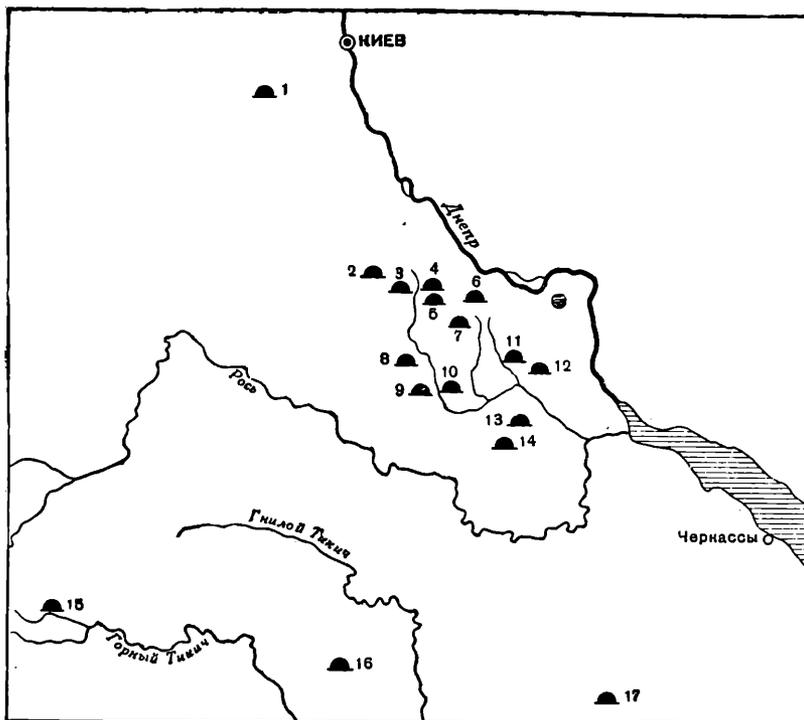

Рис. 14. Карта распространения курганов с погребениями раннего этапа среднеднепровской культуры.

1 — Гатное; 2 — Гороховатка; 3, 4 — Кагарлык; 5 — Забара; 6 — Драчи; 7 — Бурты; 8 — Липовец; 9, 10 — Зеленки; 11 — Шандра; 12 — Казаровка; 13 — Беркозовка; 14 — Яновка; 15 — Долинка; 16 — Рыжановка; 17 — Мокшевка.

ры, известно лишь несколько. Обычно для захоронения использовались курганы, сооруженные племенами ямной культуры. Погребения раннего этапа чаще всего расположены в полах курганов, в ямах, выкопанных в материке, на древнем горизонте и в насыпи. По известным нам данным, из 43 погребений 10 было в ямах, выкопанных в материке, 10 — на древнем горизонте, 23 — в насыпи. Под курганной насыпью встречено от 1 до 4 захоронений, принадлежащих раннему этапу среднеднепровской культуры.

Наиболее характерны прямоугольные могильные ямы с прямыми или округлыми углами. Длина ям — 1,8—2,2 м, ширина — 1—1,2 м; глубина не превышает 1,5 м. Могилы перекрывались деревянным накатником. На дне оказались следы дерева и остатки подстилки из камыша.

Обряд погребения — труположение. Как правило, скелеты лежат вытянуто, на спине, руки — вдоль тела. Встречается красная краска. Так, например, в погребении кургана № 28 у с. Долинка красной краской был окрашен весь скелет, а в погребении 2 кургана № 322 у с. Забара она обнаружена в глиняном сосуде. Ориентировка погребений разнообразна: из 42 погребений 14 обращены головой на запад, 9 — на юг, 9 — на север, 1 — на северо-запад, 1 — на юго-запад, 3 — на юго-восток и на восток — 5 погребений. Встречены коллективные захоронения взрослых или взрослых с детьми. В кургане № 6 у с. Гатное обнаружены два групповых захоронения. В одном из них находились скелеты двух взрослых мужчин и женщины (первый был ориентирован головой на восток, второй — на север); во втором захоронении — скелеты двух взрослых и ребенка, причем костяки

взрослых были ориентированы головой на север и юг, а скелет ребенка лежал на ногах взрослого головой на восток. В погребении 2 кургана № 380 у с. Беркозовка оказался скелет взрослого, головой на юг, а вдоль левой голени — остатки костяка ребенка, обращенного головой на север. Захоронение взрослого с ребенком обнаружено также в погребении 9 кургана № 286 у с. Бурты.

Погребальный инвентарь раннего этапа среднеднепровской культуры сравнительно бедный. Он состоит из керамики и каменных сверленных топоров. Обычно в погребении находится только один сосуд или топор; но встречались и такие, в которых были глиняный сосуд и каменный топор или несколько сосудов. Так, например, в кургане № 413 у с. Забара при одном погребении найдены глиняный сосуд и каменный топор; аналогичные вещи встречены также в кургане № 3 у с. Рыжановка. В погребении 12 кургана № 310 у с. Зеленки обнаружены три глиняных сосуда, стоявших вдоль правой ноги скелета. Сосуды ставились у головы или, чаще, у ног умершего.

Керамика из погребений раннего этапа среднеднепровской культуры тонкостенная (толщина стенок — 0,4—0,6 см), красновато-коричневого, желтого и темно-серого цвета. В глиняном тесте — примесь песка. На внутренней, а у некоторых сосудов и на наружной поверхности видны следы тонкой штриховки от сглаживания, по-видимому, травой. Сосуды лепились от руки и обжигались, вероятно, на костре. Поэтому обжиг неравномерный, часто получались темные пятна. Орнамент, покрывающий лишь верхнюю часть сосудов, состоит из отпечатков веревочки, линейного штампа, коротких нарезных полосок и мелких углублений. Элементы орнамента обычно располагаются одиночными или несколькими параллельными рядами.

По форме сосуда можно разделить на три группы — горшки, миски и чаши. Наиболее характерны горшки с шаровидным туловом, невысокой прямой, отогнутой наружу, шейкой и круглым или уплощенным дном. Горшки этого типа украшены отпечатками веревочки, короткими нарезными линиями и мелкими углублениями. Сосуд из погребения 6 кургана № 220 у с. Зеленки²³ (высота — 11 см, диаметр венчика — 13,9 см) орнаментирован только по шейке шестью рядами отпечатков веревочки. Сосуд из погребения 11 кургана № 237 у с. Кагарлык²⁴ (высота — 8,5 см, диаметр венчика — 10,3 см, высота шейки — 2 см) украшен по краю венчика короткими насечками, а по шейке — пятью рядами отпечатков веревочки (рис. 13—2).

Интересен орнамент на сосуде из погребения 2 кургана № 322 у с. Забара (высота — 9—9,2 см, диаметр венчика — 9,5—9,7 см, высота шейки — 2,5 см), состоящий из отпечатков веревочки, нарезных линий и мелких углублений²⁵. Шейка украшена четырьмя рядами отпечатков веревочки; ниже, на плечиках, расположен ряд заштрихованных треугольников, опущенных вершиной вниз; под ними — горизонтальный зигзаг из мелких углублений (рис. 13—3).

В погребении 1 кургана № 380 у с. Беркозовка найдены два сосуда²⁶, орнаментированных тремя рядами отпечатков веревочки; ниже расположен горизонтальный зигзаг из двух таких рядов (рис. 15—6, 7). Сосуд из погребения 2 кургана № 380 у с. Беркозовка²⁷ (высота — 6,6 см, диаметр венчика — 8,1 см, высота шейки — 1,5 см) по шейке украшен четырьмя рядами отпечатков веревочки; ниже нанесены группы коротких

²³ ГЭ, инв. № 202/4.

²⁴ ГЭ, инв. № 200/3.

²⁵ ГЭ, инв. № 204/2.

²⁶ ГЭ, инв. № 210/1.

²⁷ ГЭ, инв. № 210/2.

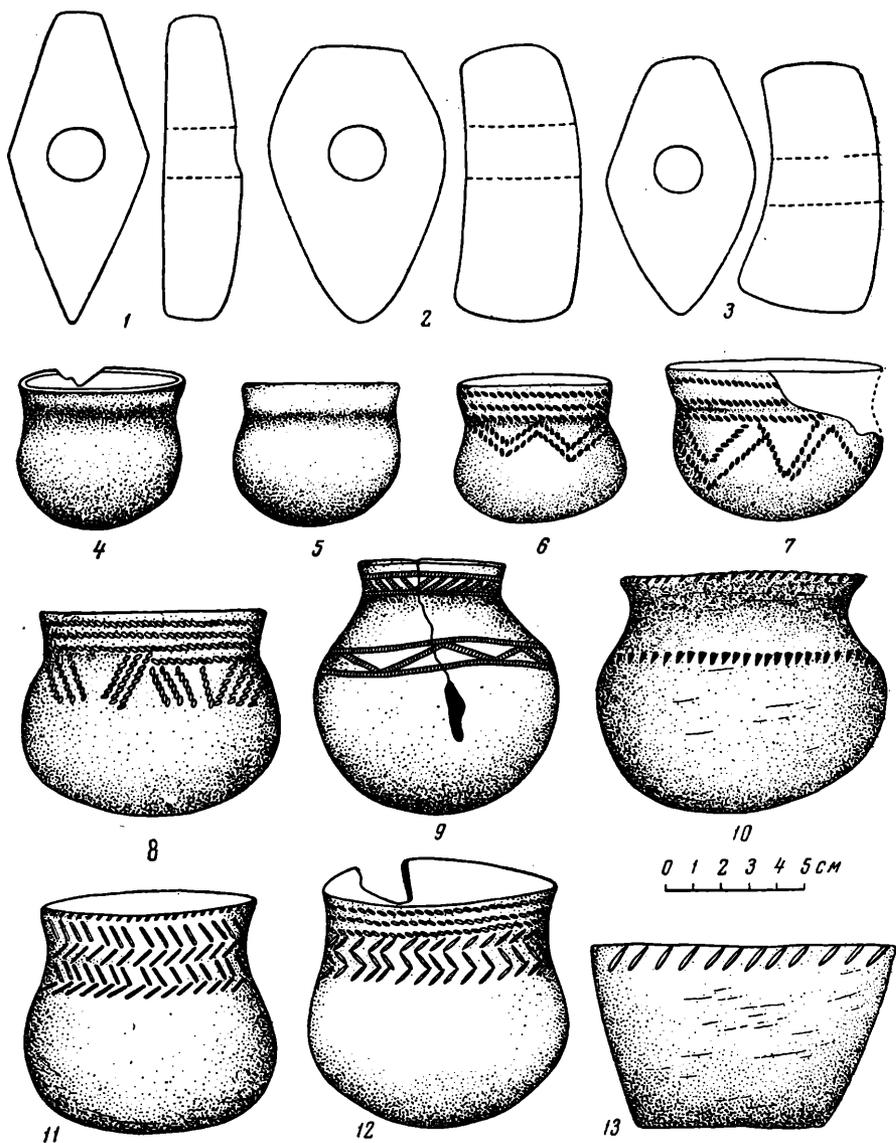

Рис. 15. Каменные топоры и керамика раннего этапа среднеднепровской культуры.

1 — курган № 302 близ сёл Яновка и Онацки; 2 — погребение 2 кургана № 286 у с. Бурты; 3 — погребение 8 кургана 343 у с. Зеленки; 4 — погребение 2 кургана № 309 у с. Зеленки; 5 — с. Драчи; 6, 7 — погребение 1 кургана № 380 у с. Беркозовка; 8 — погребение 2 кургана № 380 у с. Беркозовка; 9 — курган № 40 у с. Долинка; 10 — погребение 7 кургана № 286 у с. Бурты; 11 — Среднее Поднепровье; 12 — с. Шандра; 13 — погребение 9 кургана № 286 у с. Бурты.

вертикальных отрезков таких же оттисков, причем эти группы расположены под углом, наклонно друг к другу (рис. 15—8).

Сосуд из погребения 3 кургана № 413 у с. Забара²⁸ (высота — 8 см, диаметр венчика — 9,5 см) украшен мелкими насечками по краю венчика и четырьмя рядами коротких нарезных линий, образующих «елочку» (рис. 13—4). Сосуд из погребения 7 кургана № 286 у с. Бурты²⁹ (высо-

²⁸ ГЭ, инв. № 204/4.

²⁹ ГЭ, инв. № 203/2.

та — 8 см, диаметр венчика — 8,6 см) орнаментирован по краю венчика и плечикам двумя рядами мелких подтреугольных насечек (рис. 15—10). В погребении 2 кургана № 361 у с. Яновка³⁰ найдены два горшка, стоявших у головы; один — небольшой круглодонный, без орнамента, второй — большой круглодонный, с низко расположенными плечиками и высокой, слегка отогнутой наружу, шейкой (высота сосуда — 18 см, диаметр венчика — 18,6 см). Орнамент состоит из шести рядов овальных ямочных вдавлений.

Интересен также сосуд из погребения в кургане № 40 у с. Долинка³¹. Это горшок с шаровидным туловом и хорошо выраженной короткой, отогнутой наружу, шейкой (высота сосуда — 18 см, диаметр венчика — 10 см, высота шейки — 4 см, наибольший диаметр тулова — 16 см). Орнамент из отпечатков «гусенички» нанесен по шейке и плечикам. По шейке между двумя рядами «гусенички» расположены группы коротких оттисков, наклоненных в ряду в разные стороны. На плечиках между двумя рядами «гусенички» идет горизонтальный зигзаг из таких же отпечатков (рис. 15—9). Два небольших, одинаковых по форме, сосуда из погребения 2 кургана № 309 у с. Зеленки³² (высота сосуда — 5 см, диаметр венчика — 5,2—5,5 см) и из кургана у с. Драчи³³ не орнаментированы (рис. 15—4,5).

К горшкам первого типа можно отнести также сосуд с округлым туловом и широкими краями горла, случайно найденный в с. Шандра³⁴. Орнамент расположен в верхней части и состоит из трех рядов отпечатков веревочки; ниже — три ряда коротких насечек, образующих «елочку» (рис. 15—12). Аналогичный по форме сосуд, украшенный мелкими углублениями по краю венчика и четырьмя рядами коротких насечек, образующих «елочку», известен из случайных находок в Среднем Поднепровье³⁵ (рис. 15—11).

Второй тип горшков представлен пятью плоскодонными сосудами. Два из них найдены в погребении 3 кургана № 220 и в погребении 12 кургана № 310³⁶ у с. Зеленки. Это одинаковые по форме невысокие открытые сосуды (высота — 9,5 и 11 см) с округлым туловом и прямой шейкой (диаметр венчика — 12,5 и 13 см). Орнамент, расположенный только по шейке, состоит из трех рядов отпечатков веревочки. На сосуде из кургана № 220 по краю венчика нанесены мелкие насечки (рис. 16—7, 9). Второй сосуд из погребения 12 кургана № 310 у с. Зеленки³⁷ — плоскодонный острореберный горшок с отогнутой наружу шейкой (высота сосуда — 6,5 см, диаметр венчика — 9 см, диаметр дна — 6,3 см) — не орнаментирован (рис. 16—4).

Интересен сосуд из погребения 4 кургана № 343 у с. Зеленки³⁸. Это небольшой плоскодонный горшок с округлыми плечиками, плавно соединяющимися с короткой, слегка отогнутой наружу, шейкой (высота сосуда — 9—9,5 см, диаметр венчика — 9,9 см, диаметр дна — 5,5 см, наибольший диаметр по плечикам — 11 см). Орнамент, расположенный только в верхней части сосуда, состоит из пяти рядов коротких насечек, причем в двух рядах они вертикальны, а в трех — образуют «елочку» (рис. 16—8).

³⁰ ГЭ, инв. № 208/1.

³¹ A. I. Bydłowski. Указ. соч., стр. 15, рис. 16.

³² ГЭ, инв. № 202/7.

³³ ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 151—153.

³⁴ Сосуд хранится в Киевском государственном историческом музее, инв. № 673-10972; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 10, 1.

³⁵ «Древности Приднепровья. Собрание Б. И. Ханенко», вып. 1, Киев, 1899, стр. 12, табл. I, рис. 12; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 37, рис. 10, 2.

³⁶ ГЭ, инв. № 202/2 и № 202/9.

³⁷ ГЭ, инв. № 202/8.

³⁸ ГЭ, инв. № 202/11.

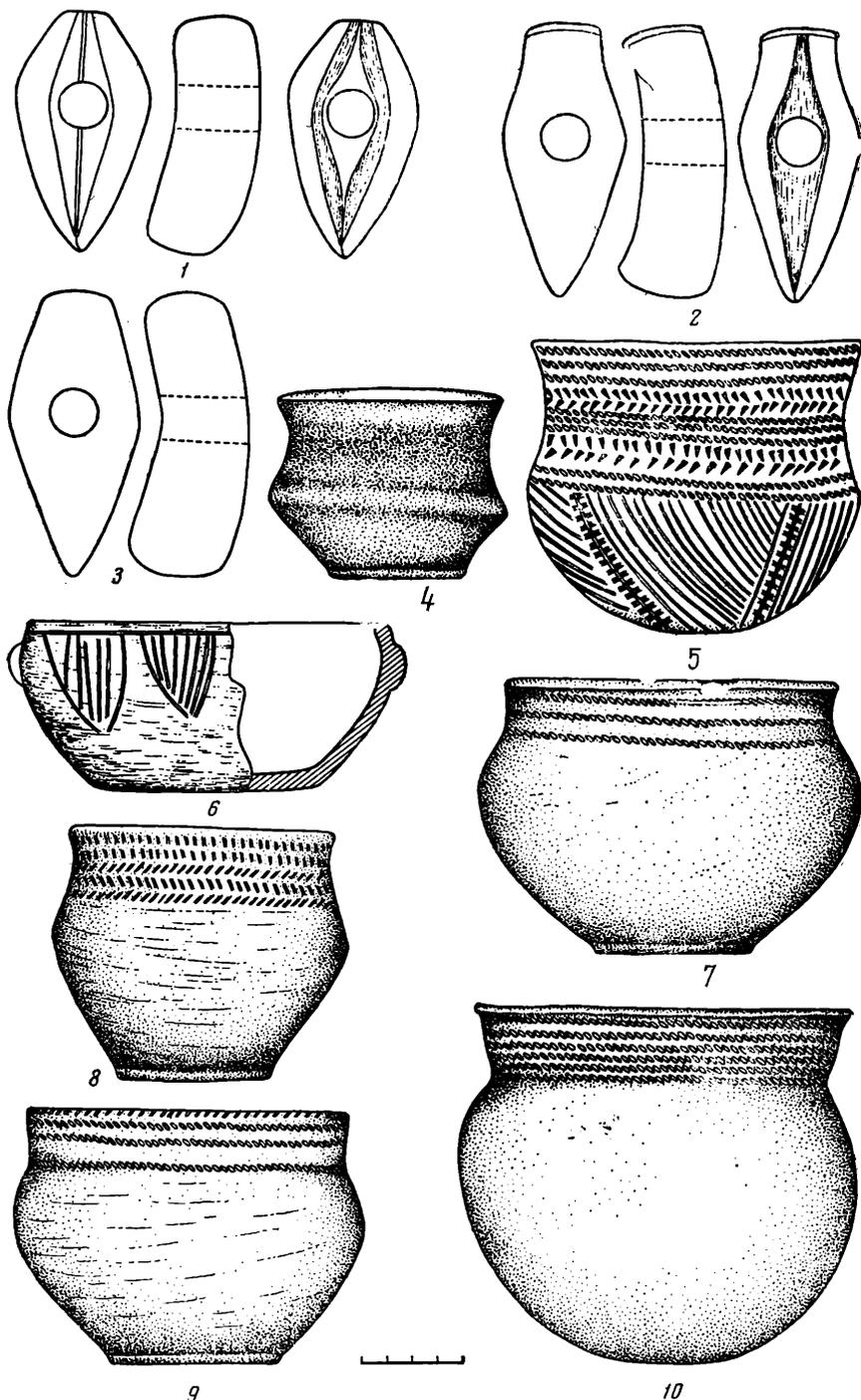

Рис. 16. Каменные топоры и керамика раннего этапа среднеднепровской культуры.

1 — курган № 13 у с. Зеленки; 2 — погребение 5 кургана № 266 у с. Липовед; 3 — погребение 3 кургана № 413 у с. Забара; 4 — погребение 12 кургана № 310 у с. Зеленки; 5 — погребение 7 кургана № 220 у с. Зеленки; 6 — погребение 5 кургана № 220 у с. Зеленки; 7 — погребение 3 кургана № 220 у с. Зеленки; 8 — погребение 4 кургана № 343 у с. Зеленки; 9 — погребение 12 кургана № 310 у с. Зеленки; 10 — погребение 6 кургана № 220 у с. Зеленки.

Горшок из погребения 3 кургана № 235 у с. Кагарлык³⁹ небольшой, с прямым, расширяющимся от плоского дна, туловом, имеющим в верхней части перегиб, от которого слегка загнутые внутрь стенки переходят в прямую закраину (высота — 7,2 см, диаметр венчика — 8 см, диаметр дна — 5 см). Сосуд не орнаментирован.

Горшки второго типа появились, по-видимому, в конце раннего этапа среднеднепровской культуры. Об этом свидетельствуют находки из кургана № 220 у с. Зеленки, где, кроме горшков первого и второго типов, в погребении 7 найден колоколовидный сосуд, орнаментированный по всей поверхности отпечатками веревочки, мелкими углублениями и нарезными линиями (высота — 11,5 см, диаметр венчика — 12 см)⁴⁰. Форма и орнамент его (рис. 16—5) характерны уже для керамики позднего этапа среднеднепровской культуры.

В погребении 5 кургана № 220 у с. Зеленки⁴¹ найдена миска с расширяющимися от плоского дна выпуклыми стенками и загнутым внутрь краем (высота — 6,5 см, диаметр венчика — 14 см, диаметр дна — 8 см). У края, на стенке — две округлых выпуклости. Нарезной орнамент образует под краем горизонтальную линию, ниже которой расположен ряд опущенных вершиной вниз заштрихованных треугольников (рис. 16—6).

Чаша, найденная в погребении 9 кургана № 286 у с. Бурты⁴², — плоскодонная, с почти прямыми (с легкой выпуклостью) стенками (высота — 6,3 см, диаметр венчика — 10,4 см, диаметр дна — 6,5 см), орнаментированными у верхнего края рядом коротких косо расположенных насечек (рис. 15—13).

Каменные просверленные топоры из погребений раннего этапа среднеднепровской культуры по форме можно разделить на три типа — клиновидный, ромбический и короткообушковый. Клиновидный топор обнаружен в кургане № 6 у с. Гатное. Из трех ромбических топоров один найден на поверхности насыпи кургана № 302 близ сел Яновка, Онацки⁴³. Длина топора — 13,5 см, ширина у сверлины — 5,5 см (рис. 15—1).

Интересен топор из погребения 3 кургана № 413 у с. Забара⁴⁴ со свисающими лезвийной и обушковой частями и круглым в плане обушком. Длина топора — 11,3 см, ширина — 5,2 см, высота средней части — 3,3 см (рис. 16—3). Он найден вместе с глиняным сосудом (рис. 13—4).

Топор из погребения 8 кургана № 343 у с. Зеленки⁴⁵ — также со свисающими лезвийной и обушковой частями (рис. 15—3). Длина топора — 8,1 см, ширина — 4,2 см, высота средней части — 4 см. Близки ромбическим топоры из погребения 2 кургана № 286 у с. Бурты⁴⁶ и из насыпи кургана № 13 у с. Зеленки. Длина первого — 8,7 см, ширина — 4,8 см, высота средней части — 3,7 см (рис. 15—2); длина второго — 10,2 см, ширина — 4,8 см, высота средней части — 3,4 см. Топор из с. Зеленки — со слегка вогнутой нижней стороной и рельефно подчеркнутыми продольными гранями верхней и нижней сторон (рис. 16—1).

Обушковый топор со слегка свисающими лезвийной и обушковой частями, намечающейся лопастью и рельефно подчеркнутыми гранями верхней уплощенной стороны найден в погребении 5 кургана № 266 у с. Липовец⁴⁷. Длина топора — 10 см, ширина — 4,2 см, высота средней части — 3,4 см (рис. 16—2).

³⁹ ГЭ, инв. № 202/5.

⁴⁰ ГЭ, инв. № 202/3.

⁴¹ ГЭ, инв. № 202/3.

⁴² ГЭ, инв. № 203/3.

⁴³ ГЭ, инв. № 208/2.

⁴⁴ ГЭ, инв. № 413.

⁴⁵ ГЭ, инв. № 202/12; из кургана № 13 — инв. № 202/13

⁴⁶ ГЭ, инв. № 203/1.

⁴⁷ ГЭ, инв. № 201/2.

Датировка памятников раннего этапа среднеднепровской культуры весьма затруднительна, так как прямо датирующие вещи в погребениях не найдены. Верхняя дата может быть определена по нижней дате позднего этапа, которую на основании инвентаря и аналогий в керамике культур боевых топоров Средней Европы, датирующихся по C^{14} временем $2485 \pm \pm 320$ лет до н. э. и 2245 ± 120 лет. до н. э.⁴⁸, следует отнести к концу III тысячелетия до н. э., точнее — к 2100—2200 гг. до н. э. Нижняя дата может быть установлена только приблизительно, на основании стратиграфических данных.

Известно, что на территории распространения памятников раннего этапа среднеднепровской культуры существовали памятники трипольской культуры этапа В/II, которые Т. С. Пассек датирует первой половиной III тысячелетия до н. э.⁴⁹. Известно также, что на трипольских поселениях этапа В/II (Кирилловская улица в Киеве и Беремье⁵⁰, Триполье⁵¹ и Владимировка⁵²) исследованы курганы, насыпанные над погребениями ямной культуры и свидетельствующие о вторжении носителей ямной культуры на территорию трипольцев. Это вторжение произошло, вероятно, около середины III тысячелетия до н. э. Учитывая, что погребения раннего этапа среднеднепровской культуры впущены обычно в насыпь курганов ямной культуры, начало раннего этапа можно отнести приблизительно к 2400 г. до н. э. Таким образом, памятники раннего этапа среднеднепровской культуры можно датировать второй половиной III тысячелетия до н. э. или примерно с 2400 г. до н. э. по 2200—2100 гг. до н. э.

---

⁴⁸ R. Pittioni. Die Bedeutung der Radiokarbonaten für die Urgeschichte. Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957, N 16, Wien, стр. 246, 247.

⁴⁹ Т. С. Пассек. Взаимоотношения культур Западной и Восточной Европы в период неолита. Доклад на Ученом совете Института археологии АН СССР 27 октября 1961 г.

⁵⁰ В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Труды XI АС, т. I, 1901, стр. 762, 783, 786.

⁵¹ Н. Беляшевский. Раскопки у м. Триполья Киевского уезда. АЛЮР, т. I, Киев, 1899, стр. 8, 9.

⁵² Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 50, 51.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Весной 1960 г. в связи с составлением Свода археологических источников по фатьяновской культуре отрядом Верхневолжской экспедиции¹ велись разведочные работы в Окско-Клязьминском междуречье. Основное внимание было уделено районам, расположенным по среднему течению р. Клязьмы, в пределах Владимирской области, плохо изученным с точки зрения распространения памятников фатьяновской культуры. Как известно долгое время граница этой культуры проводилась исследователями к северу от среднего течения р. Клязьмы. Только после раскопок фатьяновского могильника в с. Шашево у г. Коврова южная граница была сдвинута на территорию Владимирской области².

В настоящее время не остается сомнений в том, что вся Владимирская область южнее р. Клязьмы была занята фатьяновскими племенами. Подтверждением этому служат многочисленные находки каменных топоров фатьяновского типа, количество которых приближается к сотне. В основном это случайный материал, часто беспаспортный. Ввиду того, что в археологическом отношении Владимирская область обследована недостаточно, а проводившиеся частичные раскопки фатьяновских могильников дали интересный, но небольшой материал³, — нам кажется необходимой публикация новых памятников по Средней Клязьме.

В этом отношении интересен район г. Коврова, где, помимо Шашевского могильника и восьми местонахождений сверленных топоров в самом городе и около него, обнаруженных в послевоенное время, зафиксированы два новых фатьяновских могильника. К сожалению, оба почти полностью разрушены. Первый находится в г. Коврове, на 1-й Артемовской улице. Здесь в 1957 г. при строительстве жилого дома были найдены каменный сверленный топор-молоток из полированного серого диорита (длина — 11 см) и две ножевидные пластинки из темно-серого кремня (длина — 8,8 и 7,5 см; рис. 17—1—3)⁴. Вещи лежали на глубине 0,5 м, недалеко друг от друга, и, видимо, происходят из одного погребения (место находки перекопано и застроено). И топор, и пластинки, обычные по форме, находят аналогии во многих фатьяновских погребениях.

¹ Начальник экспедиции — Д. А. Крайнов.

² А. Ф. Дубынин и н. Ковровский фатьяновский могильник. КСИИМК, вып. 53, 1952.

³ Раскопки в 1941 г. Д. А. Крайновым Сущевского могильника у г. Александрова. Коллекции хранятся в ГИМ.

⁴ Ковровский музей, № 5549 и 5548.

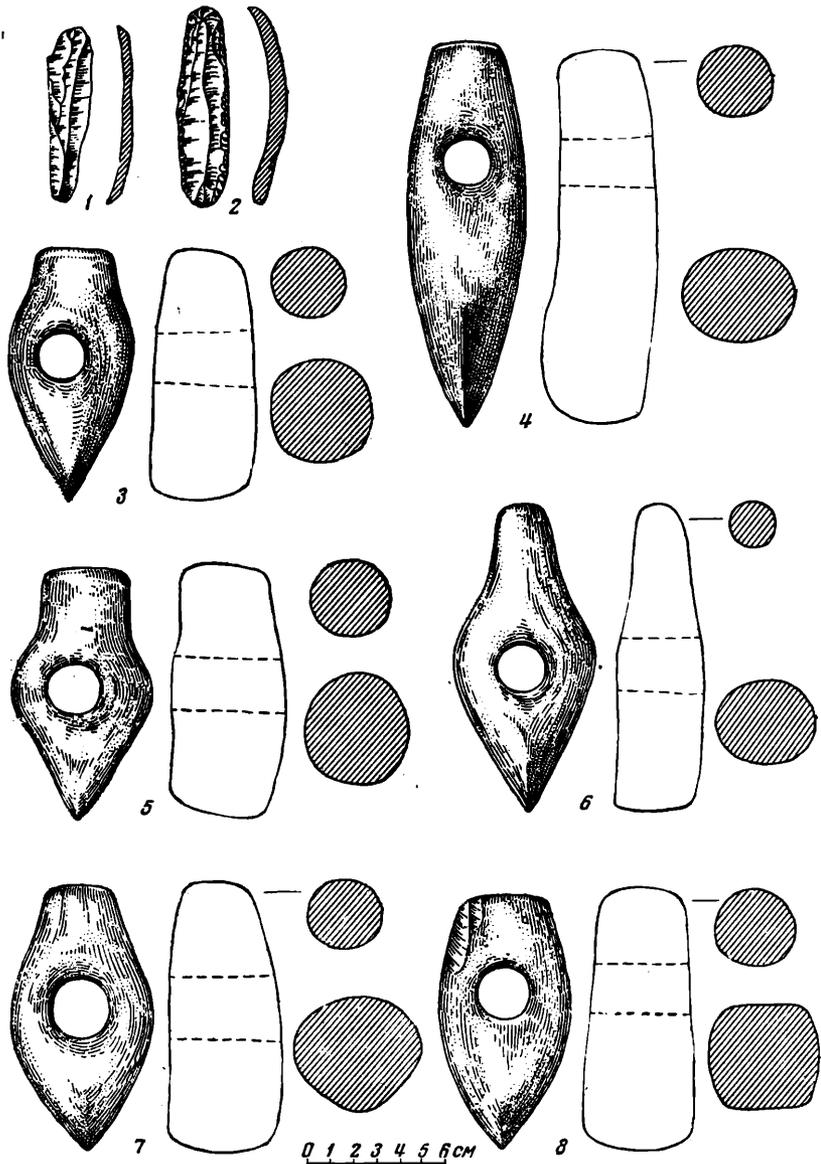

Рис. 17. Фатъяновские кремневые орудия и каменные топоры.

1—3 — г. Ковров, 1-я Артемовская улица. Ковровский музей, № 5548, 5549; 4 — г. Ковров, Ширива гора. Ковровский музей, № 5545; 5 — г. Ковров, Молодежный городок. Ковровский музей (без номера); 6 — г. Ковров, поселок «Артель имени Ворошилова». Ковровский музей, № 4931; 7 — г. Ковров, II (без номера); 8 — дер. Ручьи (в 3 км от г. Коврова). Ковровский музей, № 218.

Второй возможный могильник находится в 9 км к югу от г. Коврова, у дер. Федотово. В 1958 г. рабочие во время выемки песка в карьере на глубине около 4 м обнаружили прекрасно сделанный полированный сверленный топор и каменную полированную булаву⁵. Предметы были переданы директору Ковровского музея П. А. Желтову, который тогда же осмотрел карьер.

⁵ Ковровский музей, № 5546 и 5547.

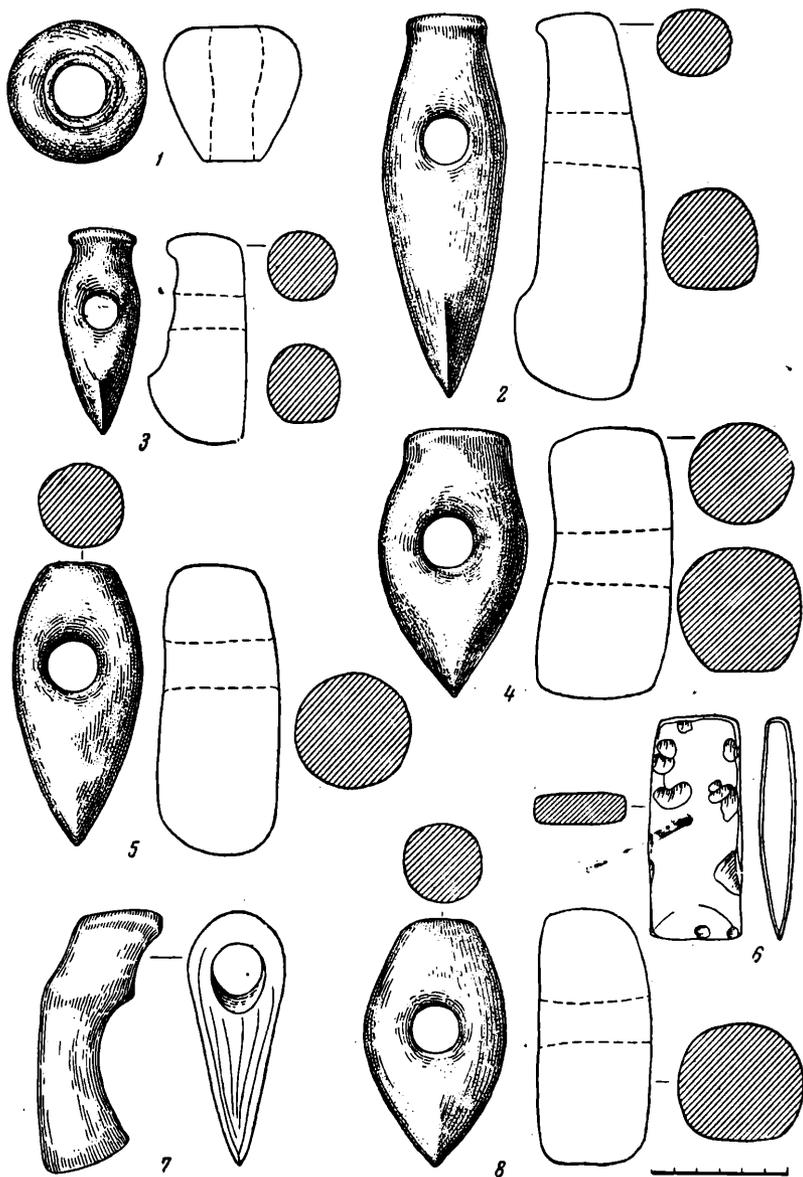

Рис. 18. Каменные топоры, булава (1—6,8) и медный топор (7).

1, 2 — дер. Федотово, Ковровский район, Ковровский музей, № 5547 и 5546; 3 — г. Ковров (точнее — неизвестно), Ковровский музей, № 5491; 4—6 — дер. Нагорное, Чкаловский район, Горьковская область; 7, 8 — дер. Губцево, Чкаловский район, Горьковская область.

В мае 1960 г. мною совместно с П. А. Желтовым проведено обследование Федотовского карьера, который занимает центральную и южную части пологого песчаного холма (диаметр его — около 300 м, высота — 5 м). Разработки карьера ведутся уже несколько лет. В центре песок выбран на глубину 3—3,5 м. Ширина котлована — 60 м; место находки расположено почти в центре. Еще недавно весь холм был покрыт сосновым лесом, теперь он сохранился только на северном склоне; восточная часть холма занята под огороды и застроена. В 1 км от карьера протекает р. Нерехта, приток р. Клязьмы. Края карьера скрыты под толстым слоем песка, сдви-

нутного бульдозера, что затруднило зачистку. Новые погребения не обнаружены. Только в восточной стенке котлована, зачищенной на протяжении 30 м⁶, прослежены расплывчатые очертания ямы (север — юг — 1,2 м). Возможно, это часть фатьяновского разрушенного погребения, о чем как будто свидетельствует присутствие мелких угольков на глубине от 0,7 до 1,5 м.

Федотовские находки, — несомненно, лучшие образцы каменной индустрии. Топор и булава сделаны из темно-серого, почти черного (с небольшими голубоватыми вкраплениями) превосходно заполированного камня. У топора (длина — 17 см), служившего боевым оружием, — небольшая остро заточенная лопасть и округлый обухок, нависающий с тыльной стороны (рис. 18—2). Каменная булава (диаметр — 6,2 см) — грушевидной формы. По краям сверлины — заполированные плоскости; внутри сверлина расширяется (рис. 18—1).

Находка булав вместе с фатьяновским топором очень интересна. Каменные сверленные булавки редко, но все же встречаются на территории, занятой фатьяновскими племенами⁷, однако они ни разу не были найдены в погребении. Присутствие каменных булав в фатьяновских памятниках можно объяснить проникновением в лесные районы предметов южного происхождения. По форме и размерам булава из Федотовского карьера близка булавам с территории катакомбной культуры и Центрального и Северного Кавказа⁸. Видимо, каменные булавки не имели широкого применения у фатьяновских племен, так же как и у катакомбных⁹. Возможно, они распространились с Кавказа¹⁰.

В районе г. Коврова найдены каменные сверленные топоры следующих разновидностей:

1. Три топора с округлым выделенным обухом и припухлыми плечиками. Длина — 11 см, 10,5 см, 11,6 см (рис. 17—3, 5, 7).

2. Три топора с усеченно-коническим обухом, не отделенным от боковых сторон. Длина — 11,2 см (рис. 17—8)¹¹.

3. Два топора с короткой лопастью и выделенным округлым обухом, выступающим с тыльной стороны, и один топор с длинной низкой лопастью. Длина — 17 см, 9 см и 16,2 см (рис. 18—2, 3; рис. 17—4).

4. Один топор подромбической формы, с длинным узким обухом. Длина — 13,5 см (рис. 17—6).

Первые два типа близки друг другу и по количеству занимают первое место среди находок на всей территории Владимирской области. Лопастные топоры — на втором месте. Топоры подромбической узкообуховой формы встречены во Владимирской области всего в количестве 4 экземпляров. Любопытно, что топоры из Ковровского района в основном отражают соотношение их типов, характерное для Владимирской области в целом; при этом ряд признаков сближает фатьяновские памятники

⁶ В работе принимали участие ученики 4-й Ковровской средней школы под руководством педагога А. Л. Соколова.

⁷ В г. Калуге — обломок шаровидной булавки (Калужский музей, № 8035); в с. Лужки, Серпуховского района, Московской области, — половина шаровидной булавки (Серпуховский музей, № 38); в с. Лазарцево-Фомино, Ильинского района, Ивановской области, — булава (Ильинско-Хованский музей).

⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 124, 1955, табл. VII, рис. 4, 5, и стр. 169, рис. 34; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 45, рис. 9, 9.

⁹ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 168.

¹⁰ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960.

¹¹ 1) Из Заречной слободки у г. Коврова, левый берег Клязьмы; топор близок топору из погребения 3 Шашевского могильника (А. Ф. Дубынин. Указ. соч., рис. 25, 2); длина — 12,2 см, ширина — 6,1 см, лезвие — 4,5 см, диаметр сверлины — 2,6 см (Ковровский музей, № 217); 2) из поселка Красный металлист у г. Коврова; длина топора — 10,7 см, ширина — 4,4 см, диаметр сверлины — 2,1 см, лезвие отбито.

по среднему течению р. Клязьмы с более западными, так называемой московской группой. Узкообушковые топоры ромбической формы характерны именно для этой группы. О связи с московскими памятниками свидетельствуют топоры с короткой лопастью, которые встречены в большом количестве на юго-западе, юге и востоке московской группы, а затем на Клязьме и Оке¹².

Связь с московской группой подтверждает как будто и керамика. Круглодонный сосуд из Шашевского могильника украшен веревочным орнаментом, характерным для 30% керамики московской группы, а его несколько удлиненная форма близка форме сосудов той же группы. Не случайной кажется концентрация большинства фатьяновских памятников по р. Клязьме и ее притокам и затем по р. Оке (район Муром), так как эти реки были естественными путями передвижения. Наличие коротколопастных топоров в московской и балановской группах хорошо объясняет характер владимировских топоров, которые можно считать связующим звеном между ними. Топорик из г. Коврова (рис. 18—3) очень похож, особенно по форме лопасти, на балановские¹³.

Помимо указанных фатьяновских местонахождений, на территории Владимирской области заслуживают внимания два могильника, расположенных недалеко от ее северо-восточной границы. Оба они обнаружены на западном берегу Горьковского моря, по берегам затопленной р. Троцы. Один находится в дер. Нагорное, Чкаловского района, Горьковской области, другой — в 3 км севернее, в дер. Губцево.

Из дер. Нагорное весной 1960 г. в ГИМ поступили фатьяновские вещи — два сверленных каменных топора-молотка (длина — 12 и 10,7 см), кремневый клиновидный плоский топор длиной 9,6 см (рис. 18—4, 6)¹⁴ и круглый каменный шарик, видимо, естественного происхождения. Предметы найдены жителем деревни Г. А. Малыгиным в размытом берегу в восточном конце деревни. Позже приблизительно в том же месте обнаружен еще один сверленный топор длиной 12,6 см (рис. 18—5). Сейчас место находки залито водами Горьковского моря. Деревня Нагорное занимает вершину невысокого холма (от 1,5 до 2 км в диаметре) и сильно подмывается с севера и востока; часть домов уже смыта. На расстоянии 15 км к востоку от деревни находилось старое русло Волги, в 1 км к северу — русло р. Троцы. Береговой срез представляет собой рыхлый песчаный массив с глинистыми включениями, высота его — около 4 м. Отчетливо выделяются контуры ям поздних хозяйственных построек, погребов и т. п.; в обрыве и в воде у берега — множество обломков черной лощеной керамики XVII—XVIII вв. Фатьяновской керамики не замечено. Угроза подтопления деревни пока исключает возможность раскопок. Сверленные топоры-молоты сделаны довольно грубо и относятся к широко распространенному обушковому типу. Интересен светло-серый кремневый клиновидный топор, прямоугольный по форме и в сечении, сходный с топором из погребения 5 Протасовского могильника¹⁵. Фатьяновский могильник в дер. Нагорное, видимо, уже давно испорчен хозяйственными постройками, и вода завершает его уничтожение.

Второй могильник находится на левом берегу затопленной поймы р. Троцы, в дер. Губцево. Местные жители стали находить человеческие кости, черепа и каменные сверленные топоры уже в 1958 г., когда вода под-

¹² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, 1962.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИМК, вып. XVI, 1947, рис. 8—13, 14; O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, Bd. 59, № 1, 1957, стр. 28, рис. 1, 2.

¹⁴ Второй топор — обушкового типа; длина — 10,7 см, ширина — 5,2 см, лезвие — 2,7 см, диаметр сверлины — 2,2 см (ГИМ, инв. № 96958, оп. 1512).

¹⁵ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники северного Подмосковья. МИА, № 13, 1950, рис. 14, 2.

мыла берег у деревни. Ученики из дер. Губцево хорошо помнят пять каменных сверленных топоров (цвет, форму и т. п.) и, кроме того, еще несколько заброшенных ими в воду или утерянных. Сохранился только один сверленный топор-молоток (длина — 11,2 см). Он сделан из серого заполированного диорита, массивен и несколько асимметричен (рис. 18—8).

Кроме каменных топоров, в обрыве, в 30 м от современного берега, был найден вислобушный, литой из меди, проушной топор. На гранях, идущих от проуха к лезвию, заметны вмятины, — возможно, результат проковки. На лобной стороне таких граней шесть, на тыльной — пять. Клинок массивный, ширина лезвия почти равна высоте обуха. Проух овальный с лобной стороны и круглый — с тыльной. Топор сравнительно хорошо сохранился, если не считать свежих повреждений. Длина его — 12 см, ширина обуха — 3,8 см, лезвие — 3,6 см; проух с лобной стороны — 2,6—3,2 см, с тыльной — 2,8—2,9 см (рис. 18—7).

В береговом обнажении у дер. Губцево выходит чистый песок с редкими глинистыми включениями; высота берега здесь — 5—6 м, к западу, она падает. Вдоль деревни по берегу были заложены три пробных шурфа. Под перекопанным слоем с поздней черной лощеной керамикой обнаружены три частично разрушенных, видимо поздних, погребения. Костяки лежали на спине, вытянуто, головой на юго-запад, в узкой могильной яме на древесном тлене. Отсутствие каких-либо вещей не позволяет определить ни возраст, ни культурную принадлежность. Никаких признаков фатьяновского культурного слоя или погребений не найдено. Несомненно, в дер. Губцево был большой грунтовой могильник. Возможно, что среди многочисленных черепов, вымытых из берега, были и фатьяновские. Во всяком случае, значительное количество сверленных каменных топоров не случайно, а отсутствие культурного слоя не позволяет думать, что они происходят из стоянки.

Вислоушный литой топор может быть сопоставлен с небольшими по размерам и сходными по форме топорами из классических фатьяновских могильников. Спектральный анализ, проведенный Е. Н. Черных в лаборатории Института археологии АН СССР в 1961 г., показал, что топор отлит из очень чистой меди, причем инородные естественные примеси не превышают сотых долей процента (Cu — осн., Sn — 0,001%, Ag — 0,04%. Ni — 0,001%). Это тем более интересно, что анализ вислобушного топора из фатьяновского могильника Ярославской области тоже показал чистую медь¹⁶. Таким образом, мы получили дополнительное подтверждение родства между вислобушными проушными топорами фатьяновского типа из разных местонахождений.

¹⁶ Собрание МАЭ, № 1262/2.

И. И. АРТЕМЕНКО

ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК
НА ОЛОЧИНСКОЙ ГОРЕ

С северной стороны дер. Олочино, Кесово-Горского района, Калининской области, на левом берегу р. Малява¹ расположена большая возвышенность, известная среди местных жителей под названием Олочинская гора. Она ледникового происхождения, сложена из гравия, крупных окатанных валунов и песка.

В 1959 г. колхозники колхоза «Дружба» при добыче здесь гравия обнаружили на глубине 0,5—0,6 м несколько погребений, которые были ими разрушены. В двух погребениях были вещи. В одном из них найден сверленный клиновидный каменный топор (рис. 19—5). Длина его — 12,7 см, ширина — 5,5 см; длина сверлины — 4 см, диаметр ее — 2,2 см. При втором погребении обнаружен лепной глиняный сосуд, который был разбит; от него сохранились лишь несколько обломков шейки и стенок. Поверхности — темно-серого цвета, хорошо заглажены; в глиняной массе — небольшая примесь песка и толченых раковин. Шейка украшена зубчатым штампом. Узор состоит из горизонтального ряда оттисков косо поставленного штампа и ромбов, вытянутых пояском вокруг шейки (рис. 19—7).

Весной 1960 г. в карьере на Олочинской горе вновь были обнаружены три погребения² в слое гравия на глубине 0,4—0,5 м. Судя по рассказам нашедших, погребенные были ориентированы головой на восток.

В одном погребении обнаружен сверленный каменный топор из темно-серого диорита; у орудия — хорошо выраженный обушок и короткая лопасть у лезвия (рис. 19—4). Длина топора — 13 см, ширина у сверлины — 6,2 см; длина сверлины — 4 см, диаметр ее — 2,4 см. Этот топор можно отнести к типу коротколопастных, весьма типичных для фатьяновской культуры.

В конце июля — начале августа 1960 г. автор произвел обследование могильника на Олочинской горе. К этому времени карьер по добыче гравия и песка занимал площадь на вершине горы более 200 кв. м. С восточной стороны карьера, рядом с местом последней находки погребений, проведены небольшие раскопки. В слое гравия, на глубине 0,4 м, обнаружены остатки плохо сохранившегося детского скелета, лежавшего головой на восток, на левом боку скорченно. Могильная яма не прослеживалась. Вокруг

¹ Река Малява — правый приток р. Корожечной, а последняя — левый приток Волги.

² О находках на Олочинской горе в Институт археологии АН СССР сообщил редактор районной газеты «Колхозная правда» Н. М. Шеховцев, за что выражаем ему глубокую признательность.

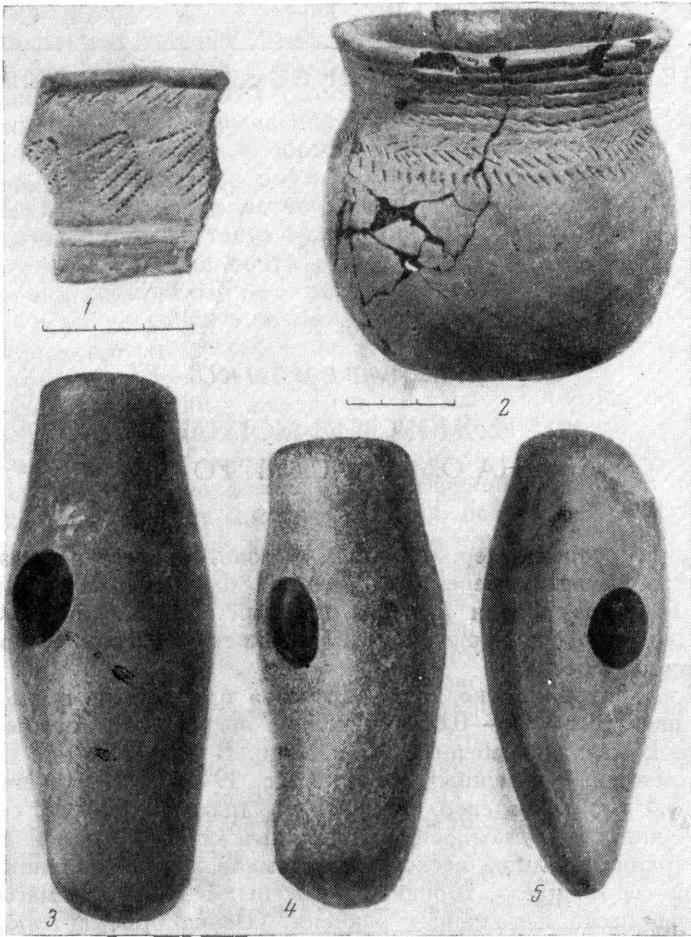

Рис. 19. Находки из Олочинского могильника и погребения у дер. Тоскаиха.

1 — фрагмент сосуда; 2 — глиняный сосуд; 3 — каменный топор из погребения у дер. Тоскаиха; 4, 5 — каменные топоры из Олочинского могильника.

скелета заметно пятно красной охры. У ног стоял небольшой глиняный круглодонный сосуд с ямкой на дне. Поверхности сосуда — желтого цвета, хорошо заглажены; масса в изломе черная, с примесью песка. Орнамент, расположенный только в верхней части, состоит из горизонтальных рядов отпечатков перевитой веревочки и мелких углублений (рис. 19—2). Высота сосуда — 10 см, диаметр шейки — 9,5 см, высота шейки — 2,3 см. Этот сосуд находит аналогии в керамике Икшинского, Протасовского и Кузьминского могильников фатьяновской культуры.

Таким образом, по каменному инвентарю и керамике Олочинский могильник принадлежит к типичным фатьяновским могильникам московской группы, причем в Кесово-Горском районе Калининской области он не единичен. В 1958 г. у дер. Тоскаиха, в песчаном карьере, расположенном на небольшом повышении левого берега р. Кашенки (левый приток Волги) на глубине 0,5—0,6 м найдены остатки человеческого скелета и сверленный каменный топор с хорошо выраженным обушком³. Обух слегка выпуклый,

³ Остатки погребения обнаружил Николай Малышев — ученик семилетней школы дер. Тоскаиха.

со следами употребления (рис. 19—3). Длина топора — 15 см, ширина — 6,2 см; длина отверстия — 4,4 см, диаметр его — 2,4 см. Судя по условиям находки, можно предполагать, что у дер. Тоскаиха также расположен фатьяновский могильник.

Очень интересно сходство по форме и орнаменту сосудов из Олочинского могильника с сосудами среднеднепровской культуры. На Десне близкий по форме и орнаменту сосуд известен из погребения у поселка Белые Берега, Брянской области⁴. Особенно близкие аналогии известны в керамике раннего этапа среднеднепровской культуры по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в Киевской и Черкасской областях Украинской ССР⁵.

По вопросу сходства некоторых форм сосудов фатьяновской культуры с сосудами среднеднепровской культуры в археологической литературе существуют две точки зрения. М. Е. Фосс на основании анализа сходства некоторых форм и мотивов орнамента считает, что общность в орнаментике, свойственная племенам фатьяновской и среднеднепровской культур, служит основанием для установления генетических связей между ними и для вывода о расселении среднеднепровских племен в область, получившую наименование «фатьяновской»⁶.

С мнением М. Е. Фосса мы не можем согласиться, так как на территории фатьяновской культуры известно лишь несколько сосудов, которые по форме и орнаменту можно сравнивать с сосудами среднеднепровской культуры. В целом же фатьяновская керамика своеобразна и отличается от среднеднепровской. Различия между фатьяновской и среднеднепровской культурами особенно отчетливо проявляются в погребальном обряде и погребальных сооружениях. Для среднеднепровской культуры характерны курганные и грунтовые захоронения с труположением и трупосожжением. Для фатьяновской — только грунтовые захоронения с труположением. Кроме того, погребальные камеры фатьяновской культуры отличаются от могил среднеднепровской. Отмеченные выше различия не позволяют говорить о генетической связи этих культур.

Среднеднепровская и фатьяновская культуры представляют собой локальные варианты в одной культурно-исторической области распространения культур шнуровой керамики или культур боевых топоров. Племена среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья и фатьяновской — в междуречье Волги и Оки, несомненно, пришлые, но заселение этих территорий происходило, по-видимому, из разных областей. Поэтому более вероятно, по нашему мнению, точка зрения В. А. Городцова, согласно которой приднепровская (т. е. среднеднепровская. — И. А.) бокаловидная керамика одновременна, но не родственна, а, скорее, «соседственна» фатьяновской; факты сходства некоторых черт фатьяновской культуры со среднеднепровской В. А. Городцов объяснял только добрососедскими отношениями и связями⁷.

⁴ В. А. Падин. Археологические находки. «Брянский рабочий», 26/VIII 1955 г., № 168 (9342); СА, 1957, № 4, стр. 284. Материал хранится в Трубчевском краеведческом музее.

⁵ Материал хранится в Государственном Эрмитаже.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 182—187.

⁷ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 165, 169.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КОБЯКОВОМ ГОРОДИЩЕ

(раскопки 1958—1961 годов)

Поселение эпохи бронзы на Кобяковом городище еще в древности подверглось значительным разрушениям; оно перекрыто поздним сарматским поселением I—III вв. н. э. В настоящее время строительные работы также повредили памятник; тем не менее на городище (восточный холм) удалось впервые обнаружить шесть жилищ эпохи бронзы. Они принадлежат двум типам сооружений — землянки (четыре) и наземные жилища (два).

Жилище 2. Наиболее полное представление об устройстве жилищ первого типа дает землянка 2 (рис. 20), сохранившаяся значительно лучше других. Форма ее подчетырёхугольная, углы закругленные, стены ориентированы по странам света. Северная часть (со стеной) не сохранилась в связи с естественным разрушением вершины холма. Северо-восточная часть нарушена поздней ямой (№ 4) I—III вв. н. э. Длина сохранившейся части землянки — 11 м, ширина — 9,2 м. Котлован жилища был вырыт в погребенной почве и в суглинке. Землянка разделена на две половины

причем северная более узкая и ниже южной на 0,3—0,4 м.

Из уцелевших трех стен две — восточная и часть южной — покрыты каменной облицовкой. От облицовки южной стены сохранился только развал, но между стенами остался закругленный облицованный угол (рис. 21—1). Кладка облицовки однорядная, сухая. Нижний ряд ее образуют плиты, поставленные на ребро, а на них уложены камни плашмя. Максимальная высота облицовки — 1,2 м. Под камнями развала у южной стены дно землянки покрыто напластованиями полов, сохранившимися находки и перекрывавшими две ямки. Следовательно, стена была облицована не сразу при

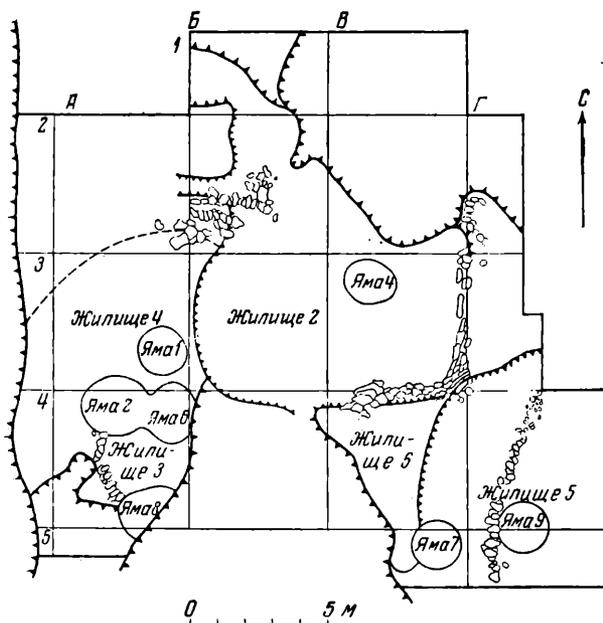

Рис. 20. План расположения жилищ эпохи бронзы на Кобяковом городище

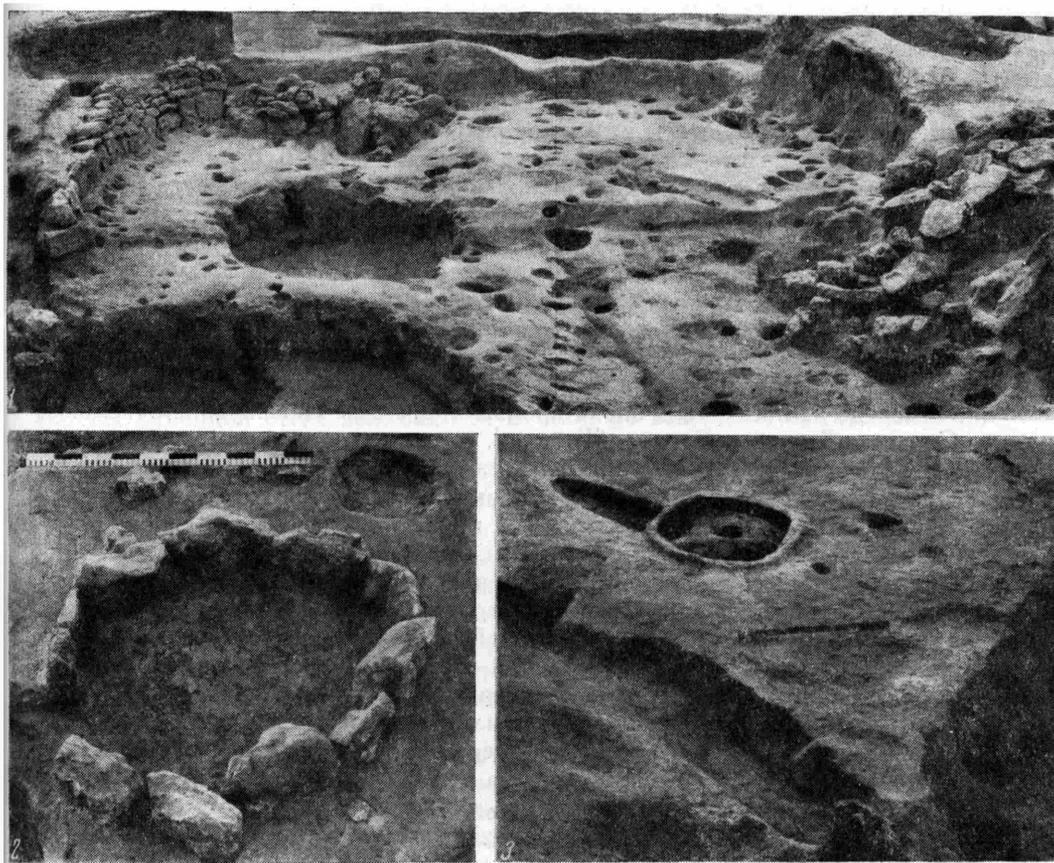

Рис. 21. Вид раскопок жилищ эпохи бронзы на Кобяковом городище.

1 — жилище 2 (вид с севера); 2 — жилище 1, каменный очаг; 3 — жилище 6, очаги 1 и 2 (вид с северо-востока).

сооружении жилища, а по прошествии какого-то времени. Западная стена — без облицовки и сохранилась почти полностью. В землянке обнаружено два входа. В южной стене уцелела лишь нижняя часть входа. Второй вход по-като спускался в северную половину жилья.

Большая часть дна землянки покрыта рухнувшей истлевшей камышовой кровлей с остатками истлевшего дерева, по-видимому, — жердей. Удалось проследить несколько уровней полов. Первоначальным полом служило материковое дно котлована, обмазанное затем слоем зеленой глины. Третий горизонт пола, покрытый слоем желтого суглинка, не везде сохранился; общая толщина обмазок доходит до 10—12 см. В северной половине, где располагались кухонные очаги, прослеживались более мощные напластования полов. Последний горизонт пола был покрыт слоем мусора толщиной до 10 см, а обмазка зеленой глиной здесь не встретилась.

В землянке обнаружено несколько очагов. Это вырытые в материке ямы, овальные, чашевидной формы, с обожженными докрасна стенками, заполненные угольками, золой, обломками костей и керамики. Глубина очажных ям — 0,2—0,3 м, диаметр — 0,5—1 м. Из пяти таких ям три (№ 3, 4 и 5) находились в северной части жилища; здесь же были прослежены остатки двух каменных очагов (№ 6 и 7). Очаги бытовали неодновременно. Очаги № 1, 2 и 5 — самые ранние; материковое дно вокруг них обожжено, они просуществовали до конца жизни в землянке (кроме очага № 5). Очаги № 3, 4 и 6 возникли позднее; они вырыты в материке и в наслоениях последующих полов. Эти очаги тоже просуществовали до конца жизни в

землянке (кроме очага № 3) и стали одновременны первому и второму. Таким образом, к концу существования землянки действовало минимум четыре очага (№ 1, 2, 4 и 6); их могло быть и больше, но часть очагов, вероятно, разрушена обрывом и поздней ямой (№ 4).

Назначение очагов тоже различно. Очаги № 3—6 были кухонными. Об этом свидетельствуют их расположение вблизи друг от друга и напластования мусора вокруг. Около них было сосредоточено более половины всего количества находок. Очаги № 1 и 2 располагались на южной половине. Относительно небольшие размеры этих очагов, правильные очертания и отсутствие около них следов интенсивной хозяйственной деятельности заставляют предполагать, что они служили для каких-то других целей (обогрев, освещение). Различное назначение обеих половин свидетельствует о делении жилища по хозяйственному принципу. Такое деление известно на поселениях эпохи бронзы в Среднем Поволжье и Заволжье, на Среднем Дону и на Верхнем Тоболе¹.

Среди многочисленных ямок, обнаруженных на полу, удалось выделить хозяйственные — различных форм и размеров. В большинстве из них были находки. Расположение остальных ямок не дает, к сожалению, ясного представления об устройстве кровли. При исследовании землянок у хутора Ляпичева в 1951 г. возникло предположение, что с двухчленным строением землянки связан пирамидальный тип кровли, причем одна часть жилища уже другой². Возможно, и у кобяковской землянки кровля была подобного же устройства. Над каждой из половин землянки существовал деревянный сруб, и один из них пристраивался к другому, а кровля составляла единое целое. Вдоль границ обеих половин жилища прослеживался ряд однородных ямок. Судя по их форме и размерам, они, вероятно, принадлежали столбам стены, которая перегораживала землянку на две части. Подобные стены-перегородки известны, например, в землянке 5 на Алексеевском поселении³ и в некоторых землянках Атасуйского поселения⁴.

В землянке найдено 400 обломков сосудов, горшок (раздавленный) с несомкнутым валиком и насечками по нему, миниатюрный сосудик типа кувшинчика по классификации А. А. Миллера⁵; глиняные льячка, пряслице и два колесика от модели повозки; 22 крупных орудия из камня (терки, песты и т. п.); 16 кремневых изделий и отщепов; 8 костяных изделий и 9 бронзовых, плохой сохранности. Незначительное число находок говорит о том, что землянка не была покинута жителями внезапно. Снаружи землянки параллельно западному входу сохранилось (в высоту до 0,5 м) основание кладки какого-то каменного сооружения из лежащих горизонтально камней (рис. 20). Оно разрушено вместе с жилищем, так как верхняя часть кладки лежала на рухнувшей на пол кровле и была засыпана заполнением самого углубления. За восточной стеной землянки, на краю материкового склона, находились остатки другого, одновременного ей, круглого каменного сооружения высотой 0,5 м (рис. 20). Верхние камни этой кладки возвышались над полом землянки, а основание было ниже пола на 0,4 м. Характер кладки такой же, как и первого сооружения.

Ж и л и щ е 6. После того как в этой землянке (рис. 20) перестали жить и ее углубление заполнилось, она была перерезана жилищем 2, дно

¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, 1954; И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы в степных районах Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 212; М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 146; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII, 1948, стр. 93, 94, ее же. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 158.

² М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 140, 144, 145.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 77.

⁴ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 19—24.

⁵ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924—1925 гг. Сообщения ГАИМК, т. I, 1926, стр. 129—132

которого залегало на 0,5 м ниже дна землянки 6. Сохранилась часть северной материковой стенки в высоту на 0,3 м. Большая часть самой землянки разрушена, а с востока она перерезана еще одной землянкой (№ 5). В сохранившейся части (5,9 × 4 м), которая (как и южная в жилище № 2) относится к «чистой половине», вскрыт пока лишь верхний горизонт пола.

Ж и л и щ е 5. Землянка перерезала с востока землянку 6 и вскрыта лишь в верхней части заполнения. Посредине ее вскрыта какая-то каменная стена (см. рис. 20).⁶

Ж и л и щ е 3. Землянка расположена к юго-западу от землянки 2 и разрушена поздними ямами (№ 2, 6 и 8) и траншеей (рис. 20). Дно залегает выше дна землянки 2 на 0,7—0,8 м. На небольшом участке (2 × 3,2 м) уцелела часть основания каменной стены высотой 25—30 см. Эта кладка, возведенная вдоль материковой стенки углубления, по структуре близка каменной стене землянки 5. В жилище вскрыто три горизонта полов; с каждым из них связаны по две-три хозяйственных ямки с находками и по одной кухонной очажной, уже известного нам типа. Характер напластований полов и состав многочисленных находок здесь то же, что и в кухонной половине землянки 2.

Ж и л и щ е 4. Относится к наземному типу построек. Оно подверглось наибольшему разрушению — повреждено траншеей, поздними ямами (№ 1, 2 и 6), обрывом и землянками 2 и 3. Это, следовательно, одно из ранних (помимо землянки 6) жилищ. На двух его непо потревоженных участках сохранились четыре очажных ямы, утоптанность и следы обмазки пола зеленой глиной. На полу и в очагах обнаружена керамика обычного для поселения типа.

Ж и л и щ е 1. Очень интересно второе наземное жилище. Оно наиболее позднее и возведено на заполнении котлованов землянки 2 и частично землянки 5. Остатки этого сооружения сильно повреждены ямой (№ 4); культурный слой над его южной частью снесен траншеей. Жилище погибло при пожаре, в результате которого на глинобитный пол рухнули деревянные жерди кровли. Местами они покрыты горелым камышом, служившим настилом кровли. Среди обугленных жердей (длиной 1—1,2 м, диаметром 10—12 см) обнаружены основания двух столбиков, может быть, это опорные столбы кровли. На глинобитном полу, от которого сохранились незначительные участки, расчищен большой круглый очаг, сооруженный из вертикально поставленных плоских камней (рис. 21—2). Дно обмазано глиной. К западу от очага лежал какой-то истлевший камышовый настил. Общая площадь остатков жилища составляет около 100 кв. м. На этом пространстве, особенно по краям, находились камни неправильной формы и средней величины. Может быть, это остатки основания глинобитных стен.

Внезапность гибели жилища подчеркивается обилием обнаруженных в нем находок. Найдено 2340 обломков сосудов (горшки, кувшины, миски), 26 крупных фрагментов сосудов, 55 крупных каменных орудий, 18 кремневых отщепов, 3 обломка бронзовых изделий, пастовая бусина и 2 костяных изделия. И так на Кобяковом городище в рассматриваемый период одновременно бытовали два типа жилищ. Сосуществование землянок с наземными жилищами отмечено еще на древнейших селищах, на поселениях эпохи бронзы Нижнеподнепровского левобережья, возможно, в Южном Дагестане, а также на Каменском городище скифского времени⁶. При сопоставлении кобяковских землянок с другими обнаруживаются сходство и различия. Сходство заключается в существовании нескольких разновременных очагов, в множестве различных ямок, делении помещения на две

⁶ О. Г. Шапошникова. Поселения древнейшей культуры в Нижнем Поднепровье. Записки Одесского археологического общества, т. I (34), 1960; А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 40—42; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 32 (Джемикентское поселение); Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 60—63.

половины и, возможно, в пирамидальной конструкции кровли. Специфические черты землянки 2 — разный уровень ее двух половин, отсутствие нар в виде выступов, характерных для жилищ срубной культуры, — выделяют ее среди большинства землянок.

Основной особенностью кобяковских жилищ можно считать каменную облицовку стен. Употребление камня в домостроительстве бронзовой эпохи известно в памятниках Надпорожья, на поселении Пересадовка на р. Ингул, на Змеевском поселении у Каховского водохранилища⁷, а также на раннескифском поселении Широкая Балка⁸. Однако жилища на этих поселениях — наземные; лишь две землянки на поселении Широкая Балка, стены которых обложены камнем, в какой-то мере близки кобяковским. Но приемы строительной техники в Широкой Балке другие, что объясняется уже иной культурой, иной эпохой. В Южном Дагестане, на Джемикентском поселении обнаружены остатки двух землянок со стенами, облицованными камнем⁹. Но они сильно разрушены; к тому же и не очень удовлетворительное качество публикации не позволяет получить о них ясного представления. На территории Центрального Казахстана известны землянки андроновской культуры (поселения Бугулинские и Атасу), стены которых облицованы вертикально врытыми в землю большими плитами¹⁰.

Наземные жилища в эпоху бронзы известны на Днепре¹¹ и Южном Буге¹². Но разрушенность кобяковских наземных жилищ не дает возможности для их полного сопоставления с этим типом построек на указанных территориях. Каменное домостроительство в Северном Причерноморье появилось еще в период ранней бронзы. На Нижнем Днепре, на поселении Михайловка сооружали наземные жилища с глинобитными стенами на каменных основаниях высотой до 1 м¹³. Однако стены на Михайловском поселении более мощные и монументальные и система кладки их несколько иная¹⁴. Исследователи справедливо указывают, что эта техника применения камня при строительстве жилищ ляжет в основу домостроительства в эпоху бронзы в Причерноморье¹⁵.

Кобяковское поселение¹⁶ по облику керамики, анализированной в свое время исследователями¹⁷, можно сближать и с позднесрубными памятниками, и с памятниками позднебронзовой поры Северного Кавказа. Время гибели кобяковского наземного жилища 1, определенное радиоуглеродным методом, относится к 890 г. до н. э. (± 110 лет). По-видимому, Кобяковское поселение могло существовать примерно в X—IX вв. до н. э.

⁷ А. В. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП, II, 1949; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, № 4; А. В. Бураков. Раскопки в с. Змеевке Херсонской области. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955.

⁸ Б. М. Рабицкий. Поселение у Широкой Балки. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 114—118, рис. 31, рис. 32—1.

⁹ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане. V АС, протоколы подготовительного комитета. М., 1882, стр. 599—601, табл. XL, VI, 4.

¹⁰ А. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Указ. соч., стр. 19.

¹¹ О. Г. Шапошникова. Указ. соч.; А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III, стр. 40 и сл.

¹² А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, 1952, стр. 84, 85, 87; А. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП, IV, 1952, стр. 171, 173.

¹³ О. Г. Шапошникова. Раскопки второго Михайловского поселения. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 124, 125.

¹⁴ М. А. Макаревич. Раскопки первого Михайловского поселения. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 122, 123.

¹⁵ О. Г. Шапошникова. Раскопки второго Михайловского поселения, стр. 125.

¹⁶ Поселения кобяковского типа в дельте Дона обнаружены на Гниловском, Халповском, Сафьяновском (раскопки С. Н. Братченко) и других городищах.

¹⁷ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 127—142; О. А. Кривонова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 101—109.

В. И. МАРКОВИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ЧЕЧНИ

В 1961 г. Аргунским отрядом Северо-Кавказской экспедиции (руководитель экспедиции — Е. И. Крупнов)¹ были продолжены археологические разведки в восточных районах Чечни, успешно начатые в предыдущие годы Р. М. Мунчаевым². Работами были охвачены Советский, Курчалоевский, Ножай-Юртовский и другие районы ЧИАССР. Основное внимание отряда было сосредоточено на исследовании памятников эпохи бронзы.

К югу от сел. Бачи-Юрт в местности Соси-Дук, по левую сторону р. Гонсол (Гасол) был раскопан небольшой оплывший курган (высота его — 0,6 м, диаметр — не более 8 м). Под рыхлым почвенным слоем обнаружен каменный завал, характерный для курганов эпохи бронзы. Камни лежали без всякого порядка, были перемешаны с глиной и углублялись до 0,6 м. В верхней части кургана встречена керамика; обычная для эпохи бронзы, — черного цвета, комковатой структуры. Близ центра, на глубине 0,4 м, в юго-западном секторе найден обломок горла сосуда с ручкой в виде просверленного выступа-ушка. Обломок по форме и тесту (серая, тонко отмученная глинистая масса) напоминает керамику из дольменов станицы Новосвободной. В том же секторе, в поле кургана, под камнями, на глубине 0,2—0,3 м обнаружено погребение 1. Костяк ребенка сохранился плохо, череп лежал в западной части могилы (рис. 22—1). Судя по расположению костей ног, покойный был посажен, а затем кости переместились. С юга погребение было ограничено крупным камнем. В могиле встречена масса битой посуды, характерной для майкопской культуры. Среди черепков есть и серые, и красные, причем у последних — «пачкающая» поверхность. Глина очень тщательно отмучена, без примесей. Среди находок интересен кусок венчика сосуда характерной для памятников майкопской культуры формы (рис. 23—2).

У центра кургана найдена челюсть собаки (глубина — 0,4 м), а ниже, на глубине 0,8—1 м, камни замыкались в виде овала. Здесь обнаружены зуб человека и плечевая кость. На одном из камней лежала кремневая пластина с ретушью (рис. 23—3). Внутри овала расчищена яма, вытянутая с запада на восток (1 × 0,6 м при глубине 0,8 м). Дно и стенки ее облицованы камнями. Внутри ямы и у ее краев найдены отдельные человеческие кости и красноглиняная керамика майкопского типа. Могила потревожена.

¹ Начальник отряда — В. И. Марковин, состав отряда: Ах. А. Исламов, И. Л. Межеричер, В. Г. Крымасов, Я. С. Вагапов, М. А. Магомадов, Р. Н. Гончарова, А. П. Полторац, Н. С. Максимов.

² Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 60—62.

Несмотря на отсутствие ярких находок, курган у сел. Бачи-Юрт можно считать самым восточным пунктом Северного Кавказа с материалом майкопской культуры. До последнего времени такими памятниками были курганы у с. Бамут на р. Фортанге (ЧИАССР)³. Исследованный нами курган расположен на 80 км восточнее.

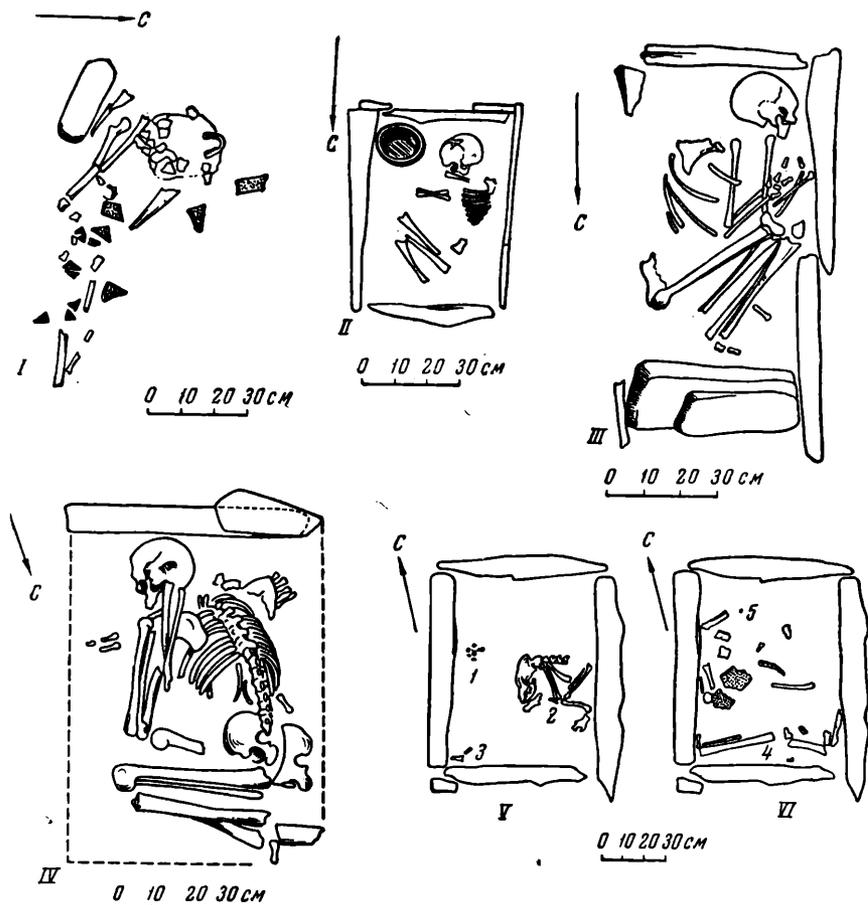

Рис. 22. Памятники восточных районов Чечни.

I — погребение 1 кургана у сел. Бачи-Юрт; II—IV — погребения 1—3 могильника у сел. Ишхой-Юрт; V, VI — погребение 2 могильника на р. Яман-су (план на глубине 25 и 39 см; 1 — зола, угольки; 2 — кости собаки; 3 — обломки костей человека; 4, 5 — зубы животных).

Остановимся на других памятниках, обнаруженных отрядом. На северной окраине сел. Курчалой, по левую сторону р. Хунг, в срезе дороги, ведущей в сел. Майртуп, обнаружен мощный культурный слой (толщина его — до 2,7 м, протяженность с севера на юг — около 23 м). Из нижней части слоя были взяты тигелек (?) грубой работы (высота — 3,2 см, диаметр устья — 3,5 см; рис. 23—б) и грубая керамика с налепными валиками. Из-за близости дороги пришлось ограничиться зачисткой слоя с незначительным углублением в него (рис. 24).

Культурный слой начинался тонкой зольной прослойкой, далее следовали обожженная земля с углем и массой культурных остатков. Отдельные

³ Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушетии? Грозный, 1961, стр. 26; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 58, 59, рис. 17, 2.

находки встречены и в почвенном слое толщиной 0,4—0,5 м. Раскрывается следующая стратиграфическая картина: на глубине от 0,5 до 1,1 м — слой золы, угля, обожженной глины и обмазки; от 1,1 до 2,2 м — зольно-глинистый слой; от 2,2 до 2,6 м — зола, угли, обожженная глина и обмазка;

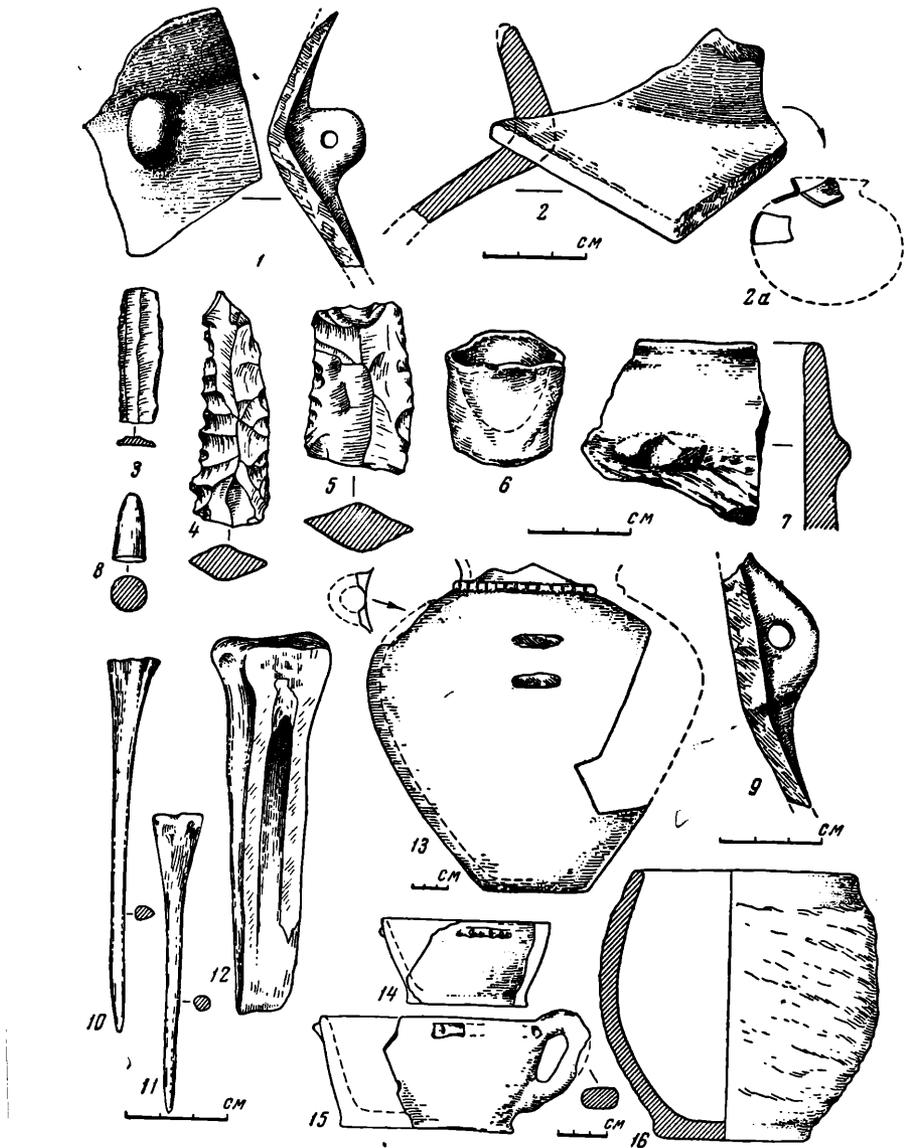

Рис. 23. Археологические находки из восточных районов Чечни.

1, 2 — обломки сосуда (2а — предполагаемый вид сосуда из погребения 1); 3 — кремневая ножевидная пластина из кургана у сел. Бачи-Юрт; 4, 5 — кремневые вкладыши, 6, 7, 9 — керамика, 8, 10—12 — костяные проколки и ложило с поселения у сел. Курчалой; 13 — сосуд из сел. Согуты; 14, 15 — чаши с поселения Гельдиген; 16 — сосуд из погребения 1 (у сел. Ишкой-Юрт).

от 2,6 до 2,8 м — стерильный слой (желтая глина); от 2,8 до 3,4 м — зола, угли, обожженная глина и крупные куски обмазки. Таким образом, можно наметить три строительных горизонта: первый — с глубины 2,8—3,4 м, второй — 2,2—2,6 м, третий — 0,5—1,1 м. Зольно-глинистый слой.

идуший с 1,1 до 2,2 м, возможно, также отложился в итоге хозяйственной деятельности человека (зольник).

Находки (керамика, кости животных и пр.) брались в основном с интервалами в 0,2 м с учетом горизонтов. Однако выделить нечто специфическое для отдельных горизонтов почти не удалось. Для всего культурного слоя характерны гладкостенные, иногда залощенные сосуды и сосуды с туловом, покрытым грубой обмазкой. На некоторых из них видны следы пальцев,

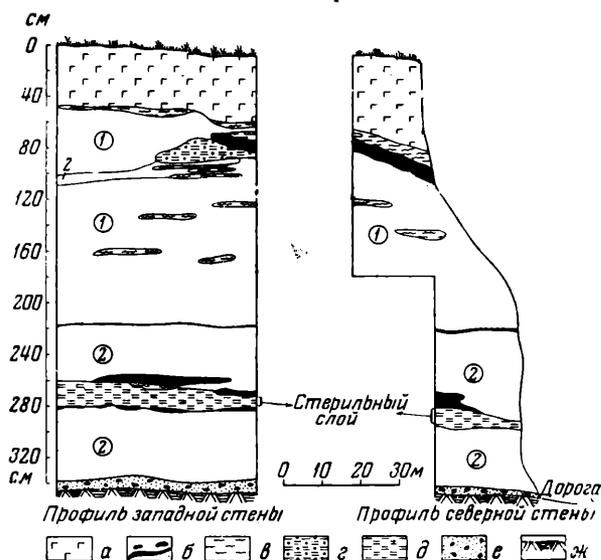

Рис. 24. Стратиграфический разрез поселения у сел. Курчалой

а — дрова; б — угли, углистый слой; в — зола; г — слабо обожженная земля; д — глина; е — песок с углем; ж — материк; 1 — зольный слой с углями; 2 — обожженная земля с золой.

которыми проводили сверху вниз или поперек тулова. Днища небольшие, утолщенные, с закраиной. На границе сглаженной части с грубой помещены налепы — валики с вмятинами (рис. 23—7), иногда — выпуклые конусы. Вероятно, сосуды были баночных и округлых форм с прямым венчиком (типа «воротничка»).

Из находок необходимо отметить костяной, сильно заглаженный конус (рис. 23—8), служивший, вероятно, для нанесения ямок по орнаментальному валику (найден на глубине 1 м); две костяные проколки (рис. 23—10, 11) с глубины 1,8—2 м (удлиненная) и 2,2—2,4 м (короткая); ложило, изготовленное из кости коровы⁴ (приостренный конец сильно заглажен от работы; найдено на глубине 1,8—2 м; рис. 23—12).

Среди керамики интересен обломок красноглиняного гладкого сосуда с ручкой в виде небольшого просверленного выступа (с глубины 2,2—2,4 м; рис. 23—9). Подобные ручки бывают у сосудов из ранних памятников эпохи бронзы и лишь изредка встречаются на более поздней керамике. Отметим также находки кремневых вкладышей. В почвенном, сильно перемешанном слое найден удлиненный вкладыш с зубчатыми краями (рис. 23—4), а на глубине 1 м — вкладыш-пластина без зубцов (рис. 23—5). Первый из них — орудие позднего типа, второй — раннего, архаического облика⁵.

⁴ Кости определялись В. И. Цалкиным. В слоях найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, домашней свиньи, а также рога оленя.

⁵ Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы Баку, 1957, стр. 36—38, табл. 1, 1, 2.

Таким образом, уже эти предметы указывают на большой хронологический диапазон курчалоевских находок.

Культурная принадлежность памятника не совсем еще ясна. Керамика близка посуде каякентско-хорочоевской культуры⁶. Вероятно, Курчалоевское поселение предшествует памятникам этой культуры и генетически связано с ними. Трудность выделения материалов по хронологическим периодам привела к мысли о монолитности и нерасчлененности каякентско-хорочоевской культуры⁷. Такие трудности несомненны. Однако работа эта и необходима, и возможна. Одно ясно уже сейчас — связь этой культуры с предшествующими ей этапами развития эпохи бронзы. Полные раскопки Курчалоевского поселения для этих целей сыграли бы огромную роль.

Для изучения каякентско-хорочоевской культуры интересен также могильник, обнаруженный в бассейне р. Аксай близ юго-восточной окраины сел. Ишхой-Юрт. Могильник разрушен. Расчищены три погребения — каменные ящики.

Каменный ящик № 1 сложен из крупных плит, ориентирован с юга на север (размеры его — $0,7 \times 0,5$ м при глубине $0,32$ м). Перекрытие не сохранилось. В ящике обнаружен костяк ребенка 2—3 лет, лежавший скорченно на правом боку, головой на юг (рис. 22—II). Возле лица стоял сосуд округлой формы. Края устья заглажены, далее сосуд покрыт грубой обмазкой (высота — 16 см; диаметр устья — 14 см, дна — $9,5$ см; рис. 23—16). Каменный ящик № 2 также ориентирован с юга на север. (размеры — $1,1 \times 0,55$ м при глубине $0,3$ м). В нем лежал на левом боку костяк взрослого человека, обращенный головой к югу. Вещей не было (рис. 22—III).

От ящика № 3 сохранилась только южная плита. Однако размеры могилы могут быть восстановлены: $0,9—1 \times 0,75$ м при глубине $0,35$ м. Сильно скорченный мужской костяк был положен почти на живот с наклоном на правый бок (рис. 22—IV). Руки подогнуты под туловище. Покойный, очевидно, был связан при погребении; ориентирован головой на юг, с отклонением к западу. Открытые погребения находят аналогии в ящиках Хорочоевского могильника (погребения 22, 32, 38 и др.)⁸. Сосуд из ящика № 1 близок сосудам из Хорочоя, Тарки и др.

В сел. Согунты (долина р. Аксай) при работах в огороде У. Каташева был разрушен могильник со скорченными костяками. Отряду был передан сосуд округлой формы, с гладкой поверхностью, украшенный наlepным валиком, проходящим по шейке, и с двумя петлевыми ручками (рис. 23—13)⁹. Сосуд близок сосудам из сел. Ведено¹⁰ и могильника Гатын-Кале. Сходство с последним позволяет относить его к поздней поре эпохи бронзы.

На границе с Дагестаном исследовался могильник, уже известный в литературе¹¹, расположенный близ с. Шушия (бывш. Яман-су) в бассейне р. Яман-су. Расчищено несколько разрушающихся ящиков. В ящике № 1 найдены берцовые кости человека (остальные части скелета сползли по откосу), сосуд округлой формы с полулунным наlepом, кости домашней свиньи. Покойный, вероятнее всего, лежал скорченно, на левом боку, головой на юг или юго-восток. Ящик № 2 сохранился лучше (размеры его — $1,1 \times 0,9$ м при глубине $0,38$ м), ориентирован не очень точно с севера на юг. Под перекрытием на глубине $0,25$ м расчищены часть скелета собаки (аккуратно положены череп, сочлененный с шейными позвонками, кости

⁶ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ в II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 51 и сл.

⁷ В. Г. Котович, М. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. VIII, 1960, стр. 344.

⁸ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 118, 128, 132; рис. 41, 2; рис. 52, 2; рис. 57.

⁹ На дне его находчик процарапал дату хиджры 1301 г.

¹⁰ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 145, рис. 70, 5.

¹¹ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 62.

передних ног и лопатка), кучка углей и кость овцы (рис. 22—V, VI). Вероятно, это следы ритуальной церемонии с огнем и жертвенной пищей. На дне прослежены отдельные человеческие трубчатые кости, зубы свиньи и обломки сосуда с гладкой коричневой поверхностью и небольшим налепом, расположенным близ прямо обрезанного устья. Могильник у сел. Шушия может быть отнесен к памятникам, связанным с каякентско-хорочоевской культурой.

Описанные могильники очень интересны — они находятся в широких речных долинах, открывающихся в Прикаспийской равнине. Здесь могут быть обнаружены материалы, отражающие связи со степными племенами поздней поры эпохи бронзы. Важны эти памятники и как пограничные с Дагестаном, известным своеобразными памятниками эпохи бронзы. Раскопки и поиски могильников в долинах рек Аксай и Яман-су необходимо продолжать.

Отрядом обнаружено также поселение предскифского времени у сел. Гельдиген. Керамика, собранная здесь, напоминает сосуды из Нестеровского поселения на р. Ассе в Ингушетии¹² (рис. 23—14, 15). Работы отряда показали важность и перспективность археологических изысканий в восточной части Чечни.

---

¹² В. И. Крупов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 160 табл. XXIX, 9, 10.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ГЕОКСЮРСКОГО ОАЗИСА

В 1960 и 1961 гг. Кара-Кумским отрядом ЛОИА проводились геоморфологические и палеогеографические работы по изучению западной части Теджен-Мургабского междуречья, где в IV—III тысячелетиях до н. э. был расположен древнеземледельческий оазис, насчитывающий девять поселений. Этот оазис включает самую восточную группу памятников раннеанавского времени, разбросанных на площади около 400 кв. км близ станции Геоксюр¹.

Географически территория Теджен-Мургабского междуречья входит в так называемые юго-восточные Кара-Кумы. Это безводная пустыня, где участки ровных такыров перемежаются с площадями аккумулятивного эолового мелкобугристого и грядового рельефа. Поселения сохранились в виде оплывших холмов — тепе с остатками сырцовой архитектуры и археологическим материалом (времени Намазга I—III). В генетическом отношении территория эта принадлежит к особому типу внутриматериковых древнеаллювиальных равнин, впервые выделенному И. П. Герасимовым². Характерные признаки, свойственные этому типу равнин, по мнению И. П. Герасимова, следующие: «...своеобразные сочетания дефляционных и аллювиальных форм рельефа, указывающие на недавние фазы обводнения — вторжения речных вод в области более древней аллювиальной аккумуляции, подвергшейся некоторому развеванию»³.

Формирование древнеаллювиальной равнины началось еще в дохвалынское время, когда р. Аму-Дарья текла в широтном направлении вдоль подножья Копет-Дага и впадала в Каспийское море, а реки Теджен и Мургаб были ее притоками. Начиная с хвалынского времени, Аму-Дарья уже несла свои воды в Аральское море, а реки Теджен и Мургаб, как и в настоящее время, заканчивались в низменных Кара-Кумах слепыми субаэральными дельтами. В результате широкого развития эоловых песчаных форм рельефа древняя аллювиальная равнина совершенно изменила свой облик. Распределение песчаных образований на площади оазиса было теснейшим образом связано с неровностями рельефа. В частности, холмы-тепе в отдельных случаях также способствовали усиленной аккумуляции песков: так, например, под песчаными грядами погребен северо-западный край

¹ См. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961); И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, 1958, № 5; К. Адыков и В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2; В. И. Сариянди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3.

² И. П. Герасимов и К. К. Марков. Ледниковый период на территории СССР. М.—Л., 1939.

³ И. П. Герасимов и К. К. Марков. Указ. соч., стр. 342.

поселения Геоксюр 1, полностью засыпаны участки территории, окружающие памятники Геоксюр 2 (Акча-депе), Геоксюр 3 (Ялангач-депе) и Геоксюр 7. Усиленная аккумуляция песков, связанная с неровностями первичного рельефа, наблюдается близ памятников Геоксюр 4 (Муллали-депе) и Геоксюр 5 (Чонг-депе).

Характер эоловых образований позволяет с полным основанием утверждать, что все песчаные формы западной части Теджен-Мургабского междуречья — позднейшие, сформировавшиеся за период с момента прекращения сброса вод Теджена в эту часть дельты. Их образование продолжается и в настоящее время под непосредственным влиянием господствующих ветров. В период заселения этой территории запесчаненность ее, несомненно, была много меньше современной, и эоловые процессы в дельтовой части реки, насколько можно судить по наблюдениям над современной жизнью Тедженского оазиса и геологическому материалу, не получили широкого развития.

Тщательное знакомство с территорией оазиса не дало почти никакого представления о ее былом обводнении; система древних русел, почти полностью выполненных осадками, затакыренных с поверхности и частично перекрытых эоловыми наносами, оказывается совершенно не выраженной в рельефе. Даже при аэровизуальных наблюдениях остатки старых русел, прослеживаемые на отдельных участках в виде затакыренных лентообразных полос, извивающихся среди мелкобугристых песков, не дают представления о рисунке гидрографической сети. Широкое применение материалов специальной аэрофотосъемки, проведенной в мае 1961 г., позволило на данном этапе работ сделать некоторые предварительные выводы.

Пока еще приближенно можно восстановить рисунок древней гидрографической сети на сравнительно небольшом по площади участке оазиса, составляющем приблизительно одну шестидесятую часть всей площади древней дельты Теджена, равной, по Б. А. Федоровичу⁴, 22 000—26 000 кв. км.

Через весь оазис в направлении с юго-востока на северо-запад (рис. 25) проходил крупный водоток, хорошо прослеживающийся в южной части оазиса, у поселения Геоксюр 2 и от него непосредственно до железной дороги, которая пересекает его в нескольких десятках метров восточнее станции Геоксюр. Он может рассматриваться как крупный боковой дельтовый проток, служивший основной водной артерией восточной части древней дельты Теджена. В южной части оазиса в 4,5 км западнее поселения Геоксюр 5 этот основной поток разбивается на несколько крупных рукавов, один из которых направляется на северо-восток и восток, проходит близ Чонг-депе (Геоксюр 5), затем, делая крутую излучину на север, приближается непосредственно к поселению Геоксюр 4 и уходит далее на северо-запад, теряясь под наносами мелкобугристых песков. Второй крупный рукав направляется почти прямо на север, проходит восточнее поселения Геоксюр 6, огибает с юго-запада и запада самое крупное поселение оазиса — Геоксюр 1 и уходит далее на северо-запад, сближаясь с основным потоком. Этот рукав, хорошо прослеживающийся даже при наземном осмотре, был перерезан траншеей, вскрывшей русловую линзу, достигающую в ширину 20 м (рис. 26).

Помимо основных потоков, вся территория изоборждена следами блуждания более мелких протоков (дельтовых вееров, потоков вторичного обводнения), о чем будет сказано ниже, и, наконец, следами мелких ирригационных сооружений сравнительно недавнего времени.

В приведенном разрезе траншее видно, что непосредственно от русла, заполненного аллювием, в его борта вклиниваются прослойки плотного, пылеватого, сланцеватого суглинка красновато-бурого цвета, очень неоднород-

⁴ Б. А. Федорович. Геоморфологическое и тектоническое районирование Туркменских Кара-Кумов в связи с их гидрогеологическими условиями. Труды Геоморфологического института, вып. 12, 1934.

ного по окраске, с выцветами солей. Один из них, мощностью 10 см, фиксируется на глубине 0,55 м, а второй, менее четко выраженный, мощностью 5 см,— на глубине 0,85—0,9 м. Эти прослои, наблюдаемые не только в этом, но и в других разрезах, полученных на месте более мелких боковых протоков,— очень интересны; по механическому составу они идентичны

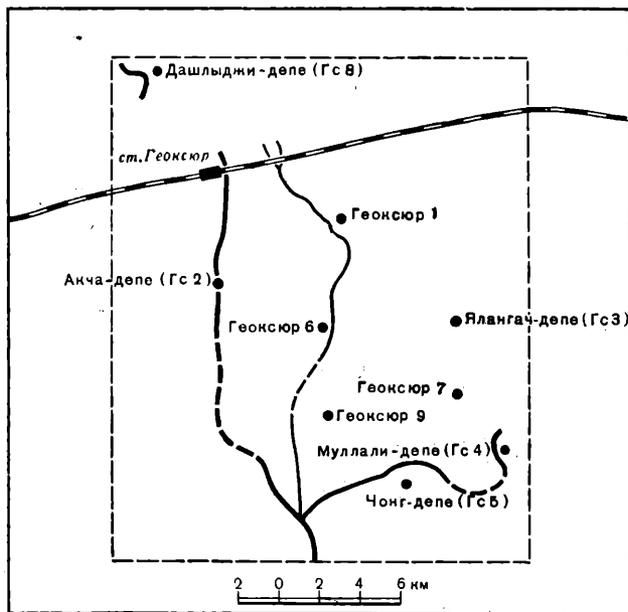

Рис. 25. Схема расположения памятников и основных потоков Геоксюрского оазиса (пунктиром околнурена предполагаемая площадь оазиса).

суглинкам погребенных русел и являются фацией разливов, которые покрывали прилегающую к руслам территорию в период их функционирования, т. е. тем субстратом, на котором базировалось первобытное примитивное земледелие.

О занятии земледелием свидетельствуют многочисленные находки на поселениях Геоксюр 4 и Геоксюр 5 зернотерок, обгоревших зерен пшеницы и ячменя (определение А. В. Кирьянова) и следы нарушения в почвенном профиле, указывающие на существование здесь земель древнего орошения.

Для памятников Геоксюрского оазиса можно предполагать так называемое лиманное орошение. Аналогичные выводы были сделаны Д. Д. Букиничем, изучавшим первобытное земледелие анауских памятников подгорной зоны Копет-Дага⁵.

Чрезвычайно важен факт вторичного промыва, отмеченный в разрезах траншей в среднем до глубины 0,4 м (что хорошо видно на рис. 26). Это вторичное обводнение, использовавшее частично уже заиленные русла и оставившее новые самостоятельные неглубокие водотоки, сильно усложнило рисунок гидрографической сети. Относилось оно,— как можно предполагать, исходя из картографических и археологических материалов,— к последнему, заключительному этапу освоения оазиса.

В самых общих чертах рисунок гидрографической сети в районе расположения древнеземледельческого оазиса дает вполне естественную кар-

⁵ Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3-4.

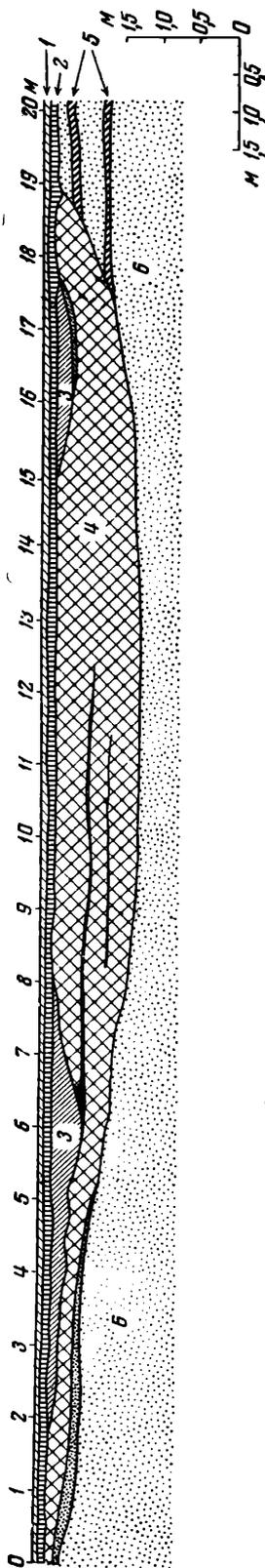

Рис. 26. Разрез через основное русло у поселения Геоксюр 1.

1 — тапчирная корка; 2 — суглинок мелкокомковато-слабцеватый, пористый, палево-серый, затронутый процессами почвообразования с многочисленными выцветами солей; 3 — суглинок очень плотный, комковатой структуры, темно-бурый, образующий две линии мощностью 30—35 см, до контакта с нижележащим слоем почти черной; 4 — суглинок пылеватый, плотный, слабцеватый, красново-коричневой окраски, неоднородный, с выцветами солей (местами суглинок замещается песчано-глинистыми отложениями, представляющими собой чередование прослоев мелкозернистого слоистого песка палево-серого цвета со слабцеватой глинной красново-коричневой, неоднородной, с выцветами солей); 5 — суглинок пылеватый, плотный, слабцеватый, красно-бурого цвета; 6 — песок тонкозернистый, почти пылеватый, с примесью слюды, светло-серый, со слабо заметной слоистостью.

тину миграции дельтовой части реки, сохранившую следы нескольких фаз (двух?) блуждания боковых протоков. Но рассматриваемый участок — лишь краевая часть древней дельты Теджена, замок которой находится, по-видимому, значительно южнее. Однородность фациального состава аллювия, вскрытого разрезами траншей, свидетельствует о регрессивном характере дельтовых процессов. Суглинки отлагались в условиях медленно текущего водотока, не обладавшего достаточной энергией для переноса более грубого материала. Поселения базировались на протоках (ширина их достигала в среднем 18—20 м), обеспечивавших население достаточным для существования количеством воды. Сток Теджена в то время не регулировался (при отсутствии ирригационных сооружений в верхнем течении); в период паводка потоки довольно широко разливались, что и позволяло использовать прилегающие к руслам земельные массивы для земледелия. Такое земледелие вряд ли давало устойчивые урожаи, так как площади разливов, вероятно, испытывали значительные колебания в разные годы.

В период запустения оазиса, которое могло быть связано и с некоторыми изменениями гидрологического режима реки, и с общей миграцией древней дельты на северо-запад, жизнь сохранилась лишь на самом южном поселении — Геоксюр 5; оно базировалось на небольших рукавах, достигавших его с юга и заканчивавшихся близ него небольшими дельтовыми веерами. Поселение Геоксюр 1 также существовало некоторое время на базе протоков вторичного обводнения, возникших на месте ранее существовавшего заиленного рукава.

Миграция дельты на северо-запад, по-видимому, была устойчива, и с III тысячелетия до н. э. эта часть древнеаллювиальной равнины не подвергалась новому обводнению; поэтому и следов более позднего пребывания человека здесь нет. В. А. Обручев видел причину миграции в наступании песков на северо-восточную окраину оазиса⁶, что, однако, вряд ли может быть признано единственной причиной. Существенную

⁶ В. А. Обручев. Закаспийская низменность. Записки, РГО, т. XX, 1890, № 3.

роль в миграции дельты Теджена, несомненно, играли и неотектонические движения предгорных районов Туранской низменности.

Для характеристики палеогеографических условий древнеземледельческого Геоксюрского оазиса интересные данные получены при исследовании остатков углей и дерева с памятников Геоксюр 1, 2, 4 и 5 (см. таблицу).

Результаты определения углей с поселений
Геоксюр 1, 2, 4 и 5¹

Древесная порода	Геоксюр 1	Геоксюр 4			Геоксюр 2	Геоксюр 5	
		помещения				помещения	
		13	14	23		22	44
Тополь (<i>Populus</i> sp.)	6	30	13	1	3(?)	19	11
Клен (<i>Acer</i> sp.)	2	—	—	—	1(?)	—	—
Берест (<i>Ulmus</i> sp.)	—	—	—	—	—	1	—
Тамарикс-юлган (<i>Tamarix</i> sp.)	—	—	—	—	—	14	3

¹ Анализ проводился методом соскоба в лаборатории Института археологии АН СССР.

Как видно из приведенных данных, основной древесной породой, использовавшейся населением в IV—III тысячелетиях до н. э., был тополь (по-видимому, *Populus* подвиды *Turanga* и *Populus Bolleana Lauche*), который составляет основную породу современных среднеазиатских оазисов, а также растет на песках и засоленных почвах равнин и предгорий Средней Азии. Типичны для тугайной флоры также клен (по-видимому, *Acer turkestanikum Pax*), берест и юлган. Таким образом, данные определений не выходят за рамки обычной растительности тугаев, что позволяет считать природные условия энеолитического времени близкими современным условиям оазисов Теджена и Мургаба.

Весьма интересны палеоботанические данные, полученные в результате спорово-пыльцевого анализа образцов аллювиальных отложений, заполняющих систему русел времени энеолита. Пыльца и споры содержатся в них в крайне малых количествах и не дают возможности составить скольконибудь полное представление о растительности. Характерны два совершенно различных комплекса: один, явно приносный (в него включается переносимая на сотни километров пыльца сосны, березы и ели), и второй, отражающий, видимо, специфические условия прилегающих к водотокам территорий; в его состав входит пыльца ив (*Salix*), осок (*Cyperaceae*), злаков (*Gramineae*), полыней (*Artemisia*), не определенных до рода водных растений, лебедовых-солянок (*Chenopodiaceae*) и сложноцветных (*Compositae*), т. е. тоже растений, произрастающих в современных условиях оазисов. В частности, вдоль водотоков, по-видимому, был широко распространен тростник, поскольку во время раскопок неоднократно встречались сырцовые кирпичи и куски глины с его отпечатками. Вполне вероятно, что тростник использовали для покрытия крыш и для других хозяйственных нужд.

И. Н. ХЛОПИН
ЯЛАНГАЧ-ДЕПЕ —
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Холм Ялангач-депе расположен в 15 км на юго-восток от станции Геоксюр. Овальный в плане, он ориентирован длинной осью с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Склоны холма довольно пологи. Размеры его по осям равны 130×95 м. Над уровнем равнины он возвышается на 4,6 м. Мощностъ культурных слоев достигает 5,4 м.

В 1957 и 1959 гг. на поселении Ялангач-депе (Геоксюр 3) был вскрыт полностью его верхний строительный горизонт на площади 750 кв. м (рис. 27); часть нижележащего слоя (примерно его половина) была вскрыта в 1960 г.¹ В предлагаемой статье наше внимание будет остановлено на раскопках только верхнего строительного горизонта.

Все сооружения верхнего горизонта возведены из сырцового кирпича с примесью самана; его размеры: $36-33 \times 27-25 \times 10$ см. В центре поселения расположен отдельно стоящий дом № 1 размером $5,5 \times 6,75$ м, ориентированный углами по странам света. Его стены достигают толщины 0,5 м и изнутри покрыты толстым слоем коричневатой штукатурки. В юго-восточной стене зафиксирован дверной проем с высоким порогом; около входа, слева — прямоугольный выступ. На полу в северной четверти здания вскрыто глинобитное прямоугольное сооружение размером $2,5 \times 1$ м. Оно ограничено валиком высотой 12—15 см и разделено на две неравные части. Поверхность этого сооружения возвышается над уровнем пола на несколько сантиметров и покрыта хорошо заглаженной обмазкой. Кое-где заметны следы обожженности; отсутствие копоти и пята белая зола свидетельствуют о том, что здесь тлели угли. Стены помещения № 2 сложены из одного ряда кирпичей (0,25 м). Несмотря на плохую сохранность сооружения, на уровне пола удалось зафиксировать следы небольшой прямоугольной жаровни.

Рядом находится еще одно здание — круглый дом № 12 диаметром 6,1 м. Стены уцелели на очень небольшую высоту, что не позволило определить место входа. Изнутри здание заполнено кусками кирпичей, которые под действием сильного огня приобрели красный цвет. Из-за плохой сохранности это сооружение осталось непонятным.

Перечисленные выше постройки ограждены с трех сторон. Уцелевшая часть ограды состоит из четырех прямых отрезков стен толщиной 0,5—0,6 м и примерно одинаковой длины (7,4—8,5 м) и образует в плане незамкнутый многоугольник. В местах стыка стен сооружены круглые помещения

¹ О работах 1957 г. см. И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Геджена. ИАН ТССР, 1958, № 5, стр. 104, 105; его же. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), стр. 149, 150. О работах 1960 г. автором сдана в печать специальная статья (см. ДТММ).

диаметром от 3,8 до 4,5 м. Лучшее других сохранилось помещение № 11. В него ведет вход, ограниченный порогом; у двери — прямоугольный выступ, внутри на полу — круглое сооружение, окаймленное глинобитным валиком. Это помещение было заполнено рыхлым надувным грунтом с примесью золы и угля, поверх которого шел завал из кусков сырцового кирпича; по-видимому, это результат обрушения стен после того, как здание простояло некоторое время заброшенным. В рыхлом слое, кроме фрагментов керамики и обломка женской статуэтки, найдено свыше 25 яйцевидных

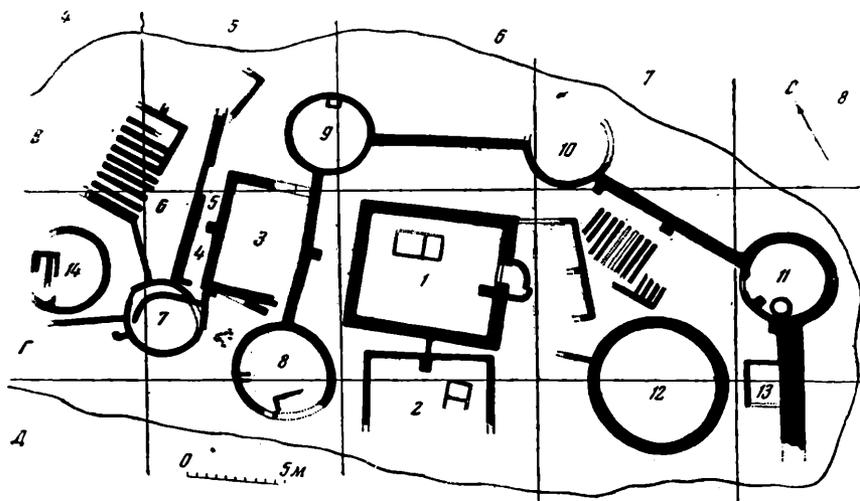

Рис. 27. Ялангач-депе. План верхнего строительного горизонта (1—13 — номера сооружений).

ядер для пращи. Они сделаны из необожженной глины; размер их — не более 5 см в поперечнике. В другом круглом помещении (№ 9) обнаружены небольшой прямоугольный очажок-жаровня и фрагмент женской статуэтки. Характер заполнения круглых помещений и состав находок позволяют полагать, что эти помещения использовались для жилья, но, возможно, лишь периодически.

Отрезок обводной стены между помещениями № 8 и 9 делит раскопанное поселение на две части. В северо-западной части холма сохранились остатки двух круглых построек, длинные отрезки стен и сооружение из десяти параллельных стенок, но уловить какую-либо систему в постройках этой части поселения трудно.

Как и на всех древнеземледельческих поселениях, основную категорию находок на Ялангач-депе составляет керамика — расписная (рис. 28), нерасписная и кухонная. Расписная посуда по стилю ornamentации может быть разделена на несколько разновидностей. Есть фрагменты, украшенные рядами силуэтных треугольников. Однако это уже не тот узор, с которыми мы знакомы по ornamentации посуды типа Намазга I: он носит печать вырождения и деградации. Треугольники более растянуты по горизонтали, а расстояния между рядами сильно сокращены (рис. 28—1, 2).

Подавляющее большинство найденных горшковидных сосудов и чаш изготовлено ручной лепкой и содержит в глине растительную примесь. Они украшены скупым орнаментом из четырех параллельных линий вдоль венчика, местами соединенных попарно треугольниками или отрезками прямой (рис. 28—3, 5). Численное преобладание этого типа росписи и его повсеместное распространение на синхронных памятниках Геоксюрского оазиса и восточных предгорий Копет-Дага позволяют выделить слои поселений,

содержащие посуду с ялангачским типом росписи, в своеобразный ялангачский этап развития культуры древних земледельцев, не представленный на поселениях центрального и западного районов подгорной полосы.

К особой группе относится явно привозная посуда. Это фрагменты чаш разного размера, украшенных полихромной росписью, характерной для слоев времени Намазга II центрального района подгорной полосы. Группа эта служит критерием для установления относительной хронологии.

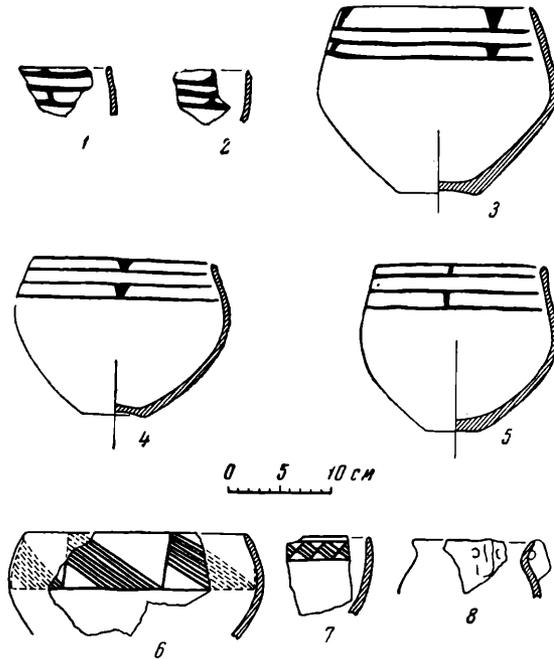

Рис. 28. Ялангач-депе. Расписная керамика (1—8).

Кроме посуды с геометрическим орнаментом, широко представленным на Кара-депе и Намазга-депе, два фрагмента чаш заслуживают особого внимания: на них изображены люди и какие-то человекообразные существа. На первом фрагменте нарисованы пары стоящих людей (рис. 29—1), на втором — человекоподобные существа (рис. 29—4). Их руки и ноги направлены в стороны и покрыты бахромой, которую можно принять либо за ветви, либо за перья. Изображения человекообразных существ были встречены на многих поселениях Геоксюрского оазиса — Муллали-депе (рис. 29—6), Акча-депе (рис. 29—5), Геоксюр 1²; это — лишнее подтверждение относительной одновременности слоев названных поселений. Изображения людей на керамике (кроме указанного) в Геоксюрском оазисе пока не встречены; но похожие известны на Кара-депе у Артыка. Там найдены два изображения: одно совершенно идентичное публикуемому нами (рис. 29—2; из раскопа 5, ярус XI), другое — сидящее (рис. 29—3; из раскопа 1, 4-й горизонт). Манера и стиль настолько похожи, что невольно возникает предположение о происхождении ялангачского сосуда с Кара-депе.

Несколько фрагментов чаш выделяются по орнаменту. По верхнему краю их проходит фриз из заштрихованных геометрических фигур — треугольников, ромбов и др. (рис. 28—6, 7). Подобная орнаментация встречена в керамике 5-го строительного горизонта поселения Геоксюр 1³,

² В. И. Сарияниди. К стратиграфии памятников восточной группы культуры Анау. СА, 1960, № 3, рис. 2, 1.

³ В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 144, 145.

в IX ярусе шурфа на поселении Чонг-депе⁴ и в синхронных слоях Илгылы-депе у Чаача⁵. В более западных поселениях подгорной полосы Копет-Дага этот мотив орнамента пока не обнаружен.

Весьма своеобразна нерасписная и кухонная посуда. Первая изготовлена из того же теста, что и расписная, и представлена крупными корчагами, небольшими чашами и мисками. Сюда же относятся несколько фрагментов небольших сосудов со слабо отогнутыми венчиками и наклепными ручками (в них горизонтально проткнуты отверстия; рис. 28—8), фрагменты архаических прямоугольных в плане сосудов со сглаженными углами и придонная часть круглого сосуда с тремя рядами сквозных отверстий. Кухонные котлы со сферическим туловом и слегка отогнутым венчиком формовались из серого теста с примесью песка.

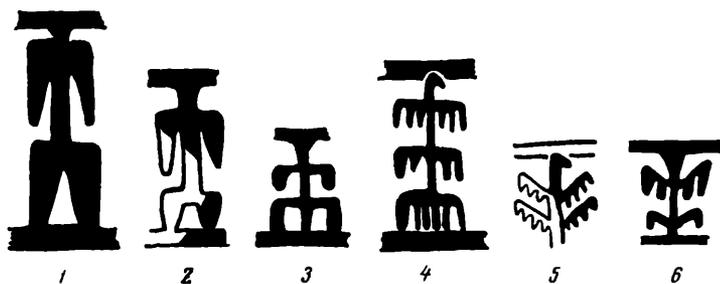

Рис. 29. Изображения людей и человекообразных существ на керамике типа Намазга II.

1, 4 — Ялангач-депе (Геоксюр 3); 2, 3 — Кара-депе; 5 — Акча-депе (Геоксюр 2); 6 — Муллаали-депе (Геоксюр 4).

Орудия изготовлены из камня, кости и металла и разнообразны по своему назначению. Каменные изделия принадлежат в большинстве к типично земледельческому инвентарю. Это песчаниковые песты, известняковый сферический утяжелитель для палки-копалки и кремневые лезвия от жатвенных ножей. Последние особенно интересны, так как по форме они могут быть отнесены к миндалевидным наконечникам стрел; однако этому противоречат характерные для серпов следы сработанности⁶. Кроме этого, следует отметить сверло (также в виде миндалевидной стрелки), плоский сланцевый шпатель для выглаживания керамики и плоские веретенные напрясла с отверстием в центре.

Костяные изделия включают большой ассортимент орудий для обработки кожи — проколки, развертки, иглы, скобели и ложила. Из кости же изготовлен плоский шпатель подтреугольной формы, употреблявшийся при формовке керамики. Набор металлических предметов (топор, наконечник копья, наконечник дротика и шилья) свидетельствует о широком использовании орудий из меди уже в IV тысячелетии до н. э. По данным анализа все предметы изготовлены почти из чистой меди (97%) с небольшим (по-видимому, природным) содержанием свинца и никеля, со следами серебра, висмута и мышьяка.

Среди остеологических материалов, согласно определению А. И. Шевченко (Киев), в подавляющем большинстве — кости мелкого рогатого скота (50 особей), затем крупного рогатого скота (8 особей) и свиньи (2 особи).

⁴ К. А. Адыков и В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, серия обществ. наук, 1960, № 2, стр. 59, 60.

⁵ Раскопки сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, 1959 г.

⁶ Г. Ф. Коробкова. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита. ДТММ, Ашхабад, 1963.

В числе диких животных — джейран, сайга, безоаровый козел, лошадь (кулан?) и заяц.

Кроме керамики и различных орудий труда, отражающих уровень производительных сил, обнаружено немало предметов, характеризующих идеологические представления древних земледельцев эпохи энеолита. Это статуэтки, изготовленные из обожженной и необожженной глины. Почти все они (более 20 экземпляров) изображают сидящую обнаженную женщину и отличаются друг от друга размерами и степенью украшенности. Крупные экземпляры достигают 27 см в высоту и покрыты росписью, нанесенной бурой краской. Узоры эти бывают трех категорий. Часть их — как бы прямое дополнение к пластике; они выделяют те части тела, которые древние мастера не могли показать скульптурными приемами: заполнение глазных впадин, брови, соски, лобок. Другая часть узоров показывает украшения — нитки бус или ленты на шее, браслеты на лодыжках. Третья категория росписи особая; она носит явно магический характер. Это солярные круги, которые начинаются от поясицы и покрывают наружные стороны обоих бедер. На целой статуэтке их насчитывается 15⁷.

Фигурки животных, как правило, не обожжены и настолько реалистичны, что можно без особых колебаний отличить бычков и баранов.

Один из существенных вопросов, который возникает при рассмотрении раскопанного памятника, — это его датировка. Как уже указывалось выше, основным датирующим материалом служит привозная керамика, украшенная полихромной росписью. Она позволяет отнести верхний слой Ялангач-депе ко времени Намазга II, ибо находит полные соответствия в слоях этого времени на Намазга-депе⁸ и в четвертом слое Кара-депе у Артыка⁹.

Однако общий облик материальной культуры Ялангач-депе резко отличается от культуры этого времени в подгорной полосе. Привозные экземпляры не характерны для поселений Геоксюрского оазиса и не могут поэтому определять культуру населявших их людей. Безоговорочно местного изделия — сосуды с узором в виде параллельных линий вдоль венчика, местами соединенных попарно. Если рассмотреть типичные мотивы керамики Намазга I (ряды силуэтных треугольников) в их эволюции, то станет ясно, что параллельные линии являются не чем иным, как предельным вырождением рядов силуэтных треугольников. Исходя из этого, можно считать, что было бы неверно переносить наименование условного этапа культуры древних земледельцев подгорной полосы (Намазга II) на синхронные этапы развития поселений Геоксюрского оазиса. В то время, когда на поселениях подгорной полосы мы уже фиксируем этап Намазга II по характерной полихромной росписи на посуде, — в Геоксюрском оазисе еще налицо последние этапы культуры Намазга I. Это значит, что по отношению к поселениям оазиса мы можем только употреблять термин «время Намазга II», но это ни в коем случае не означает культурного единства.

Большой стратиграфический шурф, заложенный на поселении Геоксюр 1, вскрыл 10 строительных периодов, причем присутствие керамики с ялангачской росписью отмечено с 7-го (8-го?) по 4-й период (счет сверху вниз)¹⁰. Естественно, что верхний слой Ялангач-депе не мог существовать в течение всех четырех строительных периодов Геоксюра, и другая группа привозной керамики, найденная на Ялангач-депе, позволяет синхронизировать его с определенным строительным горизонтом Геоксюра.

Как уже отмечалось, несколько фрагментов чаш выделяется по орнаменту среди находок. Он состоит из заштрихованных геометрических фигур;

⁷ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе..., табл. XV и XVI.

⁸ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. X, 7—9.

⁹ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), табл. II и IV.

¹⁰ В. И. Сарнианиди. Указ. соч., стр. 143—145.

его генетические корни следует искать на более удаленных территориях на западе, вплоть до Северной Месопотамии¹¹. Черепки с подобными узорами встречены почти на всех поселениях Геоксюрского оазиса, в том числе и в пятом строительном горизонте Геоксюра 1. Сочетание этой керамики с посудой, украшенной типично ялангачской росписью, показывает, что верхний слой Ялангач-депе одновременно началу пятого строительного горизонта Геоксюра 1.

Таким образом, синхронизация верхнего слоя Ялангач-депе с четвертым слоем Кара-депе и с пятым слоем Геоксюра 1 позволяет полагать названные слои указанных памятников одновременными. Кроме того, поскольку верхний строительный горизонт Кара-депе датирован 2750 г. до н. э. (± 220 лет)¹², его четвертый слой может быть отнесен к концу IV тысячелетия до н. э.; считать это датой и верхнего слоя Ялангач-депе не будет, надо полагать, большой ошибкой.

Обводные стены на Ялангач-депе относятся к концу IV тысячелетия до н. э.; это очень ранняя дата для сооружений подобного рода. Время существования обводных стен на поселениях Средней Азии определялось не ранее, чем конец II тысячелетия до н. э., считалось, что даже такие поселения, как Намазга-депе и Алтын-депе, не были укреплены¹³.

Естественно, сразу возник вопрос, типичны ли подобного рода сооружения для ялангачского времени, или это случайное явление. На первых порах, в рабочем порядке была выдвинута гипотеза об исключительном характере обводных стен Ялангач-депе, на этом основании поселение можно было бы считать культовым центром всего Геоксюрского оазиса энеолитического времени. Однако раскопки 1960 г. на Муллади-депе (Геоксюр 4) обнаружили аналогичную картину: группа отдельно стоящих построек оказалась окруженной такими же стенами с включенными в их периметр круглыми «башнями». И не исключена возможность существования их на других поселениях оазиса. Таким образом, появление в конце IV тысячелетия до н. э. укрепленных поселений может считаться бесспорным.

Как и обводные стены, довольно неожиданным, но закономерным явлением выглядит центральное здание № 1. В настоящее время мы уже знаем три аналогичных постройки; кроме Ялангач-депе, они были обнаружены на Муллади-депе и Акча-депе¹⁴. Не имея возможности остановиться на них подробно, укажем их некоторые общие черты. Во-первых, они одинаково ориентированы углами по странам света; во-вторых, в них на одном и том же месте размещено глинобитное сооружение, которое можно рассматривать как своеобразный подиум; в-третьих, они существовали на одном и том же месте в течение 4—5 строительных периодов (черта, характерная для ранних шумерских храмов). Все это позволяет выдвинуть предположение, что на Ялангач-депе мы столкнулись с одним из наиболее ранних в Южной Туркмении культовых сооружений, родовым святилищем, которое, по всей вероятности, сочетало в себе также функции «общественного дома». Такие же святилища были и на других поселениях.

Таким образом, раскопки Ялангач-депе позволили выделить своеобразный этап в развитии восточного района древних земледельцев, определить принцип планировки энеолитических поселений и раннее зарождение общественных зданий, которые впоследствии могли превратиться в храмы.

¹¹ В. М. Массон. Восточные параллели убейдокой культуры. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 4.

¹² Х. В. Протопопов и С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}), СА, 1959, № 2, стр. 32.

¹³ В 1959 г. раскопками выявлены обводные стены на поселениях Намазга-депе и Алтын-депе в слоях периодов Намазга IV—V.

¹⁴ В. И. Сарфианди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 24, рис. 5.

В. И. С А Р И А Н И Д И

КЕРАМИЧЕСКИЕ ГОРНЫ
ВОСТОЧНОАНАУСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В результате археологических работ за последние годы на древнеземледельческих поселениях подгорной равнины Копет-Дага выявлено уже немало керамических горнов; основная масса их найдена при раскопках огромного поселения Намазга-депе в слоях, относящихся к поре развитой и поздней бронзы¹. Они дают представление о типах обжигательных печей, возможно, характерных для большей части центральноанауских поселений. Однако пока еще не известны горны более раннего времени на этих поселениях, что затрудняет определение эволюции форм древних гончарных печей.

До сих пор почти не были известны керамические печи поселений анауской культуры в юго-восточной части Туркмении, если не считать остатки плохо сохранившегося горна на поселении Геоксюр 1 и следы гончарного производства, отмеченные на поверхности Алтын-тепе. При раскопках, проведенных нами в 1960 г.² в геоксюрской группе энеолитических поселений, обнаружены две разновременные керамические печи. Одна из них расчищена на небольшом холме Геоксюр 2 (Акча-депе) в помещении № 17 верхнего строительного комплекса, время существования которого предварительно можно отнести к последней четверти IV тысячелетия до н. э. Здесь в северном углу, между стеной и специальным прямоугольным выступом, прямо на полу сложена из сырцового кирпича своеобразная «платформа», служившая основанием для печи (рис. 30—2). Сама печь сохранилась на высоту всего одного ряда кладки; наряду с кирпичами стандартных размеров (43 × 23 × 12 см), для кладки корпуса печи, видимо, употреблялись и специальные, разномерные — от квадратных до прямоугольно-вытянутых. Внутри горна сохранились следы глиняной обмазки, нанесенной в несколько слоев; в глине — большая примесь самана. Печь прямоугольная, с двумя углублениями-камерами, образованными поперечной глиняной перегородкой. Камеры неодинаковы: меньшая (33 × 65 см) — прямоугольная, большая (65 × 67 см) — почти квадратная. Уровень пода в обеих камерах тоже различен: от сохранившегося верха перегородки малая камера имеет глубину 0,3 м, большая — 0,15 м.

Трудно судить с уверенностью об общем виде печи, однако есть некоторые основания для примерной ее реконструкции. Обе камеры по верху были меньших размеров, чем по уровню пола (особенно большая), что вряд ли случайно. Можно предполагать, что вышележащие кирпичи корпуса

¹ В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. Труды ЮТАКЭ, т. VIII, 1958.

² Археологическая экспедиция на Кара-Кумском канале.

были выложены «напуском внутрь», чем достигалось глухое перекрытие верха печи в целом. Это вполне вероятно ещё и потому, что у поперечной перегородки к моменту расчистки верх сохранился совершенно целым,

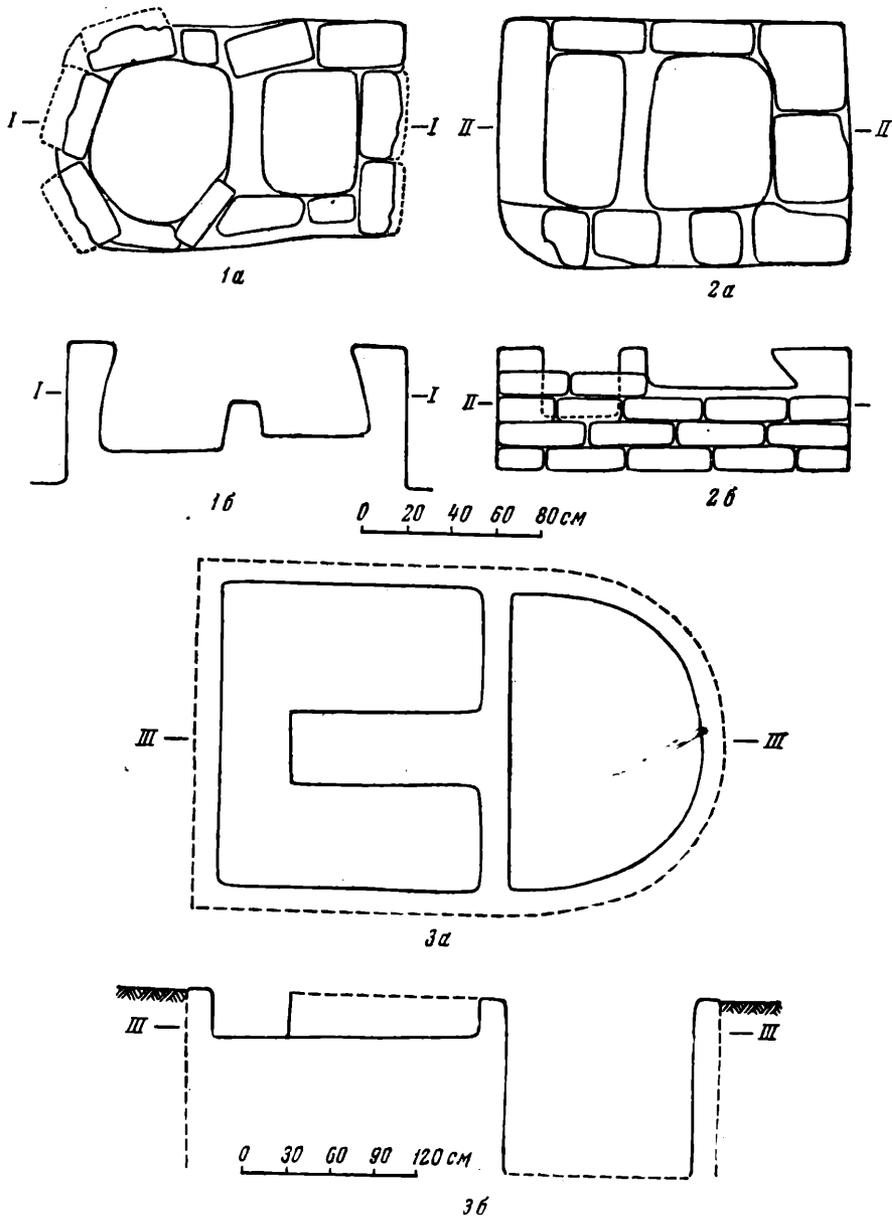

Рис. 30. Планы и разрезы керамических печей на поселениях Геоксюр и Алтын-депе.

1а, 1б — Геоксюр 1; 2а, 2б — Геоксюр 2 (Акча-депе); 3а, 3б — Алтын-депе.

а при небольшой высоте она не могла выполнять роль опорной стенки. По аналогии с керамическим горном на холме Геоксюр 1 можно полагать, что большая камера служила топкой, а вторая была обжигательной.

Раскопанная гончарная печь относится к типу одноярусных двухчастных, с уже отдельной топкой и обжигательной камерой и, возможно, сводчатым перекрытием. К моменту расчистки обе камеры были заполнены

Рис. 31. Керамические печи на поселении Геоксюр 1 (1) и Мунджуклы (2).

золой и большим количеством костей животных. В помещении № 17 каких-либо следов гончарного производства не найдено, однако в близко расположенной комнате, на краю поселения, оказалось довольно большое количество бракованной посуды. Но горна здесь не было, и надо полагать, что сюда выбрасывались отходы обжига в гончарной печи помещения № 17.

Керамический горн обнаружен на большом поселении Геоксюр 1, где прямо на поверхности прослеживались остатки обожженных кирпичей, зольные отвалы и т. д. Заложенный здесь небольшой раскоп выявил часть древнего жилого комплекса, примыкающего с юга к прямой «улице». Внутри помещений найдено большое количество керамики с полихромной росписью геоксюрского стиля, которая может быть приблизительно датирована рубежом IV и III тысячелетий до н. э.

В одном из помещений расширена печь. Корпус ее начинался от самого пола (рис. 31—1). Стенки сложены из формованного сырцового кирпича (размером $43 \times 26 \times 13$ см; $40 \times 24 \times 12$ см) и обмазаны с обеих сторон глиняной промазкой в несколько слоев (вследствие высокой температуры отдельные части сырцовой конструкции трескаются, отваливаются и требуют ремонтной подмазки смесью глины с саманом). Печь подпрямоугольная с двумя камерами, образованными поперечной глиняной перегородкой (рис. 30—1). Камеры неравны по величине; большая сильно ошлакована внутри и, вероятно, служила топкой, а меньшая — для обжига. Корпус камер суживается кверху. Уровни полов в обеих камерах различны — под топки глубже на 9—10 см. В камере обжига сохранилось отверстие (видимо, — загрузочный лаз) высотой 0,3 м и шириной до 0,43 м; пол за-

метно наклонен в сторону загрузочного лаза, вся внутренняя часть камеры прокалена.

Устье топки сделано в виде арочного проема высотой 0,3 м и шириной 0,2—0,22 м; под ровный, в одном из углов невысоким глинобитным валиком образован маленький отсек. Кирпичи сохранившегося верхнего ряда топки положены под углом друг к другу, образуя основание для ложноводчатого купола. Сам по себе этот технический прием был известен древним обитателям Геоксюра³, и можно допустить купольное перекрытие горна. Следует добавить, что как и у первой печи, поперечная перегородка, верх которой сохранился целым, была невысока и не могла служить опорной стенкой для свода.

Таким образом, и эта керамическая печь относится к типу одноярусных горнов с отдельными топкой и камерой обжига. Обжигательный процесс можно представить в следующем виде: топочная камера загружалась топливом, пламя попадало в обжигательную камеру, где стояли сосуды. Роль поперечной перегородки, видимо, состояла в предохранении еще сырых изделий от непосредственного влияния огня (резкое повышение температуры обычно приводит к большому браку).

В самом помещении выброс бракованной продукции не найден. Лишь у наружной боковой стенки топки от самого пола шел мощный зольный отвал, среди которого найдено довольно большое количество фрагментов сильно закопченной расписной посуды. Можно допустить, что, как и на поселении Геоксюр 2, бракованная посуда выбрасывалась в специально предназначенные для этого места. Керамика — того же типа, что и в соседних помещениях (рубеж IV и III тысячелетий до н. э.).

Мы пока не знаем более ранних печей для восточноанауской группы памятников. Однако раскопки поселений этой части Туркменистана дают некоторые косвенные сведения для решения вопроса об эволюции гончарных печей.

При раскопках на раннеанауском тепе Мунджуклы, близ сел. Меана⁴ выявлен архаичный жилой комплекс, возможно, относящийся к культурно-историческому периоду Анау Ia. В одном из помещений этого небольшого поселения к стене была пристроена печь, которая сравнительно хорошо сохранилась (рис. 31—2). В плане она прямоугольная и разделена продольной перегородкой на два неравных по величине углубления — камеры. Уровень полов внутри камер различен: в большей по размерам камере пол несколько выше, чем в соседней. У печи сохранились лишь три стенки; четвертой, обращенной внутрь помещения, — нет. Здесь обе боковые стенки корпуса вместе с продольной перегородкой заканчиваются на одной линии, но под меньшей камерой, огражденный с этой стороны невысоким полуовальным глинобитным валиком, соединяющим концы боковой стенки корпуса и перегородки, несколько выступает вперед. Таким образом, меньшая камера как бы ограничена этим валиком от остальной части помещения. Корпус печи выложен из сырца и обмазан в несколько слоев глиняной промазкой; внутренняя часть несет следы воздействия сильного огня.

Если сравнить устройство печи в Мунджуклы с несомненно гончарными горнами поселений Геоксюр 1 и 2, то нетрудно заметить общий для них всех принцип конструкции. Их роднят двухчастное деление (на две неравных по размерам камеры), разграничительная перегородка внутри, разные уровни полов. Отличие лишь в деталях: стенки керамических горнов поселений Геоксюр 1 и 2 выложены с наклоном внутрь (для более удобного сооружения перекрытия сводом?), в то время как у печи в Мунджуклы —

³ В. И. Сариянди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2.

⁴ Работы сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР в 1960 г. под руководством А. А. Марущенко.

прямые, вертикально поставленные стенки и, возможно, было примитивное плоское перекрытие. В целом же все они могут быть отнесены к одному типу одноярусных печей с отдельными камерами.

Хотя для категорического определения печи в Мунджуклы как специального гончарного горна у нас нет достаточно веских оснований, однако приведенные выше данные делают это предположение возможным. Вполне допустимо, что на ранних этапах становления земледельческих поселений юго-восточной части Туркмении небольшие родо-племенные коллективы (подобные населению Мунджуклы) могли обжигать посуду вот в таких печах. Керамика, найденная при раскопках, отличается высоким качеством обжига и, несомненно, изготовлялась только в обжигательных горнах. Независимо от окончательного решения вопроса о подлинном назначении печи в Мунджуклы можно говорить о генетической связи ее конструктивного устройства с геоксюрскими горнами. Если холм Мунджуклы, действительно, как предполагают, относится к поре Анау Ia, то между этими печами лежит отрезок времени в 500—700 лет. Для промежуточных периодов Намазга I и раннего Намазга II печи пока неизвестны, однако можно думать, что и они окажутся по планировке весьма близкими описанным выше, заполнив недостающие звенья в предполагаемой схеме эволюции древних гончарных горнов от Анау Ia до раннего Намазга III.

Для печи в Мунджуклы, как кажется, можно найти более ранние прототипы на неолитическом поселении Джейтун, где в каждом отдельном доме есть очаг для варки пищи⁵. Все эти очаги прямоугольные, иногда сильно вытянутые, с прямо поставленными стенками и по общей конфигурации напоминают мунджуклинскую печь. Почти все они однокамерные, но один очаг (помещение № 1) — с поперечной перемышкой, делящей его на две части. Возможно, джейтунские очаги могли служить и для обжига посуды. Но все это еще не подтверждено пока фактическими данными и высказывается в порядке рабочей гипотезы.

Гончарные печи более позднего времени в восточной группе памятников культуры Анау неизвестны, если не считать керамический горн, раскопанный на поселении Алтын-депе⁶. Эта печь, относящаяся к культурно-историческому этапу Намазга V (первая половина II тысячелетия до н. э.), может быть привлечена как пример технического устройства более поздних горнов. Сохранился ее земляной котлован, стены которого облицованы кирпичами, поставленными на ребро. В плане печь подпрямоугольная, размером 2,1 × 3,3 м; одна из торцовых стен — полукруглой конфигурации. Внутри корпуса — поперечная перегородка, делящая пространство печи на две неравные по величине камеры, из которых меньшая, более глубокая, сильно ошлакована и, вероятно, служила топкой (рис. 30—3). От середины поперечной перегородки отходит вторая продольная стенка, уцелевшая лишь в нижней части.

Плохая сохранность печи затрудняет реконструкцию ее планировки, хотя многие конструктивные элементы роднят ее с керамическими печами геоксюрских тепе (наличие поперечной стенки, двухчастное деление, большая по сравнению с камерой обжига глубина топки). Все это позволяет допустить генетическую связь между описанными горнами. Однако печь на Алтын-депе — более сложного устройства. Можно предполагать, что она была уже двухъярусной, со специальными жаропроводными продухами в подду, а добавочная продольная перегородка служила опорой пода камеры обжига, хотя судить обо всем этом определено пока еще трудно.

Таким образом, на основании известных нам материалов можно наметить местную линию развития гончарного дела для юго-восточной части

⁵ В. М. Массон. Неолитическое поселение Джейтун. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961).

⁶ Работы сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР в 1960 г.

памятников культуры Анау. Можно допустить сходный путь эволюции гончарной техники и для синхронных центральноанауских холмов (Намазга — Кара-депе). Действительно, планировка печи Алтын-депе не единственная; такой конструкции горны, также относящиеся к периоду Намазга V, известны на поселении Намазга-депе, где они выделены нами во второй тип⁷, резко отличаясь от более поздних печей времени Намазга VI. При анализе этих горнов было высказано предположение о местном происхождении их и развитии вплоть до появления печей совершенно иной конструкции (периода Намазга VI)⁸. Приведенное выше описание новых — и более ранних, и одновременных горнов, как кажется, служит еще одним аргументом в пользу такого предположения. С другой стороны, не исключено, что на холмах восточной группы памятников в пору Намазга V существовали печи и иного устройства (круглые, двухъярусные с опорным столбом), как это отмечено для печей синхронных слоев Намазга-депе⁹. Неизвестные пока еще горны периодов Намазга III и IV, вероятно, дополняют предлагаемую нами предварительную схему развития древнего гончарства юга Средней Азии.

---

⁷ В. И. Сараниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений, стр. 337, 338.

⁸ Там же, стр. 345.

⁹ Там же, стр. 335—340.

А. АСКАРОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЗАМАН-БАБА

В открытом Я. Г. Гулямовым 12 лет тому назад могильнике Заман-Баба обнаружен весьма интересный материал для характеристики скотоводческо-земледельческих племен эпохи бронзы в низовьях Зеравшана. Этот могильник вошел в науку как характерный, но пока единственный памятник новой археологической культуры, известной под названием заман-бабинской¹.

Однако полного представления об образе жизни и быте носителей этой культуры нельзя было составить без знания их поселений. Благодаря разведочным работам осенью 1961 г. недалеко от могильника было открыто первое поселение этой культуры. Исследование его даже на начальном этапе раскопок, когда вскрыто только одно жилище, позволило получить новые интересные данные.

Поселение находится в 700 м к востоку от оз. Заман-Баба (в 15 км к северо-западу от районного центра Каракуль), в долине высохшего русла Гуджейли, древнего протока р. Зеравшан, на том месте, где оно делает крутой поворот к юго-западу (рис. 32). Местоположение поселения весьма удобно. С северной стороны высокие бугры защищают его от сильных пустынных ветров, а с юго-восточной оно огибается руслом. Между буграми и руслом, на западе, в сторону озера проходит как бы широкий «коридор». Площадь, занимаемая поселением, видимо, довольно обширна, вытянута по «коридору» на запад, но большая часть ее засыпана дюнными песками, местами толщиной до 4 м. Площадь, где производились раскопки, невелика (1300 кв. м), и слой надувного песка здесь незначителен (0,3—0,4 м).

Разбив прибережную часть поселения на квадраты (2×2 м), мы заложили здесь траншею, ориентированную с востока на запад, размерами 12×2 м (рис. 33 — А — А₁). В западной ее части обнаружилось пятно, как потом оказалось, заполнения большой землянки. Вся намеченная для раскопок площадь была освобождена от песка; обнажился такыровидный суглинок и на его поверхности прослеживались остатки еще двух древних жилищ (рис. 32).

Нами исследовано только одно жилище — обширное (площадью около 170 кв. м) помещение овальной формы, вырытое в такыровидном суглинке. Жилище ориентировано в направлении с северо-востока на юго-запад; длина его — 23,5 м, ширина — 9,5 м, глубина — 0,8—0,9 м, а местами — более 1 м. Стенки с северной и южной сторон кое-где были повреждены, — вероятно, размыты весенними водами. Опльвы заполнили участки

¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН Узб.ССР, вып. VIII, 1956, стр. 150—156.

котлована около стен. При расчистке они легко отслаивались от нижней части стенки, что дало возможность выявить более четкий контур землянки.

По краям котлована на участках, не пострадавших от разрушения, с наружной стороны обнаружены два неправильных ряда наклонно вырытых ямок, вероятно от столбов, служивших каркасом перекрытия. Эти ямки почти все одного размера — глубиной 5—8 см, диаметром 6—7 см.

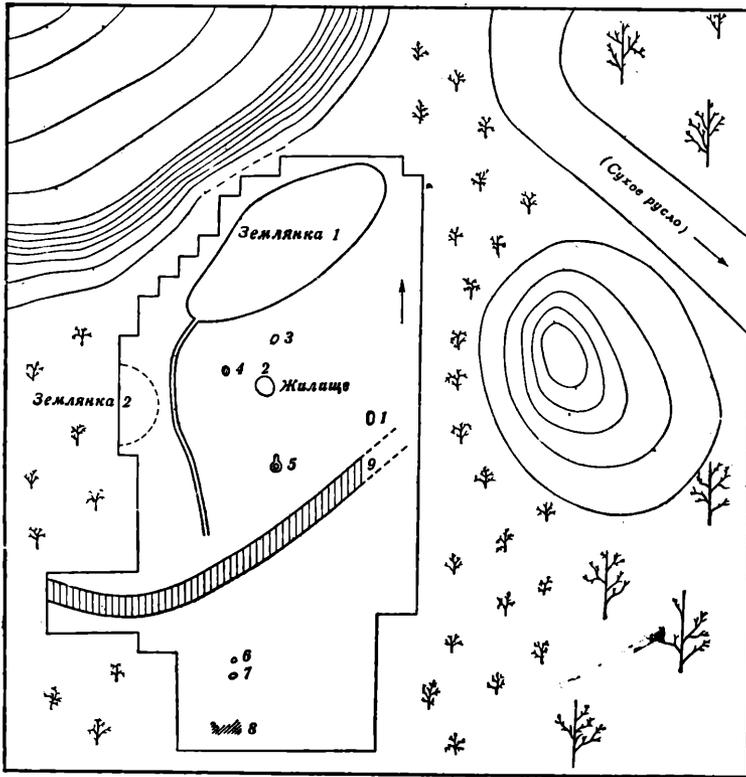

Рис. 32. Схематический план поселения Заман-Баба.

1—3, 6—8 — ямки; 4 — очаг; 5 — керамическая печь; 9 — остатки земляной стены.

Внутри землянки было поставлено не менее четырех рядов вертикальных столбов, видимо, служивших для поддержки крыши, о чем свидетельствуют обнаруженные при расчистке ямки в полу. Они также одного размера — круглые, диаметром 14—16 см, глубиной 5—12 см. Все ямки от столбов — и наружные, и внутренние — заполнены песком. В некоторых из них попадались отдельные черепки. Остатки истлевшего дерева не сохранились. Судя по расположению наружного ряда столбов, можно предполагать, что деревянный остов кровли поднимался наклонно вверх и был переплетен тростником. Возможно, что часть наземного перекрытия промазывали глиной, смешанной с соломой. Несколько кусков такой промазки с отпечатками тростника найдено в разных местах землянки.

Кроме необожженных кусков обмазки с отпечатками тростника попадались куски со следами слабого обжига. Они встречены, главным образом, недалеко от очагов и на самих очагах, которые были расположены недалеко от стен. Очевидно, поэтому стены здесь особенно тщательно обмазывались глиной, чтобы защитить деревянный каркас от жара. В этих местах глина могла оказаться слабо обожженной.

Вдоль юго-западного борта землянки вскрыты четыре круглых ямки

(диаметром 13—15 см, глубиной 20 см). За ними следовали по два наклонно вырытых углубления небольшого размера (диаметром 5—6 см). Видимо, эти двойные столбики служили для поддержки больших столбов. На других сторонах землянки это не наблюдалось.

В жилище с юго-западной стороны ведет узкий углубленный ход длиной 20 м, шириной 0,5 м (см. рис. 32). По этой «тропинке» можно свободно

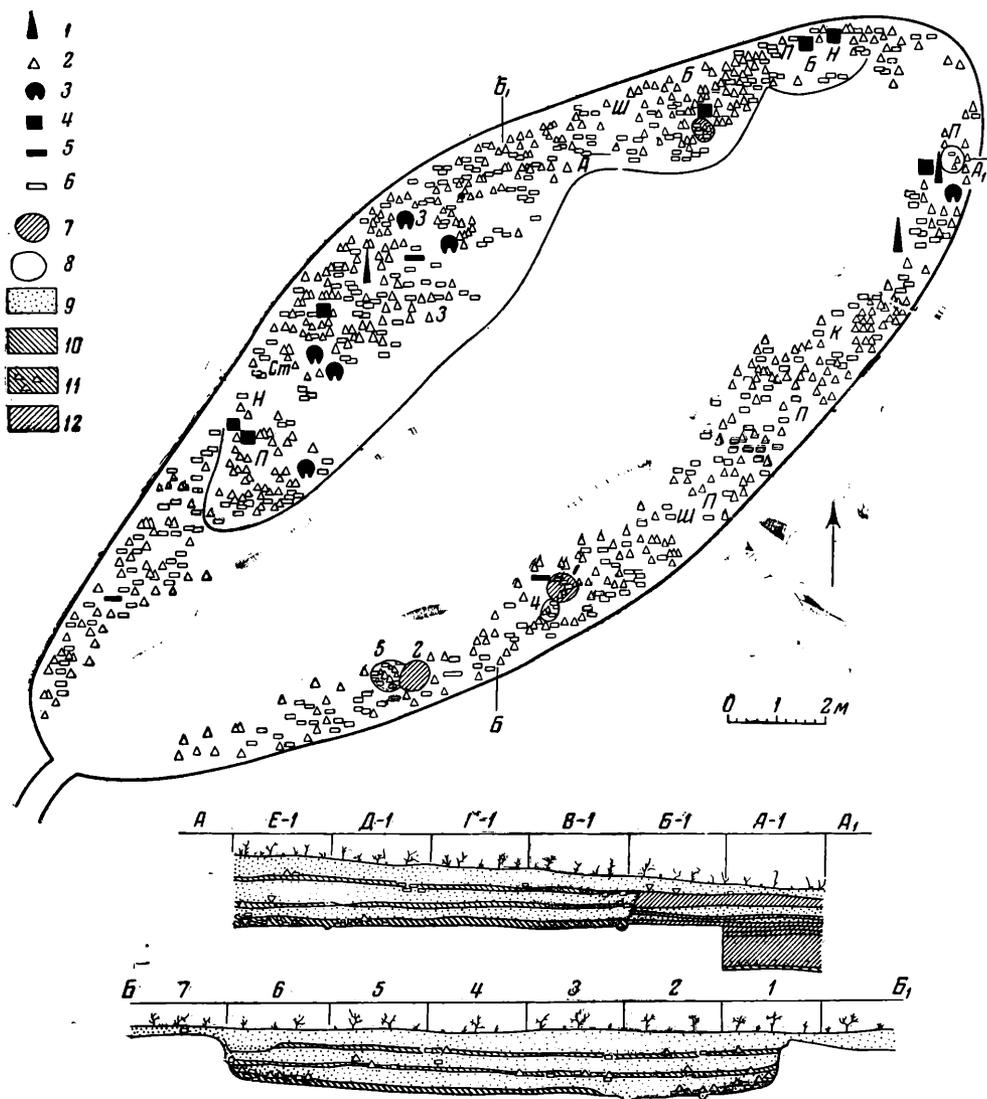

Рис. 33. План землянки на уровне третьего горизонта и ее разрезы.

1 — накопеченная стрел; 2 — фрагменты керамики; 3 — напершия; 4 — отщепы; 5 — кремневые пластинки; 6 — кости; 7 — очаги; 8 — ямы; Ст — обломок статуэтки; Б — бусы; Ш — шило; К — куранты; П — пестики; 9 — фрагменты зерноторок; Н — нуклеусы; на разрезе: 9 — песок; 10 — черно-серый песок с культурными остатками; 11 — темный суглинок с культурными остатками; 12 — такыровидный суглинок.

идти одному человеку. Дно жилища постепенно повышается на юго-запад и выравнивается со дном хода. Быть может, предполагаемая «тропинка» служила для проветривания помещения или лазом для детей; когда старшие входили сверху землянки через свето-дымовое отверстие. Это углубление, бесспорно, было вырыто в то время, когда на поселении кипела жизнь;

на дне хода попадались черепки, кости и другие вещи, которые относятся ко времени существования землянки. Известны памятники эпохи бронзы, на которых обнаружены жилища с такими же выходами, вырытыми в земле², но они были более широкие. В разрезе заполнения котлована жилища наблюдались три жилых горизонта с культурными остатками (см. разрез на рис. 33). Первый и второй верхние горизонты состоят из песчаного черновато-серого культурного слоя, достаточно плотного.

На первом жилом горизонте обнаружены остатки трех овальных кострищ (размером 0,5—0,3 м), расположенных близко друг к другу, недалеко от входа. В одном из них найдены три обломка обожженных костей животных. Под кострищами лежал прокаленный докрасна песок на глубину 7—8 см. На этом же горизонте расчищены три хозяйственные ямы, в плане овальные, глубиной 10, 11 и 30 см, размером от 0,7—0,85 м до 0,9×1,25 м. Одна оказалась пустой, в двух других обнаружены кости животных, черепки, куски песчаника, зола и обломки зернотерки.

На втором горизонте зафиксировано только одно кострище, в плане круглое, диаметром 0,5 м. Глубина прокаленного докрасна песка — 8 см.

На обоих верхних горизонтах ямки от столбов, поддерживавших кровлю, обнаружить не удалось, несмотря на особое внимание при раскопках.

Культурные напластования третьего жилого горизонта землянки во многом отличались от двух верхних. Во-первых, нижний слой состоял из темно-черного суглинка, а не был песчанистым. Во вторых, на двух верхних горизонтах находки встречались равномерно по всей площади, а на третьем — только вдоль стен жилища.

Пол землянки от центра постепенно плавно повышался на юго-запад. Середина его была совершенно чиста. Очаги, хозяйственные ямы и кухонные отбросы располагались по краям жилища, вдоль его стен. У северной стены вскрыта неглубокая ямка (10—12 см), вытянутая с востока на запад. Больше половины ее заполнено массой мусорных отбросов. На дне, у южной и северной стен землянки, встречены обгоревшие участки. Один из них, бесспорно, — остатки разрушенного очага. В нем и вокруг него лежали куски слабо обожженных сырцовых комбев (гуаля), вероятно от стенки очага, который не был врыт в землю, а сооружен на поверхности глины. Здесь отмечены небольшое количество золы и отдельные угольки. Рядом с очагом — овальная яма (36×20 см), глубиной 14 см, заполненная золой, черепками, мелкими обломками костей животных. Недалеко от первого находился второй очаг, — вернее, кострище — в яме глубиной 17 см; на дне ее — слой золы толщиной 1,5 см. Рядом расчищена яма глубиной 12 см, видимо, вырытая раньше, потому что кострище срезает ее восточную часть. Яма заполнена культурными остатками с небольшим количеством золы. Еще одно кострище (?) обнаружено у северной стены землянки. Размеры его — 0,5×0,3 м, глубина — 7 см. У восточной стены вскрыта круглая (диаметром 0,4 м), суживающаяся ко дну, неглубокая (8 см) яма, края которой промазаны глиной. В ней оказалась донная часть круглодонного сосуда. Учитывая все данные, можно предполагать, что нижний горизонт землянки, резко отличающийся от двух верхних, несомненно, служил основным полом жилища.

Землянки подобной формы в памятниках эпохи бронзы в других районах нашей страны неизвестны. В. И. Спришевский долго упоминает об овальных, круглых, четырёхугольных жилищах чустской культуры³. На Днестре у с. Лука-Врублевская раскопано восемь жилищ, как указывает

² М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабагьябской культуры в 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, рис. 1, 3; А. М. Коногорова. Жилища 3—8 поселения Камский Бор II. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, 1961, рис. 3, 5, 8; В. П. Денисов. Кама-Жулановское III поселение. Там же, рис. 4, 6, 8.

³ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 4, стр. 44.

С. Н. Бибиков, состоящих из ряда округлых и овальных ям. Одно из них довольно большое, трёхкамерное⁴, длиной 43 м при ширине 2,5—3,5 м. Но в обоих случаях нет близкого сходства с формой заман-бабинского жилища. Близкое по форме жилище раскопано только на более позднем памятнике — в Кзыл-Кыре (Бухара)⁵.

На южной стороне вскрытой части поселения обнаружено основание утрамбованной земляной ограды (шириной более 2 м), которая местами сохранилась до высоты 25 см. Видимо, ограда, начиная с берега русла, отгораживала поселение с юго-западной стороны.

На площади поселения при снятии надувного песка обнаружено и раскопано шесть разных ям и один очаг.

Яма 1. Овальная, размерами 1,2×0,8 м, глубиной 0,25 м. В ней находились обломки костей животных, черепки, два астрагала барана, три кремневых ножевидных пластинки и кусок меди.

Яма 2. Близкой к овалу формы, размерами 2×1,7 м, глубиной 15 см. В яме оказались обломки костей животных, челюсть верблюда, черепки, донная часть глиняной четырёхугольной площадки, мелкие обломки песчаника, древесные угольки и зола.

Яма 3. Прямоугольная, с закругленными углами, размерами 0,7×0,45 м, глубиной 0,2 м. В ней лежали четыре ошлакованных камня.

За оградой обнаружены еще три ямы неизвестного назначения. В них найдено 249 обломков различных глиняных сосудов. Среди них — три черепка с орнаментом андроновского типа. Здесь же находились обломок наконечника стрелы (рис. 34—4), кости животных (ребра крупного рогатого скота), кремневые пластинки, отщепы, часть пестика, обломки бус, камни и другие предметы. Интересно, что в этих ямах черепки и кости были аккуратно сложены вместе с прочими предметами в кучу. Контуры ям ясно не прослеживались. Глубина ям — не более 13—15 см от поверхности.

Недалеко от входа в землянку вскрыт очаг, круглый (диаметром 0,52 м), обмазанный глиной; углубление его заполнено золой на глубину 0,22 м. Вокруг очага встречены сгоревшие мелкие куски костей животных.

На площади поселения обнаружены также остатки разрушенной керамической печи, грушевидной в плане, диаметром 0,9 м; в центре ее был опорный глиняный столбик диаметром 0,3 м. Печь обмазана саманной глиной, сильно ошлакованной. В глине много растительной примеси, по определению М. М. Якубцинера, — стеблей культурных злаков. Под южной частью стенки топки оказались два отверстия (диаметром 4 см, длиной 25 и 10 см). Вероятно, они служили дымоходами при обжиге сосудов. На дне топки лежал слой золы толщиной 1,5 см. В топке найден плоский кусок ошлакованной глины, со сквозным отверстием. Это, видимо, упавшая сверху часть пода камеры обжига. При расчистке найдено еще пять таких же обломков с отверстиями жаропроводных каналов, выходявших из топки в обжигательную камеру. Центральный столбик и остатки пода позволяют восстановить печь как двухъярусную с купольным перекрытием. Вокруг печи лежало много керамического брака.

Для выяснения стратиграфии и для определения восточной границы памятника была заложена траншея № 2 (26×2 м) с юга на север. Под слоем надувного песка грунт оказался весьма твердым. Поэтому только на площади четырех квадратов мы углубились до 1,7 м от поверхности. Примерно на уровне нижнего горизонта землянки едва прослеживался темно-серый культурный (?) слой. В нем попадались мелкие древесные угольки. На глубине 1,6 м под такыровидным суглинком залегал песок, в верхней

⁴ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, стр. 30, рис. 14.

⁵ Здесь я имею в виду овальную в плане землянку из Кзыл-Кыр II, раскопанную Я. Г. Гулямовым в 1958—1960 гг.; но памятник еще не опубликован.

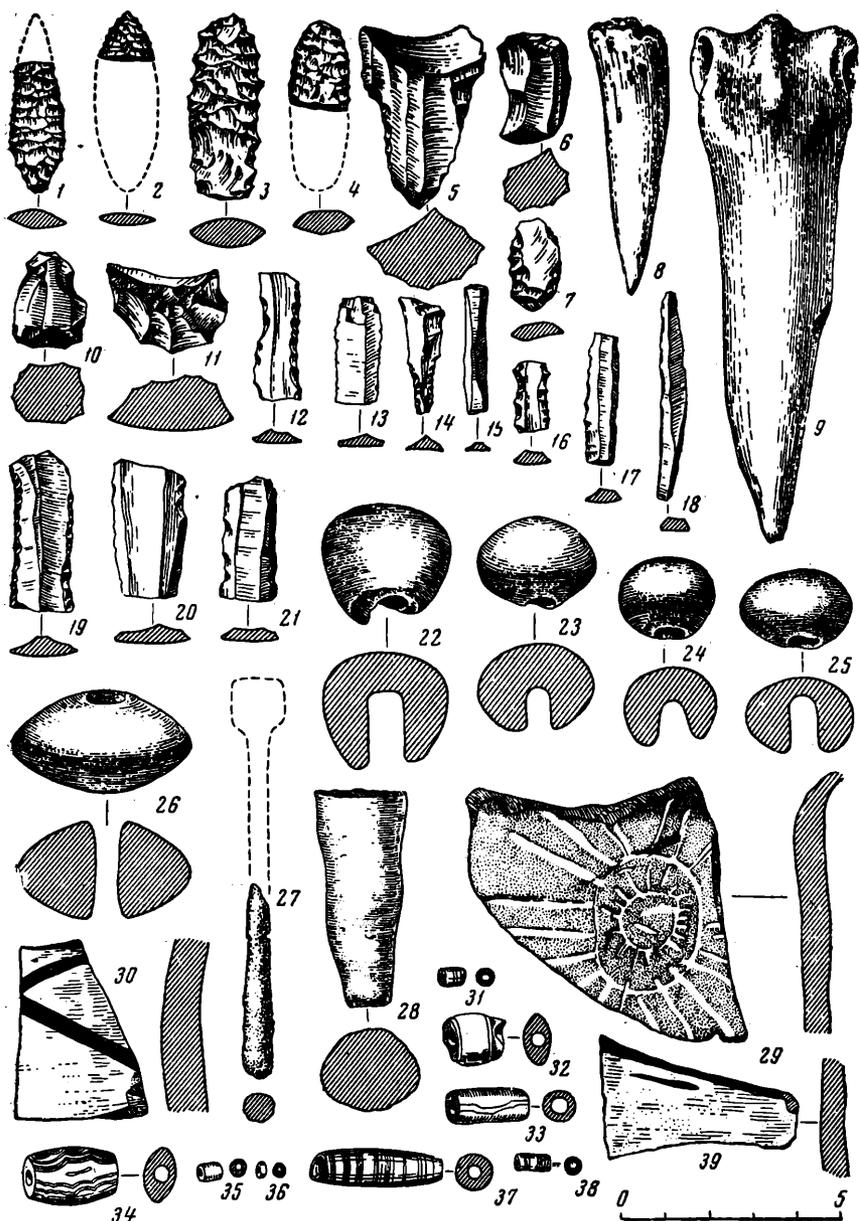

Рис. 34. Находки на поселении Заман-Баба.

1—7, 10—21 — изделия из кремня; 8, 9 — костяные орудия; 22—26, 28—30, 39 — керамика; 27 — медная лопаточка; 31—38 — каменные бусы

части которого четко прослеживался культурной слой с находками. В нем найдены три черепка двух сосудов; один из них украшен ногтевым орнаментом. Черепки сильно пористые. Комплекс находок в землянке и на площади поселения (исключая три черепка из слоя на глубине 1,6 м) относится к одному и тому же времени; но подъемный материал, собранный до раскопок на поверхности песков, принадлежит другому периоду — андроновской культуре. Видимо, это место в более позднее время служило местом обитания и для андроновцев.

При раскопках собрано 2037 черепков, 100 разных сосудов (из них

73 парадных сосуда, 21 кухонный и шесть четырёхугольных плошек). Встречены фрагменты посуды, изготовленной на ручном круге (50 черепков от 12 сосудов). Сосуды в основной массе — лепные, из глины с примесью мелкого песка или без примесей. Обжиг парадных сосудов хороший и равномерный, а кухонных — слабый. Форма разнообразна. Есть плоскодонные и круглодонные; кухонные — только с круглым дном. Среди парадных сосудов встречаются обе формы. Есть чаши и тарелки. Большая часть посуды находит аналогию в инвентаре могильника Заман-Баба⁶. Формы тех и других сосудов полностью совпадают, но на поселении встречено и несколько новых форм. Все сосуды не орнаментированы.

На нижнем горизонте жилища, в завалах обнаружены два фрагмента расписной посуды (рис. 34—30, 39). Красноовато-черная роспись нанесена по желтовато-белому фону. Оба черепка — лепные. По облику и составу теста они не отличаются от остальной посуды поселения и могильника.

На дне землянки обнаружен обломок стенки парадного сосуда, на котором изображено солнце (рис. 34—29). Оно прочерчено дважды, одно в другом, в обоих случаях — с лучами вокруг. Аналогичные изображения известны в керамике древнеземледельческих поселений прикопетдагской равнины в пору Намазга III⁷.

Среди завалов на полу землянки найдено семь глиняных наверший (рис. 34—22—25). Такие навершия, но из песчаника, встречались в некоторых могилах Заман-Бабы и известны в земледельческих памятниках Южной Туркмении⁸.

Аналогичны найденным в могильнике четыре наконечника стрел листовидной формы (рис. 34—2, 3), двусторонней тщательной обработки техникой отжимной ретуши⁹; один из них черешковый (рис. 34—1). Пятнадцать ножевидных пластинок (рис. 34—12, 13, 15, 19—21) также тождественны пластинкам, встреченным в могилах Заман-Баба.

В жилище и на площади поселения собрано более 30 отщепов, прокола (рис. 34—14), четыре нуклеуса (рис. 34—5, 6, 10, 11), два обломка медных лопаточек (рис. 34—27), обломки шести зернотерок и пяти пестиков, глиняное пряслице (рис. 34—26), фрагмент глиняной фигурки (рис. 34—28) и восемь бусин из полудрагоценных и простых камней (рис. 34—31—38). Изделия из кости представлены двумя хорошо обработанными шильями (рис. 34—8, 9).

На полу землянки встречено несколько кусков глиняной обмазки от перекрытия и от разрушенного очага. При исследовании этих кусков обнаружены обуглившиеся зерна злаков и их следы. Находки зернотерок, пестиков, кремневых вкладышей от серпов (рис. 34—7, 16, 17) указывают на то, что в хозяйстве оседлых племен — жителей поселения Заман-Баба, видимо, большую роль играло примитивное земледелие.

В жилище и вокруг него, особенно у северной стенки, найдено много костей домашних животных. Судя по количеству собранных в землянке костей, скотоводство, по-видимому, играло не меньшую роль, чем земледелие.

Подводя итоги, можно коротко сказать, что комплекс находок поселения полностью совпадает по типам с материалами могильника Заман-Баба и дает возможность расширить наши представления об образе жизни и быте носителей этой культуры. По аналогии с могильником Заман-Баба I поселение ориентировочно можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э.

⁶ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, № 2, рис. 1.

⁷ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. XXIII, 3.

⁸ В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Там же, стр. 243; И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1960 (1961), табл. XII, 4—6; табл. XIII, 1, 2, 8.

⁹ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1-я. Ташкент, 1955, стр. 29, рис. 4.

А. АБЕТЕКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА
ТЕГИРМЕН-САЙ

При слабой еще изученности культуры эпохи бронзы в Киргизии обнаруженные в 1961 г. могилы андроновской культуры в Чуйской долине чрезвычайно интересны и важны для воссоздания истории древних племен Киргизстана. Они раскопаны Чуйским археологическим отрядом¹ в могильнике Тегирмен-сай, расположенном у входа в ущелье Джиламыш, в 25 км к юго-западу от г. Фрунзе, в 800—1200 м к северу от колхоза имени Д. Шопокова, на небольшом левом притоке р. Джиламыш. Здесь, недалеко от основного могильника, разместившегося вдоль искусственного канала, предназначенного для орошения полей колхоза, на расстоянии 250—300 м к западу, на невысоком адыре нами обнаружено несколько разновременных курганных групп. Среди них выделялись три каменные оградки, внутреннее пространство которых не возвышалось над окружающей поверхностью.

Раскопки велись с последовательным расширением площади и за оградой, чтобы выявить ее части, быть может, скрытые под землей (рис. 35).

Ограда 12 — полуовальной формы, размером $2,5 \times 1$ м. Выложена из 30 речных валунов средней величины (до 0,35—0,4 м). Внутри ограды — могильная яма нечеткой формы, близкой к овалу, ориентированная с запада на восток (размеры ее — $2 \times 0,7$ м, глубина — 2 м). На глубине 1,4 м разбросаны плохо сохранившиеся кости человека. В юго-западном

Рис. 35. Могильник Тегирмен-сай. Планы оградок 12, 13 и 14.

¹ Работы проводились под руководством автора настоящей статьи.

углу на глубине 2 м — слой пепла и мелкие обломки жженных костей; среди них оказались три бронзовые бусины, изготовленные из слегка сплюснутой проволоки, свернутой в колечко (рис. 36—2—4). У северной стенки находился в наклонном положении неорнаментированный глиняный горшок, лепной, с плоским дном (рис. 36—6).

Ограда 13 внешне ничем не отличалась от предыдущей. Протяжение ее по линии восток — запад составляло 2,5 м, по линии север — юг — 1 м. На глубине 1,5 м на площади 1,9—0,8 м прослеживались слой черной земли и мелкие кусочки пережженных костей, среди которых попадались

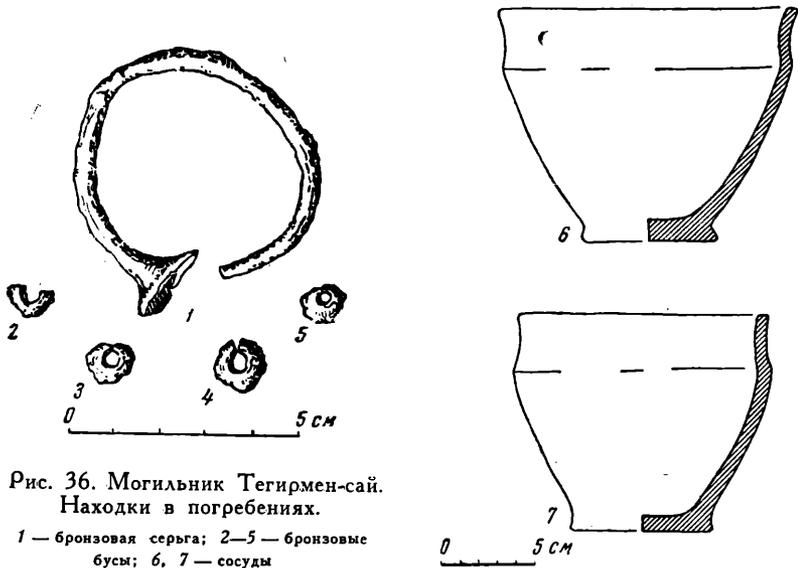

Рис. 36. Могильник Тегирмен-сай.
Находки в погребениях.

1 — бронзовая серьга; 2—5 — бронзовые бусы; 6, 7 — сосуды

отдельные обломки человеческих костей (ребра, берцовой). У северной стенки находился плоскодонный горшок без орнамента (рис. 36—7). В северо-западном углу могильной ямы на глубине 1,6 м обнаружены бусина, подобная бусинам из первой ограды, и бронзовая серьга с раструбом (рис. 36—1, 5).

Ограда 14 — в виде неправильного круга диаметром 3,5 м; глубина — 2,2 м. Андроновское погребение здесь полностью уничтожено поздним средневековым впускным захоронением.

Несмотря на небольшое число находок, погребения настолько выразительны, что вопросы датировки и принадлежности их к определенной культуре не вызывают особых затруднений.

Бронзовые украшения — серьга с раструбом и бусы, согнутые в кольцо, — подобны найденным в могильнике Таш-Тюбе II и Таш-Башат в Таласской долине². Аналогичные несомкнутые бронзовые бусы из согнутого в колечко жгута — наиболее характерное украшение андроновских погребений Южной Сибири³. Такие же бусы, как тегирмен-сайские, мы знаем из многих погребений андроновской культуры эпохи бронзы в Хорезме⁴, Фергане⁵ и в других местах области распространения андроновской культуры.

² П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Известия АН Кирг. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3, 1960.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 78.

⁴ М. А. Итгина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ. вып. 5, 1961, стр. 82 и рис. 28, 2.

⁵ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, рис. 2.

Из известных нам находок как ближайшие аналогии тегирмен-сайским следует отметить серьги из погребения в Мало-Койтасском могильнике на Иртыше⁶ и в Северном Казахстане⁷.

Не менее интересно для датировки тегирмен-сайских погребений сходство глиняных сосудов с керамикой североказахстанских погребений эпохи бронзы. Это плоскодонные горшки баночной формы, без орнамента, выделанные из темно-серой глины хорошего замеса. Оба они — с небольшими уступами на плечиках и резко суживаются к тулову. В этом один из основных признаков керамики алакульской стадии андроновской культуры⁸.

Параллели сосудам из Тегирмен-сая мы находим в керамике из андроновских могил Северного Казахстана⁹, хотя наблюдается и значительное своеобразие. Отсутствие орнамента, а также общее сходство формы дают возможность сопоставить найденные нами горшки с сосудами из Алексеевского могильника¹⁰. Подобная керамика встречена и на территории Киргизии, в могильниках Таш-Тюбе и Таш-Башат¹¹.

В тегирмен-сайской керамике нетрудно заметить отличие от сосудов ранних стадий андроновской культуры. На втором этапе, алакульском, сосуды характеризуются уступом на плечиках¹². Таким образом, учитывая параллели нашим находкам в материалах других районов Средней Азии, Казахстана и Сибири, мы можем датировать вскрытые могилы Тегирмен-сая алакульским этапом андроновской культуры. В связи с этим следует отметить, что серия изученных памятников эпохи бронзы на территории Киргизии и многочисленные случайные находки вещей поздней поры эпохи бронзы¹³, получившие в свое время отражение в статьях А. Н. Бернштама, А. К. Кибирова, Б. М. Зимма, П. Н. Кожемяко, Е. Е. Кузьминой¹⁴, в совокупности дают нам возможность говорить о довольно широком освоении территории Киргизстана племенами эпохи бронзы.

Рассмотренные погребения эпохи бронзы в Тегирмен-сая интересны тем, что они найдены в ранее не известном районе области распространения памятников андроновской культуры и расширяют ее ареал. Наконец, в связи с находкой этих погребений следует еще раз поставить вопрос о необходимости систематического изучения памятников эпохи бронзы на территории Киргизии.

⁶ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. II, Л., 1927, рис. 25, 7.

⁷ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. V, серия археологическая, 1958, табл. V, рис. 14а, 20 и 32.

⁸ К. А. Акшиев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат диссертации: Л., 1953, стр. 6, 7; см. также А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 268.

⁹ А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. II, рис. 2.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, т. XVII, М., 1948, рис. 51, 6.

¹¹ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., рис. 14, 2; рис. 15, 4.

¹² А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 268.

¹³ Основная масса случайных находок бронзовых орудий в Киргизии относилась ко времени андроновской культуры. М. П. Грязнов в докладе на секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА убедительно показал принадлежность их к поздней бронзе, к карасукско-замараевскому (предскифскому) времени.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 19—22; А. К. Кибиров и П. Н. Кожемяко. Новые ламятники эпохи бронзы. Труды института истории АН Кирг. ССР, вып. 2, 1956; Б. М. Зимма. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941; Е. Е. Кузьмина. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-кульского клада). Известия АН Кирг. ССР, серия обществ. наук, т. III, вып. 3, 1961.

Е. Е. КУЗЬМИНА

КУПУХТА — МОГИЛЬНИК АНДРОНОВСКОЙ ЗНАТИ

Еленовский отряд¹ (работающий в составе руководимой К. Ф. Смирновым Оренбургской экспедиции Института археологии АН СССР) систематически изучает андроновские памятники, расположенные в окрестностях поселка Еленовка в Домбаровском районе, на юго-востоке Оренбургской области. За три года (1959—1961) обследовано 13 могильников, на шести из которых проведены были раскопки. Все могильники расположены на левом берегу речек, напротив одновременных поселений. Несмотря на большое сходство исследованных могильников, по характеру погребальных сооружений и некоторым особенностям керамики удается предположительно разделить их на две хронологические группы — раннеалакульскую и позднеалакульскую.

Могильник Купухта, раскопки которого начаты в 1961 г.², несколько отличается от других андроновских памятников Еленовского микрорайона и может быть выделен особо³. Он расположен в степи на левом берегу р. Киимбай, в 600 м ниже впадения ее правого притока — речки Купухты. К северо-западу от могильника находится андроновское поселение, отделенное от него неглубоким оврагом, возможно, старицей р. Киимбай. Могильник состоит из 11 величественных сооружений, которые могут быть разделены по внешнему виду на три типа: 1) земляные насыпи сегментовидной формы, высотой 0,75—1 м и диаметром 14—16 м, окруженные на расстоянии 1—2 м от основания каменным кольцом из крупных камней, врытых вертикально на ребро (№ 1, 2, 5 и 7, а также насыпь меньшей высоты и более сложной конструкции — № 8); 2) земляные насыпи сегментовидной формы (№ 4, 6 и 9); 3) каменные кольца (небольшие — № 3 и 10 и большое — № 11). Раскопки позволили установить, что погребальный обряд в сооружениях первого и второго типов весьма сходен⁴.

В курганах второго типа под насыпью во всех случаях прослежено кольцо, состоящее из камней меньшего размера, перекрытое насыпью в результате ее расползания⁵. На уровне древнего горизонта, внутри кольца, в южной части курганов № 4, 6, 7 и 9 обнаружены остатки тризны — сосуды и кости животных. Тризна совершена до сооружения насыпи. На вершине курганов № 2, 6 и 7 под дерновым слоем была небольшая

¹ Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КОИА АН СССР, вып. 88, 1962.

² Могильник открыт в 1959 г.; в 1961 г. часть сооружений на нем была распахана.

³ К этому же типу видимо, относятся могильники Ушкаты III и Байту I.

⁴ Вскрыты сооружения № 2, 4, 6, 7 и 9. Раскопки кольца № 3 не дали ничего, кроме трех неопределимых обгорелых косточек.

⁵ Пола кургана № 4 перекрыла каменное кольцо и часть пола кургана № 2.

каменная вымостка⁶. Под насыпью в центре находилась грунтовая могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая с северо-востока на юго-запад. В курганах № 2 и 9 погребения были одиночными, а в курганах № 4, 6 и 7, — видимо, парными; размеры ям в этих случаях весьма значительны при небольшой глубине⁷. В кургане № 7 края могильной ямы были укреплены небольшими камнями. В северо-западной части кургана № 6 открыта вторая могильная яма (1,4 × 0,6 м) — погребение младенца, положенного скорченно на правом боку, головой на юго-запад.

Все раскопанные погребения (за исключением захоронений младенца в кургане № 6 и подростка в кургане № 9) оказались ограбленными. Интересная особенность погребений в курганах № 4 и 7 состоит в том, что в могилу клались несколько черепов и конечностей лошадей и быков⁸. В юго-западной части каждой ямы найдены фрагменты 2—3 сосудов. Ориентировка ям, размещение керамики в их юго-западной части и положение сохранившихся неповрежденными скелетов в курганах № 2 и 9 и костяка младенца в кургане № 6 позволяют заключить, что погребенные, как правило, лежали скорченно на боку, головой на юго-запад. Таким образом, обряд погребения Купухты типичен для андроновских могильников Еленовского микрорайона: сооружение каменного кольца, устройство тризны, погребение в грунтовой могильной яме, юго-западная ориентировка и находка в могиле 2—3 сосудов — все эти черты прослежены и в других еленовских могильниках.

Однако некоторые детали обряда в могильнике Купухта обращают на себя внимание. Группировка курганов и их большие размеры не характерны для других еленовских могильников, где обычно бывает несколько курганов диаметром не более 10 м; эти курганы малочисленны, расположены беспорядочно и окружены маленькими кольцами. На могильнике Купухта они составляют единую группу⁹. Особенности этого могильника — величина составляющих кольцо камней, достигающих 1 м высоты; большие размеры могильных ям (особенно парных и детских); положение в могилу черепов животных. Ограбление всех погребений взрослых¹⁰ позволяет предполагать, что курганы Купухты отличались не только размерами, но и богатством инвентаря. Этот вывод подтверждается находкой медного ножа и золотого височного кольца в ограбленном кургане № 7 и комплексом, найденным в могиле девочки-подростка (№ 9). В состав инвентаря этого погребения, кроме двух сосудов, входят более 100 таранных костей овцы и коровы и богатые бронзовые украшения, обложенные золотой фольгой, — браслет со спиральными концами, медное височное кольцо и бусы на ногах. Золотые и с золотой обкладкой украшения не были ни разу обнаружены ни в одном из исследованных до сих пор могильников Еленовского микрорайона.

Керамика могильника Купухта представлена 20 сосудами четырех типов (рис. 37):

1. Богато орнаментированные горшковидные сосуды большого диаметра, с выпуклым плечом (иногда с уступчиком на нем) и небольшим донцем. Максимальное расширение стенок приходится несколько ниже плечиков. По венчику сосуды украшены косыми или противостоящими треугольниками;

⁶ Такая же вымостка была в нераскопанных курганах № 1, 5 и 8. В грабительских ямах в этих курганах виден ряд камней.

⁷ Размеры ям одиночных захоронений — 1,6 × 0,8 м и 1,85 × 0,8 м; парных погребений — 2,6—2,8 × 1,6—2 м.

⁸ Возможно, что черепа и кости были положены на деревянное перекрытие и впоследствии сползли в яму. Osteологический материал определен В. И. Цалкиным.

⁹ Исключение составляют могильники Байту I и Ушкатты III, состоящие из нескольких курганов с кольцом (в могильнике Ушкатты III курганы достигают диаметра 30 м и высоты 1,9 м). Эти могильники относятся к тому же типу, что и Купухта.

¹⁰ В центре всех нераскопанных сооружений могильника имеются большие грабительские ямы.

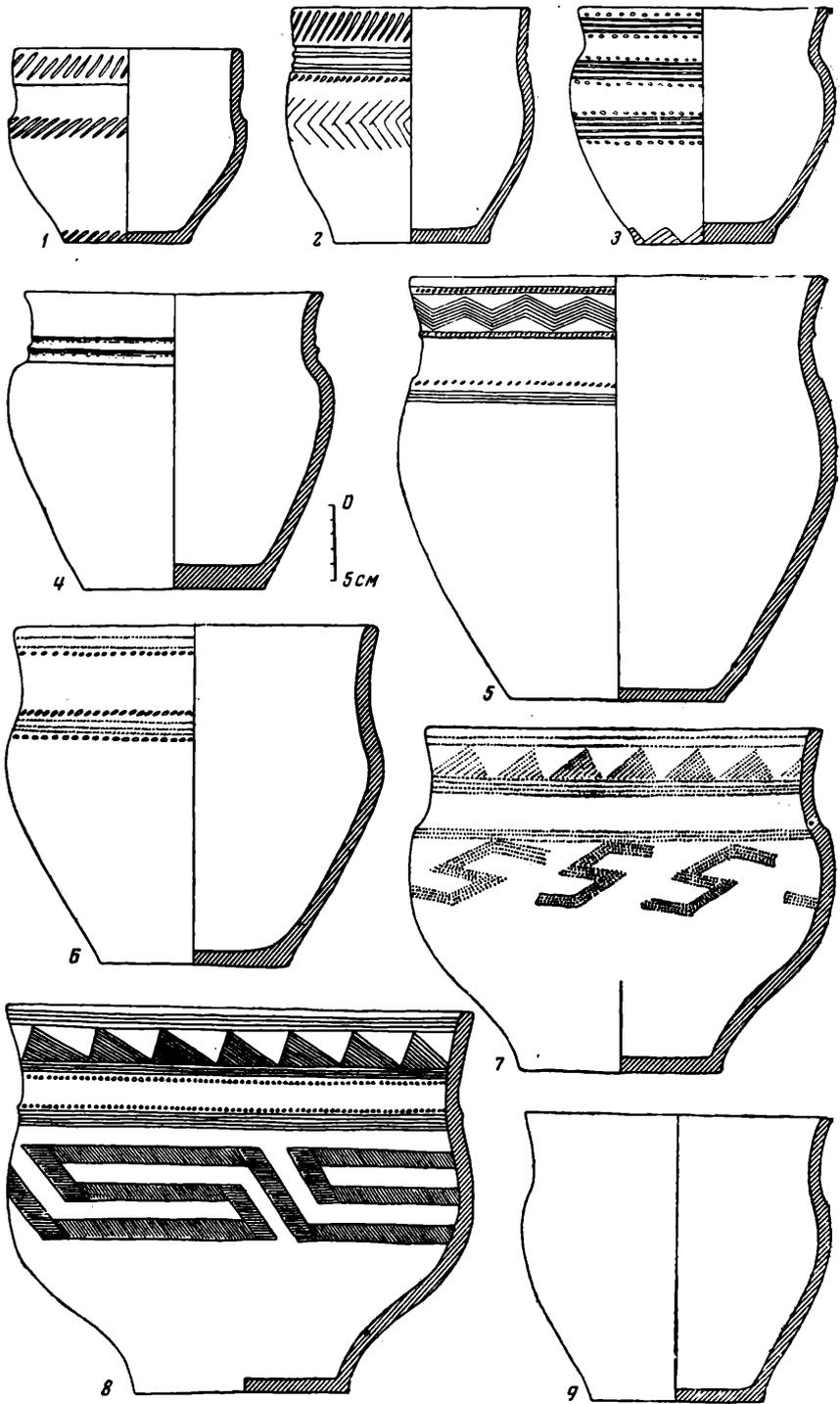

Рис. 37. Сосуды из могильника Купухта.

1, 7 — курган № 7; 2—4, 8 — курган № 4; 5 — курган № 2; 6, 9 — курган № 6 (погребение взрослого)

на тулове нанесен сложный орнамент из двух полос, заштрихованных горизонтально, косо или вертикально. Пересекаясь, они образуют меандр, сложные геометрические фигуры в виде букв z, x, s и др. Орнамент нанесен гладким или зубчатым штампом (рис. 37—7, 8).

2. Неорнаментированные горшки средней величины иногда с 2—3 горизонтальными каннелюрами, нижняя из которых образует уступчик (рис. 37—4, 9).

3. Небольшие горшочки с округлым плечиком, украшенные полосами треугольных и овальных вдавлений (рис. 37—3, 6).

4. Горшочки с уступом, украшенные оттисками гладкого штампа, образующими насечки, елочку и равнобедренные треугольники (рис. 37—1, 2).

Наружная поверхность всех сосудов покрыта прекрасным черным или коричневым лощением. Глина содержит примесь дресвы, а в некоторых случаях и небольшую примесь блестящих частиц слюды.

В каждой из исследованных могил представлены разные типы сосудов, что позволяет считать погребения синхронными. Керамика, аналогичная описанной выше, найдена и на поселении Купухта (рис. 38). Среди посуды отсюда есть все типы, отмеченные в могильнике и, кроме того, толстостенные большие кухонные сосуды, украшенные иногда пальцевыми вдавлениями и треугольниками. Композиция орнамента некоторых сосудов с поселения очень близка декору найденных в могильнике, что позволяет синхронизировать поселение и могильник.

Сосуды из могильника Купухта несколько напоминают керамику из могильников Ушкаты I и особенно Байту, где также в одном комплексе встречаются сосуды с уступчиком на плечиках и без него. Для сосудов с уступчиком характерны хорошее лощение, богатая орнаментация и сильно раздутые бока, причем максимальное расширение тулова находится примерно на середине высоты.

В других могильниках пропорции сосудов с уступом более вытянутые, наружная поверхность без лощения, а лишь заглажена; богатая орнаментация отсутствует, зубчатый штамп почти не применяется. Эти особенности керамики, нам кажется, могут рассматриваться как хронологический признак для выделения ранней и поздней групп алакульских могильников Еленовского микрорайона¹¹. На сопредельных территориях распространения андроновской культуры наиболее близкие купухтинскому комплексы керамики найдены М. П. Грязновым в могильниках Киргильда I и II в Западном Казахстане¹². Однако отмеченное сходство касается только сосудов первого типа. Сосуды второго типа с каннелюрами и особенно третьего типа с рядами треугольных и овальных оттисков следует признать специфически купухтинскими. Анализ керамики позволяет отнести могильник Купухта к орско-актюбинскому варианту андроновской культуры и предположительно датировать его средним периодом алакульского этапа развития андроновской культуры в микрорайоне¹³.

Остальной инвентарь не противоречит этому определению. В кургане № 7 найден нож, отлитый из меди, аналогичной по составу той, которая выплавлялась на поселении Купухта из еленовской руды¹⁴; это подтверждает предположение о связи могильника и поселения. Нож — двухлезвийный, с черешком и ребром посередине (рис. 39—6). Аналогичный по форме и величине нож найден в Кожумбердинском могильнике¹⁵.

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 86—87.

¹² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. II, Л., 1927, рис. 4, 3, 4; рис. 20, 2, 5, 8, 9, 11—17.

¹³ Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников Еленовского микрорайона. Доклад на III Уральском археологическом совещании в г. Уфе, 1962.

¹⁴ Анализы медных изделий, руды и шлаков лезбно произведены Е. Н. Черных в лаборатории спектрального и структурного анализа Института археологии АН СССР.

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 74.

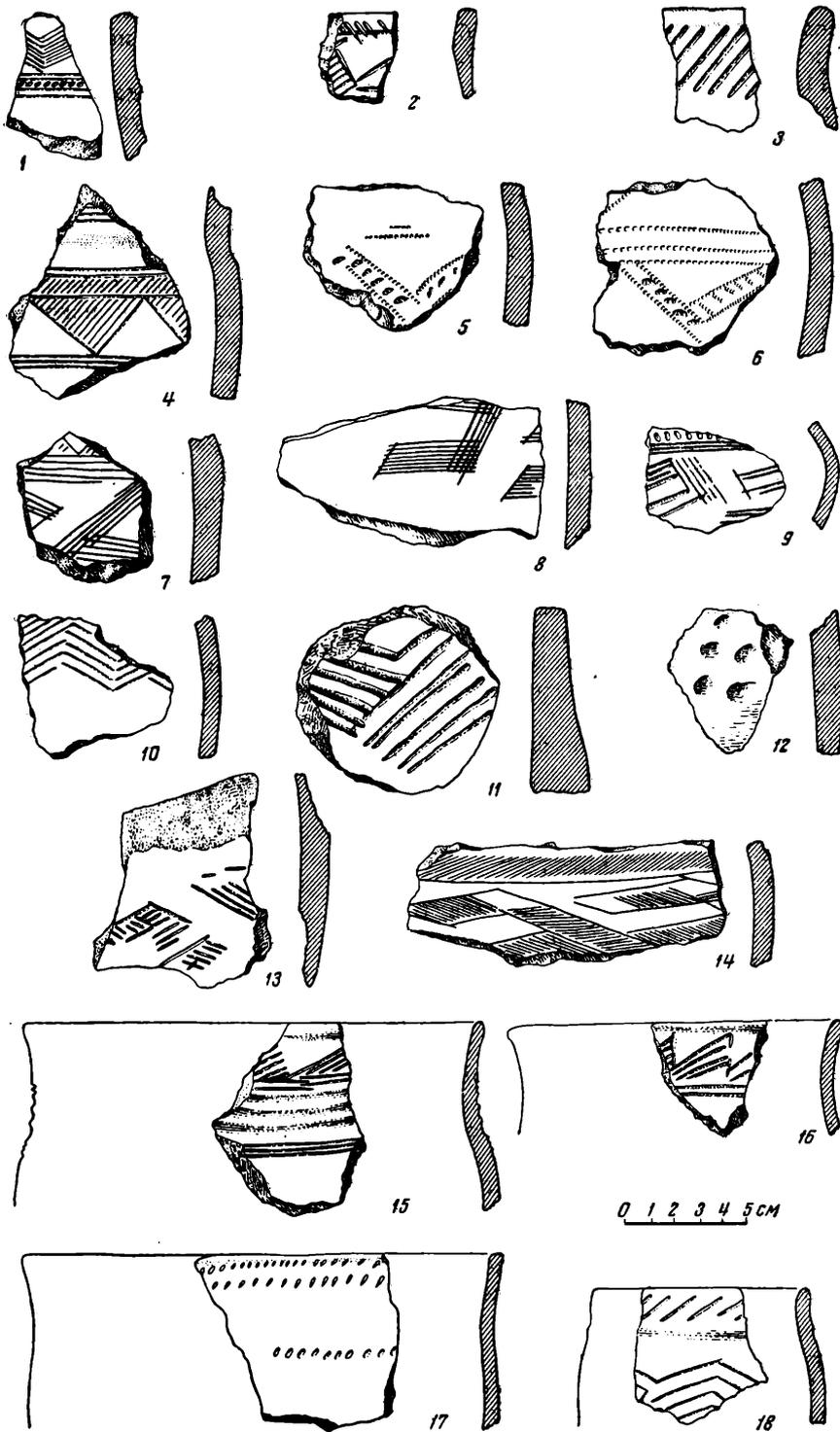

Рис. 38. Керамика с поселения Купухта (1—18).

Сходные по форме, но более вытянутые и более крупных размеров ножи известны в погребениях андроновской¹⁶ и срубной¹⁷ культур, иногда в комплексе с височными привесками, подобными купухтинским.

Найденные в могильнике височные привески относятся к двум типам. В кургане № 7 обнаружено золотое височное кольцо, свернутое из круглого в сечении гвоздика, в шляпке которого проделано маленькое углубление

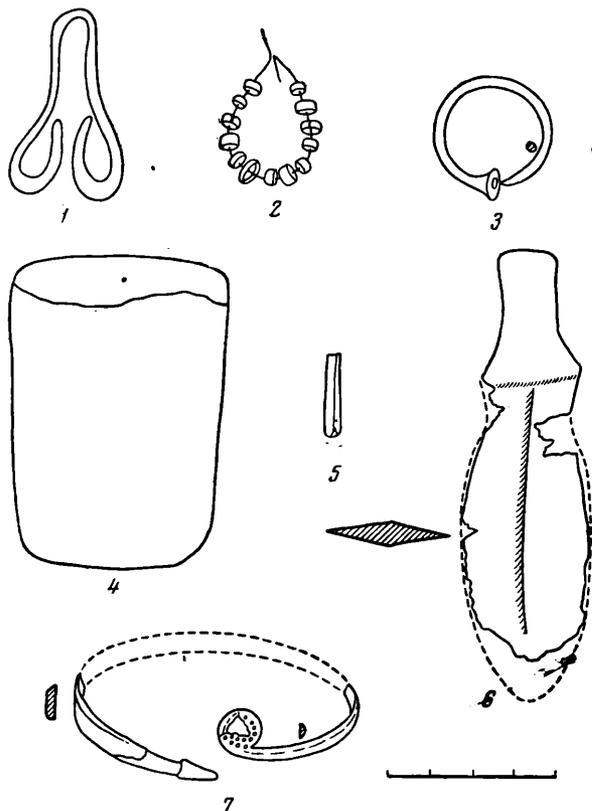

Рис. 39. Вещи из курганов Купухта.

1 — бронзовое височное кольцо (курган № 9); 2 — бронзовые бусы (курган № 9); 3 — золотое височное кольцо (курган № 7); 4 — каменный пест (курган № 4); 5 — бронзовая пронизка (курган № 6); 6 — бронзовый нож (курган № 7); 7 — бронзовый браслет с золотой фольгой (курган № 9).

(рис. 39—3). Оно близко напоминает бронзовые височные колечки с расрубом, часто обложенные золотой фольгой, известные по материалам могильников Казахстана — Боровое¹⁸, Малый Кайтас¹⁹, Тау-Тары²⁰;

¹⁶ В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области. КСИИМК, вып. 71, 1958, рис. 20; М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 25, 1; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. V, серия археологическая, 1958, табл. VII, рис. 1.

¹⁷ И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, рис. 3, 6; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, вып. IV, 1928, рис. 42.

¹⁸ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 223, 229, 233; табл. IV, рис. 1 и 7; табл. V, рис. 14, 14а, 20 и 32.

¹⁹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 210, рис. 26, 7; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XXVIIа.

²⁰ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. VII, 40.

в Сибири — Орак²¹, Ордынское, Томский могильник на Малом Мысу²² и в Киргизии — Таш-Тюбе II²³. Обычно эти привески считаются типичными для федоровских погребений андроновской культуры, что может служить подтверждением относительно ранней датировки могильника Купухта.

Однако С. В. Киселев указывает, что височные кольца с гвоздевидной шляпкой известны в погребениях карасукской эпохи²⁴. К карасукской же эпохе близко по времени и погребение на Малом Мысу, где височное кольцо найдено вместе с типично карасукской двойной бляшкой и зеркалом²⁵. Видимо, данный тип украшений, несколько видоизменившись, продолжал бытовать и в более позднее время²⁶. Вне территории андроновской культуры эти украшения не известны, что позволяет рассматривать их как специфически андроновские, причем характерные, главным образом, для центральных и восточных районов распространения этой культуры.

Второй тип височных колец могильника Купухта представлен находкой из кургана № 9. Кольцо сделано из бронзовой пластины, концы которой загнуты внутрь в одной плоскости (рис. 39—1). Подобные височные привески, свернутые из желобчатой пластины и несколько отличающиеся друг от друга формой изгиба пластины, образующей то привески, аналогичные купухтинской, то восьмеркообразные (в том случае, когда концы заходят друг за друга), — довольно часто встречаются в памятниках срубной²⁷ и тазабагъябской²⁸ культур, а также в орско-актюбинской группе²⁹; в центральных и восточных районах распространения андроновской культуры они неизвестны.

Вместе с височной привеской в кургане № 9 найден браслет с несомкнутыми, спирально свернутыми концами (рис. 39—7). Он сделан из выпукловогнутой желобчатой пластины, обложенной золотым листом и украшенной пунсонным орнаментом. Аналогичные бронзовые браслеты широко распространены в памятниках андроновской культуры: на Урале — в Алакульском могильнике³⁰ и Царевом кургане³¹, в орско-актюбинском районе — в могильниках Урал-сай³², Тулайкин аул³³, Тасты-Бутак³⁴; в Казах-

²¹ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник ГЭ, вып. 3, Л., 1961, стр. 49, 56, 57, табл. XV, 10.

²² М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, стр. 22, рис. 8, 5, 6.

²³ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Известия АН Кирг. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3, 1960, стр. 98, рис. 5, 2.

²⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 47, 48.

²⁵ М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 22, 27.

²⁶ Большая часть привесок, найденных в федоровских погребениях, не цельнолитые, а с раскованным раструбом, что также свидетельствует о более ранней их дате.

²⁷ В. В. Гольмстен. Указ. соч., рис. 42; И. В. Силицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. I, 1953, рис. 36—2; его же. Памятники родового общества степей Заволжья. Ученые записки Саратовского университета, т. LXVI, 1958, рис. 4—6; Н. Я. Мерперт. Материалы к археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, рис. 13 и 31. P. R. u. Neue Funde des Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV, Helsingfors, 1929, рис. 18.

²⁸ М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3. МХЭ, вып. 5, 1960, стр. 77, 79.

²⁹ В. С. Сорокин. Указ. соч., рис. 20; М. Г. Мошкова. Отчет о работе Оренбургского отряда в 1959 г. Архив ИА АН СССР, № 2034а, рис. 22.

³⁰ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 68, рис. 4.

³¹ Тезисы доклада К. В. Сальникова на Втором Уральском археологическом совещании в Свердловске в 1961 г.

³² М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 24, 1, стр. 206, 207.

³³ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Известия ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 95, 104; рис. 76.

³⁴ В. С. Сорокин. Тасты-Бутак. МИА, № 120, 1962.

стане — в могильниках Алексеевском³⁵, Ата-су, Былкылдак³⁶, Малый Кайтас³⁷, в кладе у с. Палацы³⁸ и среди случайных находок у Семипалатинска³⁹ и около Усть-Каменогорска⁴⁰. В Сибири они известны под находкам в Томском могильнике⁴¹. В Среднеазиатском междуречье сходные по типу украшения есть в числе могильного инвентаря разрушенных погребений у с. Искандер и в кладе у с. Аурахмат⁴².

Какова датировка украшений этого типа? До сих пор, как кажется, они были найдены в погребениях алакульского времени, за исключением браслетов в могильниках Кайтас и Сангуыр II⁴³. Сравнительно поздняя дата их подтверждается находкой браслета в кладе у с. Палацы в комплексе с кинжалом позднебронзового типа и в погребении большереченской культуры в Томском могильнике. Вне территории андроновской культуры подобный браслет известен в кладе из Собанчеева⁴⁴, в состав которого входят, кроме того, копье с прорезьями и кельт с двумя ушками, позволяющие датировать клад концом эпохи бронзы. Браслеты со спиральными концами различаются в разных районах по степени выпуклости спирали: для восточных районов типичны те, у которых спираль образует высокий конус; в Средней Азии и Казахстане встречаются даже такие, у которых спираль не свернута, а конусовидный выступ отлит вместе с браслетом; для Западного Казахстана и Урала характерны браслеты со слегка выступающей спиралью, как у купухтинского экземпляра.

Наконец, в курганах № 6, 7 и 9 найдены бронзовые бочонковидные бусы и пронизка, свернутые из полоски металла (рис. 39—2, 5). В кургане № 9 эти бусы находились на ногах, у шиколоток и были, вероятно, нанизаны на шнурок для завязывания обуви, как это было распространено у всех андроновских племен⁴⁵.

Металлический инвентарь погребений Купухты в целом больше всего напоминает комплекс из могильника Малый Кайтас, где тоже представлены богатые украшения из золота, меди, а также медные, обложенные фольгой, и медный нож. С. В. Киселев, анализируя этот памятник, пришел к заключению, что в богатых подкурганных могилах Кайтаса следует видеть погребения знати⁴⁶. Особенности погребального обряда и инвентаря могильника Купухта — монументальный характер насыпей, богатство погребений — позволяют высказать предположение, что и этот могильник принадлежал привилегированной группе андроновского общества.

Еще одна особенность погребений Купухты — наличие в них большого количества костей животных. В погребении подростка в кургане № 9 найдено более 100 таранных костей овцы и коровы, тогда как обычно в детских захоронениях других могильников Еленовского микрорайона встречается всего по 2—3 альчика. В курганах № 4, 6, 7 и 9 кости животных

³⁵ О. Krivtsov-Grakov. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol. ESA, IV, Helsingfors, 1929, стр. 116—125, рис. 10; е е же. Алексеевское поселение и могильник, рис. 37, 1, 2, 4.

³⁶ Археологическая карта Казахстана, табл. VI, 37.

³⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 25, 5.

³⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. X.

³⁹ Там же, стр. 206, 207 (из коллекции Белослюдовых).

⁴⁰ Усть-Каменогорский музей. Находка сделана в Маракульском районе.

⁴¹ М. Н. Комарова. Томский могильник, рис. 17; относится уже к большереченской культуре, стр. 44, 46.

⁴² П. Уварова. Туркестанский музей в Ташкенте. Труды VII, АС, т. 2, 1891, табл. VII, 27; М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории. ТИИА АН Узб. ССР, т. I, 1948, стр. 65—70, рис. 1.

⁴³ М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. 12, 1961, табл. II, 2, 5.

⁴⁴ ОАК за 1896 г., стр. 41, рис. 56.

⁴⁵ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры..., стр. 50.

⁴⁶ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 53.

входили в состав остатков тризны; кроме того, в курганах № 4 и 7, видимо, над могильной ямой были положены головы, ноги и другие части туши быков и лошадей. В других могильниках после тризны оставалось лишь иногда несколько костей, чаще всего — овцы ⁴⁷.

По-видимому, на Купухте совершен обряд жертвенного приношения — голов и ног коней и быков ⁴⁸. С чем связан этот обычай, что он символизирует? Известно, что у многих народов с черепом этих животных связывались различные религиозные представления. Особенно большую роль играют конь и бык в мифологии древних арийцев. По древнеиндийским представлениям солнце (Сурья) фигурирует в образе коня, бык символизирует огонь — Агни, а корова — воду; их соединение приводит к созданию материального мира ⁴⁹. По авестийской традиции бык был первым творением Ахура-Мазды; из его тела и семени возникли растения и животные. Образ быка связан со стихией воды, что особенно проявляется в легендах о Третаоне и Сарсаоке ⁵⁰. Вместе с тем он связан и с соляренным культом; это тотемное животное солнечного божества Митры ⁵¹. Не менее заметную роль в мифологии древних иранцев играл конь, также связанный со стихией воды (миф об Апаоше, коне — хранителе вод), но, главным образом, с солнцем (в образе всадника на черном коне предстает среднеазиатское солнечное божество Сиявуш) ⁵². Связь коня с соляренным культом прослеживается в мифологии иранцев и в более позднее время. Так, по Геродоту, массагеты приносят в жертву солнцу лошадей ⁵³.

Конь и бык занимали существенное место в религии скифов. В этой связи особенно интересны терракотовая пластинка из Херсонеса с изображением скифо-сарматской Великой Богини с бычьей головой и изображение из с. Мерджан, где рядом с богиней помещен кол с насаженным на него конским черепом ⁵⁴. По мнению М. И. Артамонова, эта богиня — хтоническое божество и вместе с тем — богиня производительных сил природы. Ее образ, возможно, близок образу древней иранской богини Аргимпасы — покровительницы скота и божеству воды, культ последней (воды) был, видимо, особенно распространен у племен Приуралья ⁵⁵.

⁴⁷ В других памятниках андроновской культуры известны находки черепов, главным образом, лошади, а также быка, — правда, не в таком количестве, как на Купухте (см., например, К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 63; К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат диссертации. Л., 1953, стр. 7; А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 120; М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 174; А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 262; Е. Е. Кузьмина. Результаты работ на Эмбе в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, стр. 91).

В погребениях срубной культуры известны случаи положения у могилы части туши и черепа коровы (И. В. Сеницын. Памятники родового общества..., стр. 298) и погребения коней (К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 240; его же. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 209 и сл.).

⁴⁸ О происхождении обычая приношений голов и ног коней и быков см. S. Piggott. Heads and Hoofs. Antiquity, XXXVI, N 142, 1962.

⁴⁹ См., например, G. Dumézil. Jupiter, Mars, Quirinus. 1941; P. Dumond. L'Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte Védique. Paris, 1927; J. Tavadia From Aryan methology to zoroastrian theology. ZDMG, Bd. 193, 1953, стр. 344—353; V. Agravala. Fire in the Rigveda. «East and West», 1960, v. 11, N 1.

⁵⁰ J. Darmsteter. Ormazd et Ahriman. Paris, 1877, стр. 102, 105.

⁵¹ A. Christensen. Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens, I. Stockholm, 1917, стр. 110.

⁵² М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 34—44.

⁵³ Геродот, I, 216; Страбон, II, 8, 6.

⁵⁴ М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник ГЭ, вып. 2, Л., 1961, стр. 62, 65.

⁵⁵ E. Herzfeld. Zoroaster and his world. Princeton, 1947, t. I, стр. 516, 554, 557; E. Phillips. The Argippaei of Herodotus. «Artibus Asiae», v. XXIII, № 2, 1960, стр. 125.

Таким образом, находки черепов быка и коня в погребениях Купухты не только свидетельствуют об особом богатстве погребенных, но и позволяют подойти к сложной, но интересной проблеме религиозных представлений андроновских племен. Вместе с тем в среднеазиатско-иранской мифологии бык стал очень давно символом царской власти: в образе полубыка Гопатшаха изображался первый царь иранцев⁵⁶; быкоглавая палица стала символом власти каянидских царей⁵⁷. Не позволяют ли эти данные, относящиеся к более поздней эпохе, считать все же, что черепа быков и коней отнюдь не случайно найдены в погребениях Купухты?

Следует упомянуть, что к востоку от могильника находится интересное сооружение в виде невысокого восьмеркообразного земляного вала, у основания которого наклонно в сторону реки врыта большая плоская каменная плита — стела. Несомненно, что это сооружение связано с могильником; подобные стелы зарегистрированы вблизи двух других могильников — Байту и Атакен-сай⁵⁸. Намогильные стелы известны в памятниках ямной, афанасьевской, андроновской, карасукской культур и в мегалитических культурах Западной Европы. Г. Чайлд рассматривал их как изображения богини погребений⁵⁹. А. А. Формозов видит в этих стелах образ погребенного в кургане человека, — возможно, вождя⁶⁰. То обстоятельство, что в Еленовском микрорайоне стелы располагаются не на кургане, а обычно по одной вблизи от могильника, позволяет, скорее, думать, что они изображают мать-прародительницу, как полагал М. П. Грязнов⁶¹, или героизированного предка — родоначальника и, может быть, вождя⁶².

⁵⁶ К. В. Тревер. Гопат-шах — пастух-царь. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 71—85.

⁵⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1949, стр. 294, 295.

⁵⁸ Аналогичные стелы известны в Центральном Казахстане (Т. Басенов, М. Мендикулов, А. Маргуля. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 29); М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950, стр. 128.

⁵⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 408—410.

⁶⁰ А. А. Формозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР. ВИМК, 1961, № 6, стр. 110.

⁶¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 128.

⁶² У местного казахского населения сохранилась легенда, что в могильнике Купухта погребены знаменитые герои, зажигающие по ночам огни.

Г. И. АНДРЕЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮЖНОМ И ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПРИМОРЬЯ В 1960 ГОДУ

В 1960 г. Прибрежный отряд Дальневосточной экспедиции на средства Института археологии АН СССР и Министерства культуры РСФСР производил раскопочные и разведочные работы на побережье Южного и Восточного Приморья. Основные раскопки были сосредоточены в бухтах Судзухе, Пхусун и Валентин (рис. 40). В первой работы велись на трех поселениях — Судзухе 3, 4 и 5. Первые два поселения открыты нами в 1958 г.¹, последнее — в 1960 г., причем оно относится уже к железному веку.

Работами 1960 г. окончательно установлено, что поселение Судзухе 3 двуслойное, повторяющее стратиграфию Зайсановки 1 (Хасанский район). Нижний слой поселения включал керамику зайсановского облика, украшенную нарезным узором в виде вертикальных зигзагов или елки, обработанные ретушированием орудия, сделанные на отщепках кремнистых сланцев и обсидиана, и массу отщепов. В верхних горизонтах обнаружена керамика, типичная для поселений южноприморской культуры (культуры раковинных куч — по терминологии А. П. Окладникова), украшенная прочерченными горизонтальными линиями и узорами из элементов различных геометрических фигур, налепными валиками, а также ручками-ушками со сквозным отверстием (рис. 41—6, 7, 8, 11). Из каменных изделий, помимо грузил из плоских галек, встреченных в большом количестве, отметим обломки шлифованного кинжала (рукоять и нижнюю часть клинка; рис. 41—15), шлифованный наконечник стрелы, пест-терочник (рис. 41—20). Дополнительная шурфовка в 1960 г. на поселении Судзухе 3 показала, что поселение южноприморской культуры занимало значительно большую площадь, чем поселение предшествующего (зайсановского) времени.

Раскопки на поселении южноприморской культуры — Судзухе 4 подтвердили слабую насыщенность культурного слоя; это позволяет предполагать недолговременность существования поселения.

Во время раскопок в бухте Судзухе была предпринята небольшая разведка по побережью к северу-востоку от поселка. В небольшой бухте, которую местное население называет Чехуненковой, на берегу озера-лагуны, отделенного от моря узким песчаным перешейком, было открыто поселение, по материалам близкое верхнему слою Судзухе 3.

¹ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1958 г. Отчет. Архив ИА, Р-1, № 1777, стр. 3, 4; см. также Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 88, 1962.

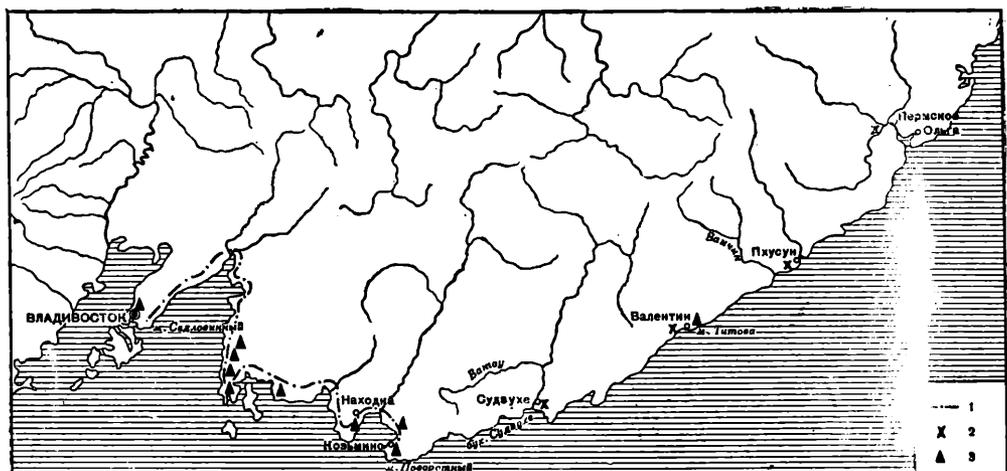

Рис. 40. Схематическая карта разведок и раскопок Прибрежного отряда в 1960 г.

1 — маршрут разведок; 2 — места раскопок; 3 — скопления поселений, открытых отрядом при разведках.

Очень важные результаты получены при раскопках в бухте Пхусун, на поселении, открытом в 1959 г. геологом Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР Е. П. Денисовым². Вскрыто 100 кв. м, причем обнаружено два углубления в скалистом грунте, в пределах которых и группировались основные находки. В одном из них оказались остатки очага, вокруг которого найдено очень много раздавленных сосудов, пряслиц и бус из камня и глины. В другом углублении отмечены скопления огромного количества отщепов и чешуек кремня, а также заготовок и законченных орудий: наконечников стрел, скребков, ножей и других предметов. Наконечники стрел — ромбовидные (рис. 42—1, 3), треугольные с выемкой в основании (рис. 42—2, 6, 7) и черешковые (рис. 42—9, 10) — сделаны на ножевидных пластинах и на отщепах. Скребки также изготовлялись и на пластинах и на отщепах (рис. 42—8, 11). Кремневые ножи — двух форм: треугольные асимметричные и лавролистные (рис. 42—17, 19, 21). Найдено много проколов (рис. 42—14) и вкладышей (рис. 42—13, 16, 18). Характерно для поселения большое количество ножевидных пластин (рис. 42—15, 20, 22), конических нуклеусов (рис. 42—23, 24) и орудий, изготовленных на ножевидных пластинах.

Все это найдено вместе с керамикой, причем орудия не производят впечатления палеолитических, а напротив, по формам и обработке их следует сопоставлять с образцами, типичными для неолита и более позднего времени. Тёсла, бусы, а также некоторые наконечники стрел выполнены техникой шлифования. Обращает на себя внимание большое количество круглых предметов из мягкого желтовато-беловатого туфа, напоминающих таблетки. У них плоское основание и выпуклый верх. Назначение их пока не ясно.

Вся керамика, найденная в процессе раскопок, — лепная, плоскодонная и делится на две неравные группы. Первую, наиболее многочисленную, составляют неорнаментированные сосуды с широким открытым горлом, венчик которых, напоминая воротничковый, украшен с внешней стороны вертикальными насечками (рис. 41—17, 19). Значительно меньше обнаружено неорнаментированных сосудов с плавно и очень немного отогнутым

² Е. П. Денисов. Находки поселения каменного века. Газета «Красное знамя» от 29 октября 1959 г., г. Владивосток.

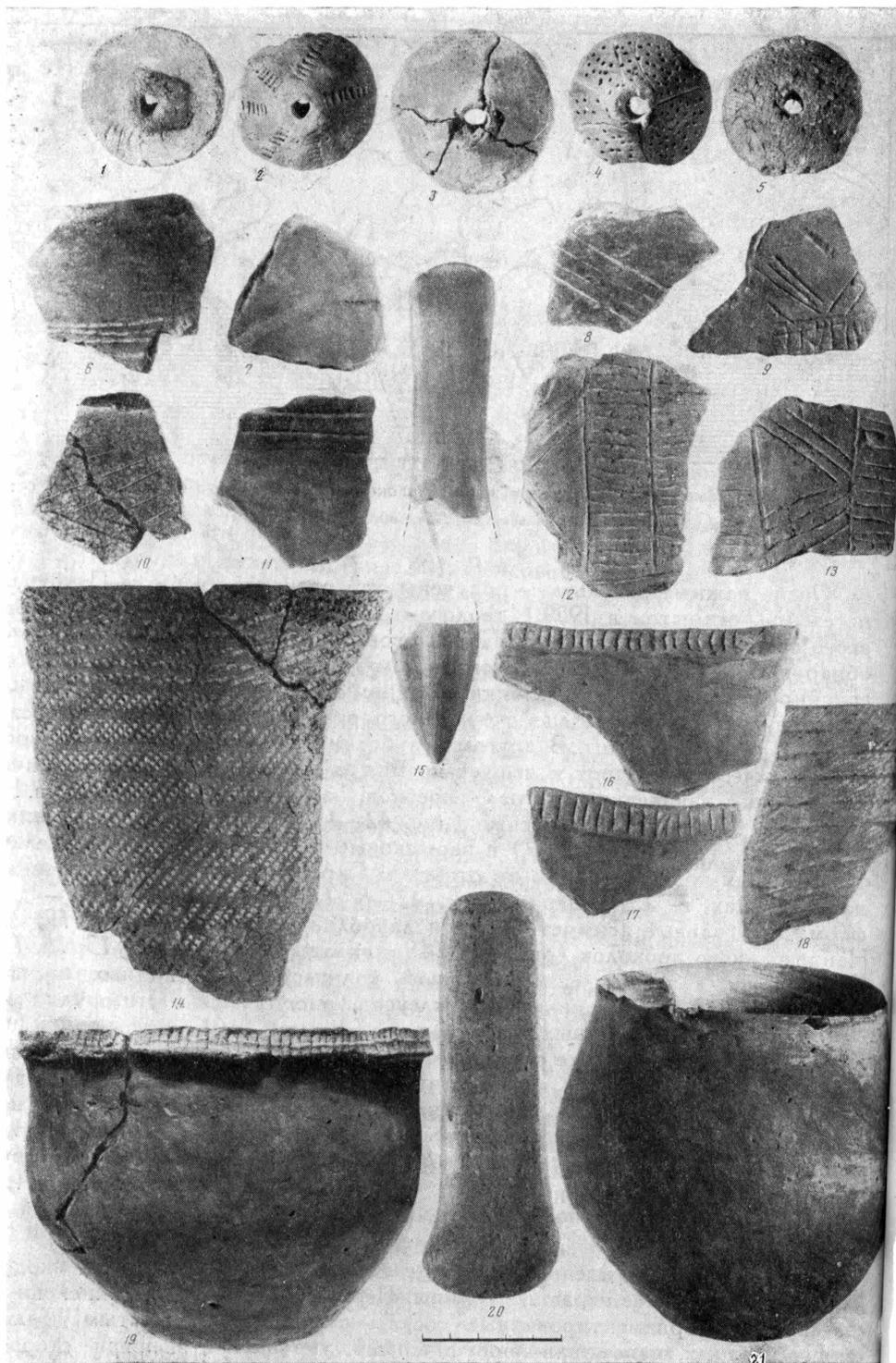

Рис. 41. Находки с поселений.

1—5, 16—19, 21 — Пхусун; 6—9, 11—13, 15, 20 — Судзукэ 3; 10, 14 — Перское 2
 (1—14, 16—19, 21 — глина; 15, 20 — камень).

венчиком, мисок и еще меньше — биконических сосудов с ребром на тулове (рис. 41—21).

Вторая группа немногочисленна. Ее составляют более толстостенные сосуды с прямым венчиком и почти прямыми стенками, слегка суживающимися ко дну, украшенные очень своеобразным узором, не известным мне на керамике с других поселений Приморья. Значительную часть стенок сосудов покрывает как бы сетка из ромбов, заполненных отпечатками гребенчатых штампов (рис. 41—18). Найдено очень немного фрагментов, на которых орнамент напоминает елочный.

Глиняные пряслица — усеченно-конические (рис. 41—2—4) или биконические в сечении, причем отдельные экземпляры последних напоминают колесо с выступающими по обеим сторонам втулками (рис. 41—1).

Комплекс орудий дает представление о таких сторонах хозяйства, как охота, рыболовство, прядение и, судя по находкам зернотерки и куранта, — о земледелии. Не ясен пока еще вопрос о том, однослойно ли поселение, поэтому и о времени его в целом или каких-либо слоев говорить рано.

Были также проведены раскопки и разведки в бухте Валентин. При раскопках поселения Валентин-перешеек обнаружено огромное количество наконечников стрел, дротиков, ножей, сверл, проколов, топоров и тесел, терочников и терочных плит, мотыг и других предметов из камня. Собрано очень много разнообразной керамики.

При зачистке стенки водоотводной траншеи, сооруженной колхозниками на поселении Пермское 2³, найдены фрагменты сосуда, украшенного отрисками гребенчатого штампа (рис. 41—14). Оформлением венчика и орнаментом этот сосуд несколько напоминает керамику второй группы Пхусунского поселения, рассматриваемого выше.

Очень важные материалы получены при шурфовке поселения у Щербаковки⁴, открытого нами в 1959 г. В 1960 г. здесь заложены два шурфа, в которых найдены плоскодонная подлощенная неорнаментированная керамика, обломки глиняного пряслица и каменного ножа, ножевидные пластины и, самое главное, нуклеус-скребок сибирского типа.

Значительно больше обследовано памятников в разведывательном маршруте по южному побережью от бухты Андреева в Уссурийском заливе до мыса Поворотного в заливе Америка. Некоторые пункты на этом участке в 20-х годах были посещены А. И. Разиным, где им открыты несколько поселений с раковинными кучами⁵. В бухте Андреева мы осмотрели поселения в бухточке Вальтена⁶ и между поселком Южный и мысом Седловидным⁷, а также на самом мысу Седловидном⁸. Все указанные поселения, относящиеся к южноприморской культуре, очень быстро разрушаются. На мысе Седловидном, около маяка, обнаружены остатки почти полностью разрушенного поселения более раннего времени. Об этом можно судить по находкам здесь кремневых и обсидиановых отщепов и обломка ретушированного орудия. Фрагменты керамики настолько мелкие, что уточнить время поселения нельзя.

³ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Об археологических исследованиях..., стр. 19, 20.

⁴ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Отчет об археологических исследованиях в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1959 г. Архив ИА, Р-1, № 1923, стр. 29, 30.

⁵ Об этом можно судить по коллекциям, имеющимся в фондах Приморского краевого музея имени В. К. Арсеньева.

⁶ Г. И. Андреев. Отчет о результатах разведок, произведенных Прибрежным отрядом Дальневосточной экспедиции на побережье залива Петра Великого в 1955 г. Архив ИА, Р-1, № 1440, стр. 16.

⁷ Там же, стр. 8—16; см. также Ж. В. Андреева. Раскопки в Уссурийском заливе в 1955 г. Труды ДФСО АН СССР, серия историческая, т. I, 1959, стр. 117—126.

⁸ Г. И. Андреев. Отчет о результатах разведок... в 1955 г., стд. 17—25; его же. Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе. КСИИМК, вып. 74, 1959.

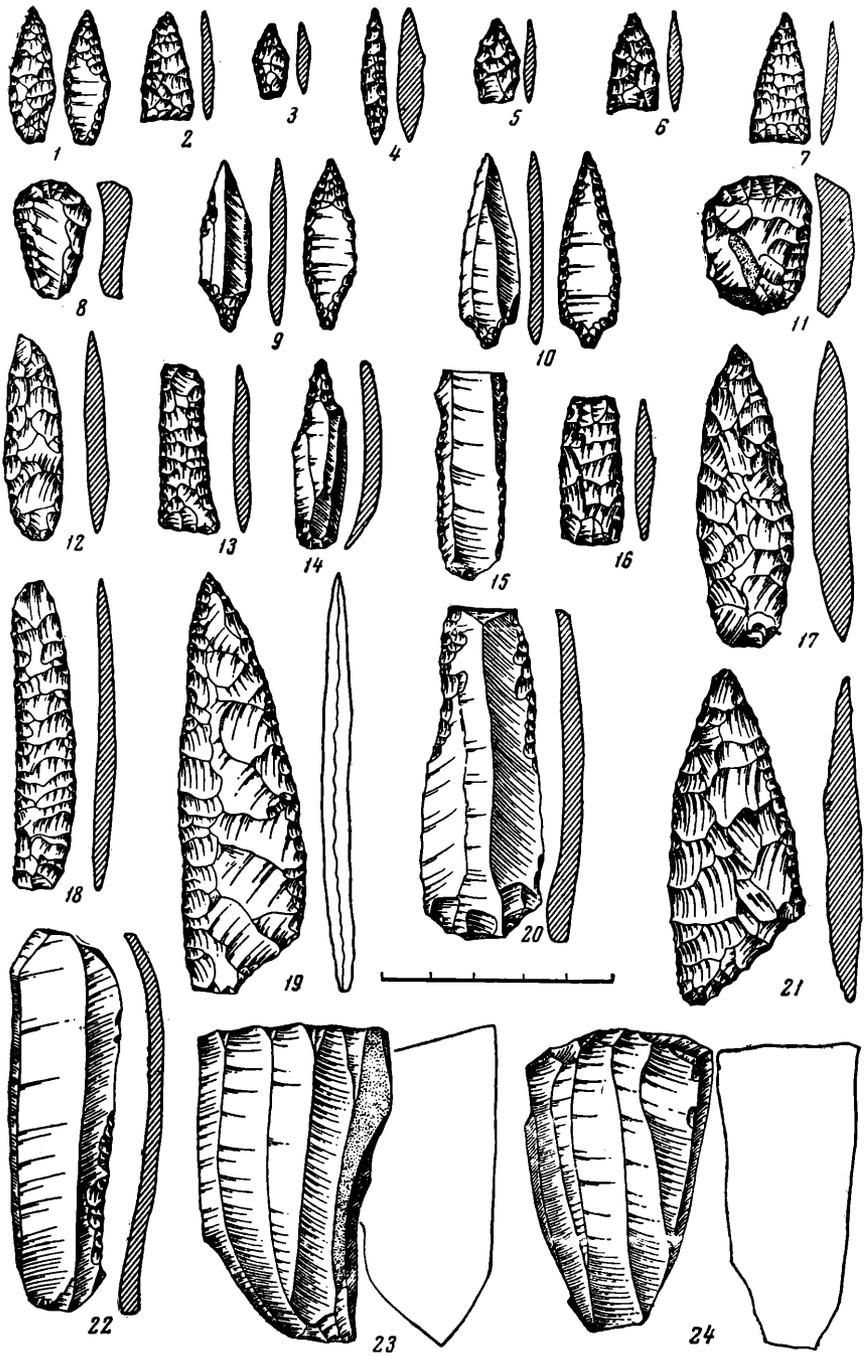

Рис. 42. Каменный инвентарь Пхусунского поселения.

1—7, 9, 10, 12 — наконечники стрел; 8, 11 — скребки; 13, 16, 18 — вкладыши; 14 — проколка;
15, 20, 22 — пластинки с ретушью; 17, 19, 21 — ножи; 23, 24 — нуклеусы.

Две стоянки открыты нами в бухте Ильмовой, которая далеко выступающим в море мысом делится на северную (более обширную) и южную бухточки. В северной бухточке (в северной ее части, на южном склоне) в дорожной канаве удалось проследить очень тонкий культурный слой и собрать фрагменты керамики. Керамика и грузила найдены и в центральной части южной бухточки, на втором прибойно-намывном валу.

В бухте Вампауши также обнаружено два поселения: одно из них — в южной части бухты, на огородах, расположенных на высоте 8—12 м над уровнем моря; другое — в северной части, на склоне сопки, разрезаемом дорогой, около ключа. Культурный слой здесь, судя по всему, хорошо сохранился, и можно производить раскопки.

На обоих поселениях собраны грузила, обломки шлифованных каменных орудий и керамика, позволяющая относить эти памятники к южноприморской культуре.

Несколько поселений, расположенных довольно далеко друг от друга, обнаружено и в бухте Подъяпольского. В юго-восточной части ее поселение разрушается огородами, на которых найдены керамика и каменное шлифованное тесло. На многих фрагментах керамики, собранных на поселении в восточной части бухты (у магазина), сохранились налепные шпательные и прочерченные узоры, столь характерные для южноприморской культуры. К той же культуре относятся остатки еще одного, огромного поселения, обнаруженного в северо-восточной части бухты (на улицах Центральной и Набережной).

Исследовался участок побережья на полуострове Дунай, в районе поселка Темп. Одна из стоянок найдена в проливе Стрелок, на мысу Низком. Стоянка частично разрушена. Культурный слой, толщиной всего 10—15 см, содержит керамику, обычную для южноприморской культуры. В этом же поселке на мысу (около школы) собраны фрагменты лепной керамики.

По направлению к бухте Разбойник, на окраине поселка, около речки, обнаружено огромное поселение южноприморской культуры, сильно разрушенное волнами, что свидетельствует о низком его расположении относительно уровня моря. Собрано очень много керамики, грузил и обломков каменных орудий.

Проведен осмотр бухты Сысоева, берега которой, как правило, высокие и обрывистые, и лишь в некоторых местах в бухту выходят распадки; на их склонах, близко к морю, располагаются остатки поселений. Первый пункт обнаружен приблизительно в 300 м к западу от карьера. Культурный слой тонкий, темный. Керамика напоминает южноприморскую. Примерно в 1 км к западу от первого пункта, на высоком мысу, на западной его стороне, найдены единичные фрагменты керамики. Третий пункт, где встречены керамика и грузила из плоских галек, расположен на западном берегу ручья, впадающего в море. В оползнях берега прослеживается темный, сильно гумированный культурный слой толщиной около 0,3—0,5 м, очень слабо насыщенный находками. Перейдя через увал, обнаружили остатки еще одного поселения. Находки прослеживаются на огромной площади, занятой пашнями. Собрано много керамики, напоминающей южноприморскую, и свыше десятка каменных грузил.

Обследовался, наконец, участок побережья залива Америка — от бухты Находка до мыса Поворотного. Очень интересны находки в самом городе Находка. Здесь осмотрен мыс, расположенный сразу же при въезде в город, к западу от дороги из Душкино в Находку, в 300 м к северу от озера. Находки встречены на южном, восточном и западном склонах мыса, причем на различных высотных отметках относительно уровня озера. Кроме керамики и грузил — обычных находок при предварительном осмотре поселений, здесь обнаружены целое глиняное пряслице, сланцевый шлифованный нож с отверстием, четырёхгранное в сечении полированное тесло. Основная масса находок близка к южноприморским.

Несколько памятников открыто на участке между Владимиро-Александровским и бухтой Врангеля, а также в самой бухте Врангеля. В 16 км от Владимиро-Александровского обнаружены остатки трех поселений; одно из них средневековое, два других — значительно более раннего времени.

Очень интересны находки, сделанные в 1,5—2 км от поселка Врангеля. Здесь на мысу террасы, расположенном далеко от берега бухты и сильно разрушаемом водами и скотом, собраны отщепы кремня и обсидиана, а также керамика, напоминающая керамику с поселения Валентин-перешеек.

В бухте Врангеля остатки поселений найдены в нескольких местах. Керамика собрана на юго-западной окраине поселка Врангеля, слева от дороги в Козьмино, на 5—6-метровой береговой террасе, в 40—50 м от берега моря. В западной части бухты, справа от дороги, на южном склоне мыса, на огородах собраны керамика, грузила и шлифованный наконечник стрелы, обычные для южноприморской культуры. К тому же времени, судя по керамике, следует относить и кучи раковин, обнаруженные на одном из прибойно-намывных валов, расположенных в самом поселке. Еще один пункт с материалами, близкими южноприморским, обнаружен в северо-восточной части бухты близ поселка Берегового, на берегу моря, на террасе. Другое поселение, открытое близ поселка Берегового, более интересно, так как керамика, найденная здесь, украшена гребенчатым орнаментом, в том числе и «тянутой» гребенкой⁹, т. е. орнаментом, типичным для керамики зайсановской культуры.

При обследовании бухты Козьмино примерно в 800—900 м к западу-юго-западу от поселка того же наименования, на высоком мысу, на огородах, собрано много типичной южноприморской керамики и грузил. Западнее, в полукилометре, на прибойно-намывном валу довольно низко над уровнем моря обнаружена раковинная куча. Попытки найти среди напластований моллюсков лепную керамику и каменные орудия — не увенчались успехом; обнаружены обломки железных предметов, изделия из кости и фрагменты серой лощеной керамики, сделанной на круге. В бухте Козьмино, на перешейке, отделяющем озеро Соленое от моря, осмотрены остатки полностью разрушенного огородами и постройками поселения южноприморской культуры, которое открыто и обследовано А. И. Разиным в 1927 г.

Что же нового дали раскопки и разведки, проведенные в 1960 г. на побережье Южного и Восточного Приморья? Разведки по южному побережью показали прежде всего, что поселения южноприморской культуры есть почти во всех бухтах и заливах и, — что очень важно, — далеко не все они сопровождаются напластованиями куч раковин: их нет у поселения в бухтах Вампауши и Подъяпольского, в проливе Стрелок на мысу Низком и в других местах. Следовательно, определение возраста этих поселений опиралось не на существование раковинных куч, а на керамику и каменные орудия. Яркое подтверждение тому, что кучи раковин не могут характеризовать ту или иную культуру, — это раковинная куча с железными предметами и серой лощеной керамикой, сделанной на круге, обнаруженная близ поселка Козьмино.

Другим важным результатом разведок 1960 г. на юге Приморья можно считать открытие в районе бухты Врангеля поселений с керамикой зайсановского облика и типа поселения Валентин-перешеек. Еще более ценные данные получены при контрольных зачистках, шурфовках и особенно при раскопках поселений. Важность материалов заключается не только в их новизне, многочисленности и разнообразии, как, например, на поселении Валентин-перешеек или в Пхусуне. При раскопках Пхусунского поселения и шурфовке у Щербакówki найдены не только ножевидные пласти-

⁹ Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье. СА, 1957, № 2, стр. 136, рис. 12, 5, 8, 9.

ны, но и соответствующих форм нуклеусы: на первом — призматические и конические, на втором — нуклеус-скребок сибирского типа, причем в обоих случаях — в культурном слое вместе с огромным количеством керамики и другими изделиями из глины и камня. Напомним, кстати, что еще один нуклеус-скребок сибирского типа обнаружен нами в 1959 г. на одном из поселений в поселке Лазо и также вместе с керамикой. Все эти факты говорят о том, что техника снятия ножевидных пластин в Приморье бытовала не только в период позднего палеолита и раннего неолита, но и значительно позднее.

Огромное значение для истории Приморья имеют находки 1961 г. на поселении Валентин-перешеек. Сотни орудий (по определению С. А. Семенова — мотыги) свидетельствуют о раннеземледельческом характере поселения и позволяют относить появление земледелия в Приморье к более раннему времени, чем считалось до сих пор. Вряд ли теперь есть основания связывать этот процесс с проникновением в Приморье южноприморской культуры (культуры раковинных куч). Находки льячек на поселении позволяют предположить существование местной металлургии в Приморье уже во II тысячелетии до н. э., что в корне меняет господствовавшие до сих пор представления. Из отдельных находок очень интересен сосуд, на котором впервые не только в Приморье, но и на Дальнем Востоке в целом, удалось отметить рельефные фигурки людей.

М. К. АКОПОВА, В. А. ПАЗУХИН, В. А. ЧИЖОВ

МОГЛИ ЛИ ДРЕВНИЕ МАСТЕРА ВЫПЛАВЛЯТЬ АЛЮМИНИЕВУЮ БРОНЗУ?

Казалось бы, это праздный вопрос, поскольку алюминий впервые начал выплавлять с помощью натрия Сент-Клер Девиль в середине прошлого века и примерно в то же время братья Коульс наладили выплавку алюминиевой бронзы в электрических печах¹. Тем удивительнее было читать в работах известного физико-химика Л. И. Каштанова о примечательности чудских бронз по содержанию в них алюминия. Так, в «квадратной пластинке» из погребения № 20 могильника X—XI вв. в с. Подболотье, Владимирской области, оказалось 14% алюминия при содержании 71,24% меди, 6,97% цинка, 4,69% олова, 2,97% свинца, 0,21% никеля и следов железа; в сумме это дает 100,08%². В другой работе³ в таблице анализов бронз пьяноборской культуры мы находим содержание алюминия в двух бляшках (из раскопок в 1935 г. могильника Чегенда), равное 12,14% и 10,7%, а в обойнице из могильника в Елабужском районе его оказалось 7,54%. Л. И. Каштанов подчеркнул, что все чудские бронзовые поделки из Прикамья содержат алюминий, а в сейминских бронзах его нет.

В первой из указанных статей автор ссылается на книгу Мейнандера⁴, в которой якобы среди анализов древних финских бронз отмечено содержание алюминия до 7%. Однако у финского автора в сводке анализов мы находим всего шесть количественных определений, но не алюминия, а суммы его и железа, причем наибольшая сумма — 1,63%, а наименьшая — 0,21%. Все эти определения принадлежат М. Кенттамаа (1934 г.) и, очевидно, свидетельствуют о примесях в его пробах железа, обычных в древних бронзах; примесь же алюминия была настолько мала, что ее отдельно он не определял так же, как многие другие аналитики. Что касается алюминия, то в 16 пробах в той же сводке указаны следы его, а в шести — присутствие по спектрам.

По причине широкого распространения в природе алюминий открывается спектральным анализом во всех древних медных сплавах и потому как примесь в них не может служить признаком, определяющим происхождение образца⁵. Л. И. Каштанов, вопреки этому, на основании «нахождения» в бронзах примеси алюминия строил широкие обобщения.

¹ А. И. Беляев. История алюминия. Труды Института истории естествознания и техники, т. XX, 1959, стр. 25, 50.

² Л. И. Каштанов, М. Я. Каштанова. Химический состав древних финских сплавов. Труды Института истории естествознания и техники, т. VI, 1955, стр. 211.

³ Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов. Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала. КСИИМК, вып. 72, 1958, табл. 5.

⁴ С. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finnland. Finska fornminnestörensingens Tidskrift, Helsinki, 1954, стр. 64, 65.

⁵ R. Pittioni. Urzeitlicher Bergbau auf Kupfererz und Spuranalyse. Archaeol. Austr. Beiheft, 1, Wien, 1957, стр. 9, 10.

Во второй статье он пытался объяснить «найденные» им большие примеси алюминия в древних бронзах присадкой криолита при их выплавке плавильщиками во всем Прикамье.

Термодинамическими расчетами давно уже показано, что алюминий можно восстановить из окиси углеродом лишь при высоких температурах, достижимых в электрических печах; это еще раньше было доказано опытом. Однако из печи выходило больше карбида алюминия, чем его самого. Это затруднение обошли братья Коульс, добавив медь, и получили алюминиевую бронзу. Доля алюминия в ней зависит от температуры в печи, поэтому в простом горне, как у древних плавильщиков, при выплавке меди или бронзы в нее могли переходить лишь следы алюминия. С присадкой криолита его было бы в бронзе больше, поскольку фториды легче восстанавливаются, чем окислы. Но такая присадка совершенно невероятна в Прикамье, так как криолит — минерал довольно редкий. На Урале известно только одно небольшое месторождение алюминиевой руды — Журавлинское, где изредка находили криолит.

Но что же могла дать такая присадка? Весьма мало, как показывают расчеты, подтвержденные следующими простыми опытами в условиях, самых благоприятных для насыщения меди алюминием. Мы плавим примерно по часу в газовом горне при нагреве до 1250° в графитовом тигле с крышкой (под слоем древесного угля) смеси равных по весу частей тончайшего медного порошка с мелким чистым криолитом или с добавкой к нему глинозема. Выплавленные корольки меди содержат всего 0,06% алюминия.

Примеси в меди цинка или олова могли способствовать переходу в нее алюминия. Плавки той же смеси с присадками окиси цинка или окиси олова дали медные корольки со следующими примесями (в процентах):

Цинка . . .	11,52	13,85	18,74	19,52	—	—
Олова . . .	—	—	—	—	5,13	4,03
Алюминия . .	0,19	0,09	0,19	0,21	0,16	0,20

Опыты показали, что в древних медных сплавах могут находиться лишь малые примеси алюминия, не больше 0,2%; это и подтверждают надежные анализы их.

Ошибочность определений алюминия в древних бронзах у Л. И. Каштанова несомненна и подчеркивается нахождением в них только следов железа, неизменного спутника меди в рудах. Чем же объяснить эти ошибки у опытного химика? Вероятнее всего, — условиями отбора проб, анализы которых дают у него почти всегда сумму определений около 100%. Трудно поверить, чтобы даже опробование тонкостенных пластинок, бляшек, обоймицы — тех предметов, которые по анализу содержали много алюминия, — дало чистые сплавы без примеси окисленных соединений. Стало быть, сумма определений могла дать 100% только при пересчете итогов на процентные отношения между металлами. При опробовании окисленных бронз, без предварительной очистки от коррозии, легко упустить из вида примазки на них глины из почвы, окрашенной медной зеленью. Такие примазки, попав в пробу, увеличат в ней долю алюминия.

Любопытно, что в книге Мейнандера, в которую ссылался Л. И. Каштанов, приведены примеры разительных ошибок в прежних анализах. Эти ошибки, доказанные им самим и А. Ольдбергом, должны были бы настоятельно привлечь внимание нашего автора, к сожалению, слишком поспешного во многих выводах.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
В 1961 ГОДУ.

Сектор Средней Азии и Кавказа

Сотрудники сектора Средней Азии и Кавказа в 1961 г. продолжали разрабатывать две основные проблемы, намеченные по семилетнему плану Института: «Происхождение человека и история первобытного общества» (Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, К. Х. Кушнарева, В. С. Сорокин, В. П. Шилов, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин, Г. А. Максименков и др.) и «Генезис феодализма и развитие различных форм феодальных отношений» (А. М. Беленицкий, С. И. Руденко, А. М. Мандельштам, О. Г. Большаков, А. А. Гаврилова). Кроме того, сотрудники сектора составляли выпуски Свода археологических источников — «Памятники афанасьевской культуры» (М. П. Грязнов), «Неолитические памятники Казахстана» (С. С. Черников) и «Энеолит южных областей Средней Азии» (В. М. Массон).

Продолжалась работа над коллективными трудами — «Археология Средней Азии» (редактор — А. М. Беленицкий) и «Бронзовый век Сибири» (редактор — М. П. Грязнов).

По теме «Археология Средней Азии» велась интенсивная подготовка первого тома, посвященного каменному и бронзовому веку Средней Азии. В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский и И. Н. Хлопин написали ряд глав (о джейтунской культуре, о культуре энеолита в Южной Туркмении, о чувстской культуре в Фергане и др.). В 1962 г. намечено завершить первый том. Для второго и третьего томов, касающихся древней и средневековой археологии Средней Азии, собирали материалы А. М. Беленицкий, А. М. Мандельштам и О. Г. Большаков.

Начаты исследования по теме «Бронзовый век Сибири». Поставлена задача выявить особенности памятников эпохи бронзы в разных районах азиатской части степной и лесостепной полос и в различные периоды этой эпохи, чтобы затем наметить основные линии развития культуры древних племен Сибири. Написаны два раздела — «Памятники эпохи бронзы Челябинских степей» (В. С. Сорокин) и «Андроновская культура на р. Оби» (М. П. Грязнов).

М. П. Грязнов работал над выпуском Свода археологических источников — «Памятники афанасьевской культуры», в котором дается полный обзор всех памятников, включая большую серию неопубликованных материалов из раскопок за последние 15 лет; эти материалы ценны тем, что они исследованы более совершенно, чем те, которые известны в литературе.

С. С. Черников продолжал составление выпуска Свода археологических источников — «Дюнные стоянки Казахстана (неолит и энеолит)». В опи-

сания памятников входят неизданные коллекции (Семипалатинские дюны, Мало-Красноярка, Капрак-коль, Тургай). Работа в основном завершена. Результаты ее неоднократно обсуждались на заседаниях сектора.

А. А. Гаврилова вела исследования по темам «Древние ткани из могильников Заволжья IX—XIV вв.» и «Отношение заволжских погребений с тканями к сибирским». В основу первой из них легли результаты раскопок В. П. Шилова в Волгоградской области. Установлен круг культурных связей поздних кочевников Заволжья. Вторая тема освещает вопрос, еще не затронутый исследователями памятников поздних кочевников южнорусских степей,— о том, какие элементы в культуре кочевников Заволжья происходят из Сибири и с какими движениями племен они могли быть связаны.

Г. А. Максименков успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура древних племен Среднего Енисея в эпоху бронзы». На основе большого археологического материала автором опровергается существующая в литературе точка зрения о том, что Красноярско-Канский район был лишен собственной металлургической индустрии, а все известные оттуда бронзовые предметы — импорт из Минусинской котловины. Дается общая историческая картина развития Красноярско-Канского района с эпохи энеолита до эпохи поздней бронзы.

А. А. Иессен работал над материалами Азербайджанской экспедиции. Для второго тома Трудов экспедиции им подготовлено исследование на основе старых материалов и восьмилетних работ экспедиции, дающее обзор исторического развития в южных районах Азербайджана со времен энеолита до средних веков. Кроме того, для этого же тома написан отчет о раскопках большого кургана в урочище Уч-тепе в Мильской степи в 1957—1960 гг.

К. Х. Кушнарева вела исследования по теме «Культура Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.». Ею (совместно с археологом Т. Н. Чубинишвили) написана статья, в которой приводится сводка новейших материалов по так называемой «куро-араксской» культуре Закавказья. Высокий уровень металлопроизводства уже в начале III тысячелетия (выплавка металла, литье отдельных предметов и пр.), а также существование примитивной металлургии задолго до начала III тысячелетия позволили авторам поставить вопрос об отнесении «куро-араксской» культуры не к эпохе энеолита, а к эпохе ранней бронзы.

А. М. Беленицкий продолжал работу над монографией «Культура древнего Пенджикента». Закончена глава «Вооружение народов Средней Азии и Шахнаме». Устанавливается, что почти все виды боевого и защитного оружия, о котором говорится в поэме, могут быть иллюстрированы находками и изображениями на памятниках искусства, главным образом,— пенджикентских росписях. Кроме того, написаны разделы «Троны среднеазиатских владетелей накануне арабского завоевания по памятникам изобразительного искусства и письменным источникам» и «Конь и колесница как символ солнечного божества Митры по памятникам изобразительного искусства».

А. М. Мандельштам закончил монографию «Раннекушанские могильники Бишкентской долины», которая составит первую часть исследования, посвященного археологическим аспектам кушанской проблемы. Автором дана полная характеристика более 350 погребений, принадлежащих кочевникам, вторгшимся во II в. до н. э. на территорию Бактрии; рассмотрены отдельные вопросы их культуры и социальной организации. Монография неоднократно обсуждалась на заседаниях сектора.

В. М. Массон продолжал работать над монографией «Средняя Азия и древний Восток», посвященной истории Средней и Передней Азии в VI—III тысячелетиях до н. э. Помимо систематизации накопленных материалов, в этой монографии рассматриваются общие вопросы — о законо-

мерностях общественного развития у древнеземледельческих племен, о переселениях и их месте в этногенезе, о связях Средней Азии с Ираном, Месопотамией и Индией. Закончены часть, посвященная проблеме происхождения раннеземледельческих культур Передней Азии, и раздел по истории Афганистана и Индии. Эти разделы обсуждались на заседаниях сектора.

И. Н. Хлопин завершил большое исследование — «Племена раннего неолита Южной Туркмении», рекомендованное сектором в качестве кандидатской диссертации. В основу исследования легли материалы раскопок Кара-кумского отряда в Геоксюрском оазисе. Кроме того, автором затрагиваются вопросы истории древнеземледельческих племен в Южной Туркмении (локальные варианты этой культуры, хозяйственный облик и общественные отношения древнейших племен Геоксюрского оазиса).

Помимо перечисленных докладов, на заседаниях сектора неоднократно заслушивались и обсуждались отчеты по экспедиционным работам, а также доклады сотрудников других учреждений.

К. Х. Кушнарева.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП — Археологічні пам'ятки
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВМГ — Вестник Музея Грузии
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДТММ — Древности Теджен-Мургабского междуречья
ДФСО АН СССР — Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАН ТССР — Известия АН Туркменской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
РГО — Российское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТИИА АН Узб. ССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Труды ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР
Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
АА — Archäologischer Anzeiger (приложение к «Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts», Berlin).
AS — Anatolian Studies. Ankara
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
OIP — Oriental Institute Publications. Chicago
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilisation
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
ТТК — Türk Tarih Kurumu
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

- А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры . . . 3
В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до нашей эры . . . 15

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

- Н. Я. Мерперт. Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции 24
А. А. Формозов. Новое о южных связях майкопской культуры 34
И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры 38

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- О. С. Гадзьяцкая. Фатьяновские памятники Владимирской области 49
И. И. Артеменко. Фатьяновский могильник на Олочинской горе 55
Э. С. Шарфутдинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище . . . 58
В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни . . . 63
Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса . . . 69
И. Н. Хлопин. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита 74
В. И. Сарияниди. Керамические горны восточноанауских поселений 80
А. Аскаров. Поселение Заман-Баба 86
А. Абетекоев. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай 93
Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской знати 96
Г. И. Андреев. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 году 106
М. К. Акопова, В. А. Пазухин, В. А. Чижев. Могли ли древние мастера выплавлять алюминиевую бронзу? 114

IV. ХРОНИКА

- Работа секторов Института археологии АН СССР в 1961 году. Сектор Средней Азии и Кавказа (К. Х. Кушнарева) 116
Список сокращений 119

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 93

Исследования памятников эпохи энеолита и бронзы

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Ю. В. Рылина. Корректор А. С. Смогилева.

РИСО АН СССР № 119—13В. Сдано в набор 8/Х 1962 г. Подписано к печати 14/1 1963 г. Формат 70 × 108^{1/16}

Печ. л. 7,5 + 1 вкл. = 9,93 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 10 (9,9 + 0,1 вкл.).

Тираж 1300 экз. Т-00734 Изд. № 1164 Тип. зак. 1261

Цена 60 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
91	14 стр.	бодрогкереетурской	бодрогкерестурской
83	6—7 св.	купола	перекрытия
83	8 св.	купольное перекрытие	перекрытие
103	3 св.	под	по